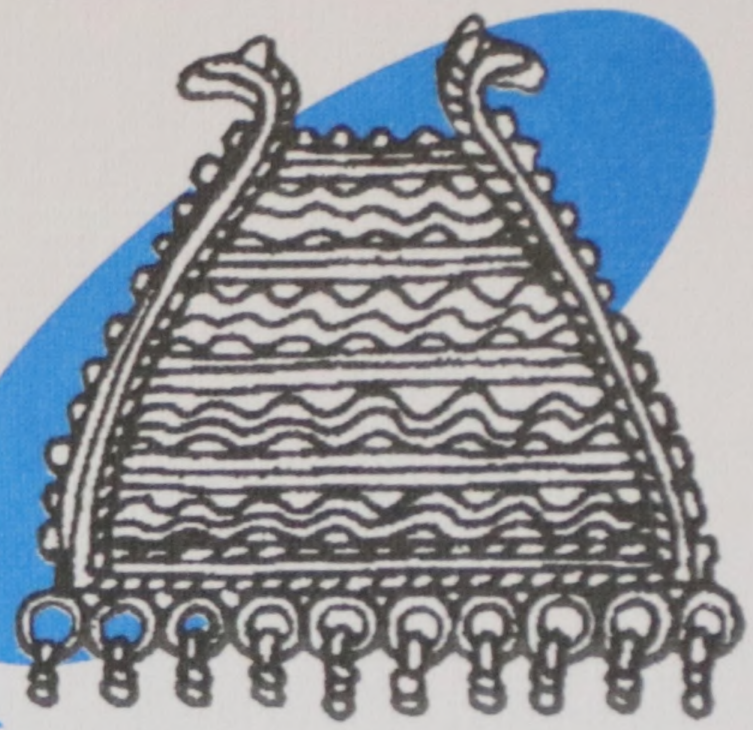
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2011

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2011, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Н.И. Кульбаева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Сануков К.Н. Финно-угорские народы России в условиях глобализации. 3

Горинова Н.В. Традиции В.Чисталева и К.Жакова в драме О.Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» («Поэма о молельнях», 1991) 12

Пекшеева Э.И. Особенности названий частей тела рыб в марийском языке. 24

Зиявадинова О.С. Мифологическая форма чувства природы в произведениях Г.А. Юшкова и И.Г. Торопова. 37

СООБЩЕНИЯ

Акшиков А.Г. Марийская эпиграфика: опыт исследования. 43

Федосеева Н.А. О просветительской деятельности игумена Анастасия (А.И. Кидалашева). 51

Казакова Н.К. Народный костюм горных мари как средство этноэстетического воспитания 58

ПЕРСОНАЛИИ

Владыкин В.Е. Рождённый быть художником (к 65-летию Народного художника Удмуртии, заслуженного художника Российской Федерации П.В. Ёлкина) 64

Молотова Т.Л., Садиков Р.Р. К юбилею Т.Г. Миннияхметовой. 69

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Никитин В.В. Рец.: Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы. (Отв. редакторы В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов). – Саранск, 2008. – 552 с. 75

Цыпанов Е.А. Рец.: Сеппо Лаллукка. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2010. – 336 с. 84

Ракин Н.А. Рец.: Ракин А.Н. Исследования по пермским языкам. – Сыктывкар: ООО «Издательство "Кола"», 2009. – 271 с. 92

Востриков В.Г., Сухин В.И. Рец.: Экономико-экологический фактор в развитии межнациональных отношений на Европейском Северо-Востоке России. XX век. Сборник документов и материалов / сост. А.Н. Турубанов. – Сыктывкар: КРАГСиУ. 2011. – 342 с. 100

Цыпанов Е.А. Рец.: Каксин А.Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). – Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. – Саранск, 2010. – 303 с. 102

ХРОНИКА

Попов Н.С. Итоги Второй Республиканской научно-практической конференция «Йыван Кырла лудмаш» (28 апреля 2011 года). 106

Сведения об авторах 108

«Финно-угроведение», 2011, № 1

СТАТЬИ

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

При характеристике современной эпохи в последнее время модным стало слово «глобализация». Оно часто встречается в общественно-политической литературе и средствах массовой информации.

В определении и характеристике глобализации, как процесса тесного сближения и взаимодействия внутри человеческого сообщества, большинство авторов первоочередное внимание обращают на экономический фактор. Но многие исследователи в качестве важных компонентов выделяют и другие аспекты общественной жизни. Глобализация – объективный процесс, экономически детерминированный, но на него большое влияние оказывает и субъективный фактор – организующее воздействие самих людей, государств, общественных движений. Это процесс нарастающей взаимосвязанности человечества, в противоположность господствовавшей на ранних стадиях дифференциации, один из аспектов эволюции человеческого общества в его этническом многообразии.

Стремление к этническому возрождению стало характерной чертой общественного развития конца XX – начала XXI столетия. Оно охватило многие народы, находящиеся в составе многонациональных государств. Важность этой проблемы видна даже из простой констатации того факта, что большинство политически организованных обществ являются полиэтническими: в мировом сообществе насчитывается немногим более 200 государств, в то время как наций и других этнических общностей имеется не менее двух тысяч (некоторые ученые насчитывают до пяти тысяч). Человечество, пройдя в течение тысячелетий через межплеменные, религиозные, гражданские войны, колониальные завоевания, геноцид, революции, интервенции, пандемии, пронесло и донесло до наших дней это разнообразие этносов со своими культурными ценностями и духовными традициями.

Поэтому проблемы межэтнических отношений и политики государств в этой сфере занимают значительное место в общественных, гуманитарных науках на современном этапе.

В условиях глобализации, когда складывается общемировое экономическое, политическое, правовое, культурное, информационное пространство, финно-угорские народы России, как и любой народ, любая этническая общность, не могут остаться в стороне от интеграционных процессов.

Для народов России глобализация совпала с временем глубокой трансформации всей жизни страны. Это накладывает свой отпечаток на их существование. Ментальные особенности российских угро-финнов оказались в глубоком противоречии с теми нравственными жизненными ценностями, которые востребованы современной действительностью. Это – социальная и территориальная мобильность, активное отношение к собственной судьбе, индивидуализм, приоритет материальных ценностей перед духовным наследием предков. Так называемые «пассивные добродетели», которые сформировались у финно-угорских народов в предшествующие эпохи и помогли им выжить, «не работают» в условиях жесткой экономической и социально-политической конкуренции. В результате у них проявились такие явления, как маргинализация, растерянность перед будущим, повышенная общественная уязвимость, и они оказались в числе первых «жертв глобализации».

Российские финно-угры – аграрные народности с вековыми общинными традициями, за несколько десятилетий уже привыкшие к коллективным формам хозяйствования, оказались выброшенными на индивидуальное выживание, при отсутствии исторического опыта индивидуального товарного, фермерского производства. По существу они вынуждены вернуться к примитивному полунатуральному хозяйству, без доступа к современным техническим достижениям аграрного производства.

Ярким доказательством результатов негативного воздействия условий глобализации на финно-угорские народы России могут служить демографические сведения. Сравним показатели переписей населения 1989 и 2002 годов (1; 2).

Народ	Числ-сть СССР	1989 г. РСФСР	2002 г. РФ	2002 г. к 1989 г.
Мордва	1153987	1072939	843350	– 21,4
Удмурты	746793	714833	636906	– 10,9
Марийцы	670868	643698	604298	– 6,1
Коми	344519	336309	293406	– 18,8
Коми-пермяки	152060	147269	125235	– 15,0
Карелы	130929	124921	93344	– 25,3
Ненцы	34665	34190	41454	+ 21,3
Ханты	22521	22283	28678	+ 28,7
Вепсы	12501	12142	8240	– 27,2
Манси	8474	8335	11432	+ 38,8
Селькупы	3612	3564	4367	+ 22,5

Саами	1890	1835	1991	+ 8,5
Нганасаны	1288	1262	834	– 33,9
Ижора	820	449	327	– 27,2
Энцы	209	198	237	+ 19,8
Водь	?	62	73	+ 17,7
Бесермяне	не учитывались	3122	–	
Финны		47100	33947	– 27,7
Эстонцы		46400	28113	– 39,4
Венгры		5700	3769	– 34,4

Таким образом, в 1989 году в России проживало около 3,3 млн. человек, относящихся к народам уральской языковой группы (из общего количества около 26 млн. в мире). Численность угро-финского и самодийского населения в Российской Федерации в 2002 году составила 2 млн. 763 тыс. человек. Таким образом, она за 1989–2002 годы сократилась на 14,3% при общей убыли населения России за это время на 1,3%. Это самая большая убыль среди народов Российской Федерации. Увеличение количества лиц, которые отнесли себя к малочисленным народностям Севера (кроме нганасан), связано с принятыми российскими властями законами о поощрении их традиционных хозяйственных занятий. Но это – экстраординарный фактор временного действия.

Главные причины такого значительного сокращения родственных народов – превышение смертности над рождаемостью и ассимиляция.

Одним из аспектов эволюции человеческого общества является взаимосоотнесенность. При рассмотрении этой проблемы преобладают суждения о глобализации, как тенденции к созданию единой мировой цивилизации. В подтверждение этого приводятся явления стандартизации, унификации культурных ценностей: в поведении, пище, одежде, мебели, музыке и т.д.

В этом свете актуально звучат призывы к восприятию идей многокультурности (мультикультурализма), исходя из того, что большинство современных государств многонациональны (полиэтничны). В таких странах, к которым относится и Россия, выделяется одна доминирующая, как бы «главная» нация. Следовательно, мультикультурализм в обществе, стремящемся стать гражданским, демократическим, справедливым (или, во всяком случае, заявляющем о таком стремлении), является проблемой этнических, культурных меньшинств. Либерально-демократический подход к этой проблеме считает необходимым сосуществование и диалог различных по масштабам и качеству этнокультурных единиц. Противники такого подхода утверждают, что эта концепция ведет к появлению «невесть откуда взявшихся культур» и что этнические меньшинства в стремлении сохранить свои культурные ценности, не считаясь с тенденциями унификации, загоняют себя в своеобразное культурное «гетто». Этничность, принадлежность к определенной этнической культуре (особенно к культуре «малых» этнических единиц) считают анахронизмом, архаизмом. Отсюда появляется идея внешне очень демократичная, что

«право на отличие» надо сделать сугубо индивидуальным. Такие устремления перенести проблемы сохранения этничности в плоскость индивидуального выбора (включая выбор языка обучения), насаждаемые представителями «великих» наций, находят отклик у значительной (если не подавляющей) части молодого поколения национальных меньшинств и малочисленных народов, в том числе финно-угорских и самодийских. В этой среде вырабатывается стереотип поведения, продиктованный теорией «рационального выбора» в пользу этнокультурной идентичности преобладающей (доминирующей) нации для более успешного карьерного продвижения и минимализации морально-психологического дискомфорта от принадлежности к «меньшинству». Таким образом, «культурный империализм» крупных, доминирующих наций находит себе союзников в тех же этнокультурных общностях, на подавление, поглощение, интеграцию которых он направлен. Это значит, что объективное воздействие глобализации успешно дополняется действием субъективного фактора.

При таком подходе происходит приспособление к проявлениям глобализации без заботы о национальных корнях культуры, о родных языках своих народов. Обеспокоенность по этому поводу в последние годы часто звучит, например, в Финляндии, Эстонии, Венгрии, а не только в финно-угорских регионах России.

Здесь, следовательно, можно говорить о ситуации в финно-угорском сообществе в целом. Народы, имеющие общие исторические корни и судьбы, в лице своих культурно-интеллектуальных элит стремятся создать такое информационно-культурное пространство, которое должно быть направлено на сохранение и укрепление этнокультурного идентитета в условиях глобализации. Они, как, впрочем, и другие народы России, к эпохе глобализации пришли с критически низкой массой сопротивления внешнему, инонациональному влиянию и воздействию.

В объяснении этого у угро-финских народов важно учитывать исторический аспект. В отличие от степных воинственных племен, у предыдущих поколений финно-угров в лесной зоне Евразии выработался спокойный, толерантный характер. Но это качество при его абсолютизации превратилось постепенно в психологию непротивления, смирения, покорности. Эта исторически сложившаяся особенность национального менталитета закрепилась и реально сказывается в условиях современной глобализации.

У финно-угорских да и у многих других нерусских народов России не оказалось адекватного ответа на исторические вызовы XXI века. К рубежу нового тысячелетия произошел спад и кризис национальных движений, заявивших о себе на гребне «перестройки» в СССР; обнаружилась неэффективность, малорезультативность их воздействия на свои народы. Эти движения, вернее – небольшие группы гуманитарной интеллигенции, называющие себя национальными движениями, изначально призванные инициировать массы к национально-культурному возрождению и этническому самосохранению, оказались в политическом вакууме, столкнувшись не только с сопротивлением российской государственной машины, но и с инертностью собственных масс, а также с политическими амбициями руководителей.

История формирования этнического идентитета у российских финно-угров показывает, что у них исторически сложились и при передаче от поколения к поколению усиливались психология покорности, колонизированное, ущербное самосознание. И в эпоху глобализации, на современном этапе, для проявления этих качеств уже и не нужно сильного внешнего давления, потому что у них уже выработалось внутреннее состояние психологического надлома, угнетенности самосознания, психологии второсортности своего языка и культуры, собственных обычаев и традиций.

Это как раз является благодатной почвой для «глобализации», приводящей к деэтнизации.

Глобализация – процесс безальтернативный, императивный, но вариативный, т.е. возможна нивелирующая глобализация, уничтожающая все различия, и возможна глобализация, сохраняющая различия ее участников.

Пример Японии свидетельствует, что успешная модернизация, цивилизационное восхождение путем приобщения к самым передовым техническим и технологическим достижениям, возможна и без отказа от этничности, при сохранении глубинных национальных традиций.

При варианте приспособления к глобализации с сохранением этнических различий важное место занимают постмодернистская реконструкция архаики, попытки сохранить этнические культуры в современных космополитических формах. В этом контексте большой интерес представляет этнофутуризм, получивший в последние годы значительное развитие среди финно-угорской молодой творческой интеллигенции. Он, кстати, дает неплохие шансы для «диалога культур», который представляется более целесообразным на нынешнем этапе не в глобальном контексте, а на региональном, локальном уровне. Центральное место в этом занимает сохранение духовно-нравственного наследия, историко-культурного достояния народов – больших и малых. Нужно сохранить то, что накоплено предками, и использовать это для воспитания молодого поколения. Насущно необходимо пробуждение у него интереса и уважительного отношения к духовным ценностям собственного и других народов на основе общечеловеческих ценностей. Нужно учитывать, что последние, в свою очередь, в реальной жизни преломляются через этническое своеобразие, хотя в современных условиях нивелировки, стандартизации этнокультурная специфика ослабевает. Для национальной духовной элиты важно найти верное соотношение между этими тенденциями сохранения этнических особенностей и их модернизации. Плодотворна лишь культура, взращиваемая на национальных корнях, и обогащенная современными эстетическими критериями и способами выражения (что, собственно, мы и наблюдаем в этнофутуризме).

Судьба российских финно-угров и других малочисленных народов и национальных меньшинств, их культур в условиях глобализации сложна, трудна, но не безнадежна. Они могут найти себе место в мировой цивилизации, если, сохраняя свои традиционные духовные богатства, овладеют современными эстетическими способами выражения в соответствии с требованиями времени.

Взаимовлияние, взаимопроникновение культур наблюдались в разной степени на всех этапах развития этнических сообществ. Это происходило не только между родственными племенами и народами, а и между неродственными, находившимися в одной природно-географической зоне. Наблюдалось, например, у финно-угров Поволжья и Приуралья в их взаимоотношениях с соседними тюрками – чувашами, татарами, башкирами и восточными славянами.

Конечно, в современных условиях географический фактор не играет прежней роли. Явления современной профессиональной мировой культуры посредством развитых средств масс-медиа стали доступными для жителей всех регионов. Это способствует и обогащению национальных, этнических культур за счет взаимодействия с общими достижениями, и, к сожалению, часто оказывает разрушительное воздействие.

Стремясь обогащать культуру своего народа за счет усвоения чужого положительного опыта, нельзя не учитывать, что губителен отказ от национально-специфического: духовный прогресс народа предполагает безусловное сохранение и приумножение прогрессивных культурных ценностей, традиций, достижений прошлого. Пробуждение интереса к собственным нацио-нальным культурным ценностям является необходимым условием этнокультурного возрождения народов.

Важнейший момент при этом – соотношение в культуре народа традиционного, понимаемого как фольклорно-этнографическое, и профессионального. Только на фольклорно-этнографическом уровне национальная культура не может продуктивно развиваться. Ее будущность, перспективность определяются развитием профессиональных видов искусства. Но даже не только этим, а степенью профессионализации чисто традиционного слоя собственно народной культуры, неразрывной связью творчества профессионалов с народными истоками на основе творческого освоения и осмысления народной эстетики, художественных национальных традиций, в которые они вносят современное дыхание и понимание.

Именно рассмотрение развития профессионального искусства и профессионализации народного творчества дает ключ к пониманию соотношения общечеловеческого и этнического в современной культуре того или иного народа. Ибо прежде всего профессиональное поднимается до уровня общечеловеческих ценностей. Поэтому при разработке концепций национально-культурного возрождения финно-угорских и иных народов необходимо прежде всего исходить из первоочередного внимания к развитию профессиональных видов и жанров культуры и искусства.

Культурное воспроизводство этноса может продуктивно осуществляться только через сплав традиционно-народного с профессиональным, которое в основе своей базируется на общечеловеческих принципах.

Для объективной оценки реальных перспектив и возможностей национально-культурного возрождения финно-угорских народов необходимо учитывать, что билингвизм и бикультуризм – это переходная ступень к языковой и культурной ассимиляции. Но это лишь один вариант возможного развития процессов. При соответствующей работе развитие может пойти и по другому направлению (на что

мы и должны ориентироваться). Это – использование положительных моментов в билингвизме и бикультуризме, которые тоже нельзя отметать. Сохраняя душевную близость к родной культуре, приверженность к родному языку, человек любой национальности будет духовно богаче, если в то же время будет пользоваться благотворным влиянием другого, хорошо знакомого ему языка, другой, ставшей близкой и привычной культуры.

Следовательно, важнейшая цель программ этнокультурного возрождения – создать оптимальные возможности органического сочетания приобщения и к родной культуре, и к культурам других народов страны, и к достижениям мировой цивилизации.

Национальная культура, наряду с языком – одно из наиболее живучих атрибутов народной жизни. Хотя в ходе исторического развития она подвергалась трансформации, но многие исходные традиционные элементы устойчиво сохраняются и придают национальный колорит народным изделиям, песням, танцам и другим культурным явлениям. Здесь, как и в языке, внешние иноэтнические влияния в своих конкретных результатах сказываются по-разному. Пока воспринимающий этнос обладает способностью освоить заимствованное в соответствии с собственными традициями, подчинить перенятые элементы своим внутренним закономерностям функционирования, эти заимствования становятся собственно национальными, «своими», органически вписываются в культуру этого народа. Если же эти заимствованные элементы продолжают жить в новой этнической среде своей жизнью, не подчиняясь законам воспринявшего этноса, то развитие идет по другому пути. Сначала наблюдается параллельное сосуществование национально-традиционного и заимствованного, затем (по мере количественного наращивания второго) – вытеснение и замена первого вторым. Этнос, вставший полностью в силу тех или иных обстоятельств на путь культурных заимствований и утративший иммунитет, теряет историческую перспективу. Отсюда следует, что не заимствования сами по себе содержат опасность для национальной культуры, а бездумное увлечение ими. Напротив, заимствования обогащают, если органически входят в традиционную систему духовной жизни народа, а не подменяют собой национальное.

Вопрос о соотношении между традиционно-национальным и новым, «своим» и «чужим» в культуре, бытовой жизни, конечно, решается не просто. Часто национальным считают только традиционное. Новому, непривычному отказывают в принадлежности к культуре своего народа. С другой стороны, наряду с идеализацией национально особенного, традиционного встречается и другая тенденция в данном вопросе: отход от традиционно-народной основы искусства, стремление к созданию «безнационального» искусства. И то, и другое ведет к обеднению культуры народа. Драматичность такой направленности межкультурного взаимодействия заключается (кроме всего прочего) в том, что и культура доминирующей русской нации в условиях глобализации теряет народные основы, подвергаясь массированному разрушающему воздействию «масс-культуры», «вестернизации», в чем особенно велика «заслуга» телевидения.

Национальное и общечеловеческое, традиционное и новое существуют не в отдельности, а в единстве. В подлинно художественном творчестве они неразделимы. Сами национальные особенности и черты тоже не являются неизменными, застывшими. С изменениями жизненного уклада народа под влиянием времени, исторического процесса этнокультурного взаимодействия они тоже меняются, трансформируются, становятся более «проницаемыми» и менее изолированными. Современные эстетические критерии определяют наше сегодняшнее отношение к традициям собственного народа и к культурным ценностям других наций и вообще наши культурно-эстетические привязанности в целом. Все это расширяет возможности взаимопроникновения, взаимодействия культур, накопления общих черт духовного облика. Обогащение каждого народа идет вследствие усиления ценных традиционных национальных черт и усвоения богатства других народов.

В этнокультурном взаимодействии важнейшее место занимает вопрос о национальном самосознании, национальной психологии, о гибкости этнического идентитета, поскольку участниками этого межкультурного диалога в условиях России являются разные по величине культурно-этнические единицы.

Современное состояние национального самосознания угро-финских народов России чрезвычайно принижено. Следствием этого стало широко распространившееся чувство национального нигилизма. В молодежной среде, в первую очередь среди детей городской интеллигенции и служащих, распространилось отторжение от традиционных ценностей и во многом сменились ориентиры: многие молодые считают обременительным или даже унизительным для себя придерживаться языка и культурных традиций своих родителей и предпочитают идентифицировать себя с русской нацией, русской культурой. Это исходит из практической оценки молодыми и их родителями реальной ситуации: полное включение в русскую культурно-языковую среду ведет к более успешной карьере и к меньшему морально-психологическому дискомфорту, а знание и приверженность к национальным культурным ценностям и языку родителей не играют практически никакой позитивной роли в «своей» республике или округе. Приспособление молодых «националов» к доминирующей социокультурной группе привело к отсутствию у финно-угорских народов России главной социально-интеллектуальной силы возрождения – потомственной городской национально ориентированной интеллигенции. Их интеллектуальная элита представлена одним (реже – двумя) поколением.

Исторический путь малочисленных народностей и этнических групп России, в том числе финно-угорских народов, был сложным, их современное состояние весьма противоречивое и тревожное. У большинства из них в условиях глобализации происходят необратимые процессы утери этничности.

Ksenofont Sanukov

FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Globalization is a process of increasing interdependence of humanity and the creation of a unified world civilization spread to all ethnic communities of the world, including the Finno-Ugric peoples of Russia. For the peoples of Russia, this coincided with a time of fundamental transformation of social life. Finno-Ugric peoples were not ready to severe tests, which are presented by globalization. The new historical situation intensified among them the loss of etnicity, expanded assimilation. This was reflected in demographic indicators. According to the 1989 census, the number of Uralic (Finno-Ugric and Samoyed) peoples in the USSR amounted to 3.3 million people in 2002 in Russia – 2,7 millions, for the period between the two censuses, it declined by 14.3% at a total loss of the population of Russia on 1,3%. The traditional culture of the peoples displaced by «mass culture». The younger generation of the Finno-Ugric peoples developed the mentality that promotes renunciation of ethno-cultural values and ancestors' language.

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Наталья Горинова
Сыктывкар

ТРАДИЦИИ В.ЧИСТАЛЕВА И К.ЖАКОВА В ДРАМЕ О.УЛЯШЕВА «ЕНКОЛАЯС ЙЫЛЫСЬ ПОЭМА» («ПОЭМА О МОЛЕЛЬНЯХ», 1991)

В драме Олега Ивановича Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» воссоздается история крещения народа коми (XIV в.). В центре внимания драматурга – присоединение зырян к Российскому государству. Исследуя события, связанные с христианизацией народа коми, О.Уляшев обращается к фольклорной традиции, к преданию коми о Стефане Пермском. Народное предание отражает не столько реальное прошлое, сколько восприятие событий XIV века народным сознанием. Драматург О.Уляшев стремится раскрыть осмысление древними коми миссионерской деятельности Стефана Пермского.

В народных преданиях, использованных О.Уляшевым при написании драмы «Енколаяс йылысь поэма», деятельность Стефана Пермского воспринимается не как божье дело, а скорее, как колдовство. Как утверждают исследователи, «Образ Стефана Пермского в народных представлениях, с одной стороны, сохранил важные для христиан черты, а с другой – приобрел черты, позволяющие включить его в контекст традиционных воззрений и рассказов о тӧдысь (колдунах)» (1, с. 346). Исследователи подчеркивают, что «наиболее обширный круг сюжетов» о святителе связан именно с колдовским эпосом. «В текстах данного типа образ Стефана Пермского является зеркальным отражением образов тунов «колдунов», в особенности печорского Кыски и Тунныръяка… Фольклорный Стефан Пермский побеждает тунов не божьим словом, а сугубо колдовскими приемами… Образ реальной исторической личности трансформируется в представлениях коми-зырян в образ сильного колдуна, побеждающего локальных тунов и тӧдысь с помощью магии и хитрости» (1, с. 348). Именно такое видение святителя Стефана и стремится раскрыть О.Уляшев в драме «Енколаяс йылысь поэма», сохраняя в центральном персонаже пьесы перечисленные исследователями характеристики фольклорного Стефана Пермского.

Автор раскрывает личность святителя, обращаясь к сюжету о противостоянии Стефану печорского колдуна Кыски. Согласно преданию, «когда Стефан крестил верхневычегодских коми-зырян, он обрел среди новокрещенных ревностную помощницу в лице девушки по имени Ульяна. Проповеди Ульяны в пользу нового

вероучения вызвали сильное недовольство могучего печорского туна Кыски, который решил ее наказать. Прибыв на Вычегду, Кыска подплыл на лодке к селению, где жила Ульяна, сжег там часовню, схватил девушку и, пленившись ее красотой, решил увезти ее с собой на Печору в качестве наложницы. Но связанная и брошенная в лодку Ульяна сумела выброситься за борт и утонула в Вычегде… Чтобы наказать Кыску за его преступление, Стефан отправился на Печору. Подъезжая на лодке к жилищу Кыски, Стефан увидел, что река перегорожена железными цепями. Стефан произнес заговор и ударил по цепи крестом, цепь лопнула и затонула. Тогда Кыска собрал на пути лодки великое множество рыб, которые ее остановили, но Стефан опять же с помощью креста разогнал рыб и высадился на берег. Кыска заперся в своем доме, который Стефан велел своим спутникам поджечь, но огонь был бессилен против заговоров туна. Наконец, с помощью использованного банного веника Кыски дом удалось сжечь, тун выскочил в окно и бросился к реке. Помощники Стефана преградили ему путь и зарубили Кыску ударами топоров наотмашь…» (2, с. 223). В сюжете драмы «Енколаяс йылысь поэма» сохранены ключевые компоненты этого фольклорного предания, кроме того момента, когда Кыска возжелал сделать Ульяну своей наложницей: в драме он просто хотел силой увезти девушку от Стефана.

Сохранению фольклорной интерпретации деяний Стефана Пермского в Коми крае служит присутствие в драме «Енколаяс йылысь поэма» рассказчика: пьеса О.Уляшева начинается и заканчивается словами некоего человека, – автор не указывает его имени, возраста, социального положения. Драматург при характеристике этого человека ограничивается репликой: «Кылӧ лабутнӧй мужик гӧлӧс» (Доносится спокойная мужская речь) (3, с. 69). Учитывая фольклорную основу пьесы, точнее было бы назвать этого человека сказителем, исполнителем народных эпических песен, а открывающий пьесу монолог его – зачином произведения. Сказитель начинает историю о Стефане Пермском с рассказа о том, где он услышал эту историю. По его словам, каждая частичка природы имеет свой голос и может о многом рассказать: «Кор ичӧт на вӧлі да гӧгӧрволі на тӧвлысь сьылӧмсӧ, ёльяслысь варгӧмсӧ, пуяслысь шӧпкӧдчӧмсӧ, кывлі ме изъяслысь сёрни» (Когда я был еще ребенком и понимал песни ветра, веселую речь лесных речушек, шепот деревьев, слышал я и разговор камней) (3, с. 69). В прошлом сказитель имел способность слышать голоса ветра, лесных рек, деревьев, камней. Они поведали ему историю о Стефане. Персонификация сказителем природы свидетельствует о его верованиии, о его приверженности религии анимизма, суть которого состоит в обожествлении природных объектов и явлений. Таким образом, драматург, вводя в текст пьесы вступительное слово сказителя, подчеркивает, что в пьесе раскрывается мировосприятие сказителя, что события, связанные с деятельностью Стефана Пермского, в «Поэме о молельнях» рассказаны язычником.

Характер Стефана Пермского, раскрываемый сказителем в «поэме», заслуживает особого внимания. С первого появления на сцене миссионер выступает как великий стратег, расчетливый и ясно осознающий свою цель – распространение среди коми веры евангельской. Увидев красивую, но слепую девушку Велянь, он

сразу строит планы: «Ок варов жӧ нылыс вӧлӧма, да и мичлуныс тырмидз вичмӧма. Тайӧс пырта кӧ аслам эскӧмӧ, йӧзыс бӧрсяньыс вӧтчас кельӧбӧн» (Ох и разговорчивая девушка оказалась, да и красоты вдоволь ей досталось. Если приведу ее в свою веру, люди за ней пойдут чередой) (3, с. 76). Человек в миссионерском деле Стефана выступает не как цель, а как средство. Далее святитель показан в разговоре с еще не уверовавшими в Христа людьми. О.Уляшев изображает его как собеседника, умеющего убеждать, сглаживать конфликтные ситуации. Стефан обращается к слушающим его не иначе, как «шань йӧз» (добрые люди), «вокъяс» (братья), создавая впечатление о себе как о мягком и беззлобном человеке. Вскоре Стефан снимет эту маску. Один из персонажей драмы кидается на него с ножом, чтобы не дать миссионеру погубить березу, которой поклонялись соплеменники Велянь. Тогда святитель приказывает пришедшим с ним солдатам остановить этого человека, а собравшихся вокруг людей разогнать. Жестокость Стефана проявляется и в его борьбе с туном Кыской. Проповедник, охваченный желанием отомстить колдуну за гибель верной ученицы Ульяны, проходит неблизкий путь от Вычегды до Печоры, сжигает дом туна, а самого Кыску убивает. В борьбе с Кыской он использует колдовские приемы. Стефан никак не может поджечь дом туна. Ему подсказывают, что жилище колдуна можно поджечь только использованным Кыской веником, что и делает Стефан. Поступки Стефана в драме говорят о его хитрости, расчетливости, мстительности, жестокости.

Характер Стефана, как его видит язычник, далек от официального представления о миссионере-просветителе Коми края, которое сложилось благодаря основному источнику сведений о святом Стефане Пермском, – «Слову о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа», написанному хорошо его знавшим замечательным писателем Епифанием Премудрым небольшое время спустя после его смерти. Воссоздавая жизнь миссионера, писатель средневековья не скупился на хвалебные слова в адрес Стефана. Приведем несколько примеров: «Прямо надо сказать: всеми добродетелями украшен был отрок тот, входя в возраст и страх Божий…» (4, с. 14), «Так Стефан иночествовал, и достойному его во Христе житию удивлялись многие не только иноки, но и люди простые. Предавался он подвигам день ото дня, словно земля доброплодная, разумные борозды полагая и многоразличные плоды благоизъявления Богу принося» (4, с. 18), «Воздав Богу молитву, раб Божий Стефан поспешил заложить святую церковь Божью. Была она основана и поставлена, создана премногою верою и теплотою великой любви. Воздвиг он ее чистою совестию…» (4, с. 36). Слова Епифания при описании жизнедеятельности Стефана преисполнены восторга, восхищения, любви. Для контраста приведем пример высказывания биографа святителя о народе коми, – здесь он, напротив, использует экспрессивные слова, негативно характеризующие зырян: «Слышал же преподобный Стефан о Пермской земле, что живут в ней идолослужители и что действо дьявольское царит в ней. Жили в Пермском крае люди, постоянно приносившие жертвы бездушным кумирам, молившиеся бесам, одержимые волхованием, верившие в бесов, и в чары, и в колдовство…» (4, с. 19). На этом фоне

образ Стефана Пермского выступает в величественных тонах. С одной стороны, создание Епифанием идеального образа миссионера в житии есть организующий компонент жанра жития. С другой, оно имеет определенную цель: высказать оценку деятельности Стефана. По мнению исследователя Г.Тираспольского, этой же цели служат «обильные цитаты и парафразы из Священного Писания», использованные автором при создании жития: «в совокупности своей они представляют собой своего рода повествование в повествовании. Призвано оно не столько подкрепить рассуждения автора и персонажей-христиан, сколько внушить читателю мысль о прямом параллелизме между апостольской деятельностью учеников Христа, с одной стороны, и миссионерским подвигом Стефана – с другой. В иных случаях пафос повествователя достигает такого накала, что фигура Стефана едва ли не совмещается с обликом Спасителя» (5, с. 6).

Созданный сказителем О.Уляшева характер Стефана, резко отличающийся от героя Епифания Премудрого, оказывает обратное «Житию Стефана Пермского» воздействие на читателя. Оно не заставляет восхищаться великим подвигом святителя, а наоборот, призвано расшатать устоявшееся мнение о Стефане, раскрыть негативные последствия его деятельности в Коми крае. Деятельность святителя в Коми крае, показанная сказителем, вызывает в читателе боль за поруганную родину, за осквернение святыни, за народ, на долю которого выпало столько страданий. Драма «Енколаяс йылысь поэма» проникнута отчаянием и болью за уходящее великое прошлое народа коми. Эти мотивы сближают драму О.Уляшева с драмой писателя и поэта начала XX века Вениамина Тимофеевича Чисталева (1890–1939) «Изкар» (1926). Она так же, как и драма «Енколаяс йылысь поэма», обращается к средневековой истории народа коми. В пьесе «Изкар» интерпретируются события 1471 года – «покорение пермских земель боярином Ивана III Федором Пестрым» (6, с. 86). В. Чисталева, как и О.Уляшева, интересует проблема потери народом коми своей независимости. Раскрывая эту проблему, драматург начала XX века, как и драматург современности, не восторгается идеей присоединения земель Коми к Московскому княжеству.

В 1920–1930-х гг. среди коми бытовали идеи о полной независимости зырянского народа. Часть интеллигенции коми пропагандировала «идеи отделения коми и создания «самостоятельного» государства», требовала отказаться «от русского языка и русской литературы и вообще от русской культуры» (7, с. 31). Причиной тому послужил «максимализм тех «патриотических» желаний, которые тогда… были вызваны огромной волной возрождения наций, получивших с революцией самостоятельность…» (6, с. 87). Предсмертные слова персонажа драмы «Изкар» Вёрморта выявляют приверженность В.Чисталева этим взглядам: «Пусть и победили нас сейчас русские бесы, но я верю, когда-нибудь Коми край снова возродится…» (8, с. 197).

Возникновению подобных мотивов в конце XX века также способствовала историческая ситуация. Исследователи отмечают, что к концу 1980-х годов политика Центра по отношению к отдельным народностям имела множество перекосов:

при решении экономических, социальных, миграционных, экологических проблем власти редко учитывали интересы, обычаи, особенности хозяйственной жизни коренного населения в регионе. Демократическое преобразование общества в конце 1980-х годов привело к подъему национального самосознания народов СССР, в том числе и народа коми (9, с. 673–674). Данная реформа не могла не вызвать интерес к самим народностям: каждый народ начинает стремиться к самоопределению, глубже изучая свою психологию, историю, культуру. Это, в свою очередь, уже повлияло и на литературу: многие писатели, поэты, драматурги, желая доказать уникальность своего народа, обращаются к его истории. В этот период, кроме драмы О.Уляшева «Енколаяс йылысь поэма», выходят пьеса-сказка Г.Юшкова «Ен ныв», роман этого же автора «Бива» («Огниво», 1996–1999), пьеса Н. Белыха «Ов, дитяӧй, ов!» («Живи, дитя мое, живи!», 1991), повесть В.Тимина «Эжва Перымса зонка» («Мальчик с Перми Вычегодской», 1997), пьеса А.Попова «Туналӧм ордым» («Заколдованная тропа», 1997). В перечисленных произведениях авторы пытаются художественно осмыслить переломные моменты истории народа коми, в частности, присоединение коми к Московскому княжеству, дать свою оценку развивавшимся в прошлом коми событиям.

Драма В.Чисталева уступает драме О.Уляшева в сценичности. В пьесе «Изкар» преобладают описательные моменты, конфликт драмы недостаточно напряжен, чтобы персонажи пьесы проявили в нем свои характеры. Однако ее влияние на пьесу О.Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» несомненно. Речь не только о схожести исторических ситуаций, описанных драматургами в своих пьесах, использовании сходной системы персонажей при раскрытии идейного замысла, но и о стремлении авторов укрепить национальный дух читателя и зрителя.

Влияние драматурга 1920–1930-х годов В.Чисталева на творчество О.Уляшева сказывается не только в идейном отношении. Драма «Енколаяс йылысь поэма» перекликается с произведениями В.Чисталева непосредственно поисками форм. Стремление автора драмы «Енколаяс йылысь поэма» отчетливее передать чувства своих персонажей приводит О.Уляшева к особой организации текста драмы: в пьесе многие монологи и реплики героев написаны в форме ритмизованной прозы. В литературе коми использование ритмоорганизующих компонентов в прозаических произведениях было характерно и В.Чисталеву. По мнению исследователей, его пейзажные зарисовки «Во гӧгӧр кытшовтӧм» («Времена года», 1919), «Тулыс воӧм» («Начало весны», 1921), «Поводдя вежсигӧн» («Смена погоды», 1920), «Гожӧм пом» («Конец лета», 1920) представляют собой ритмизованную прозу, их «можно было бы назвать стихотворениями в прозе» (10, с. 128). Внесение в структуру прозаических произведений не только лирического, но и стихотворного элемента, по мнению исследователя Е.Ельцовой, становится способом лиризации прозы – помогает исследовать внутренний мир героя (11, с. 26). Литературоведом проанализированы разнообразные ритмообразующие компоненты в прозаических произведениях В.Чисталева – стихотворный метр, рифма, различные повторы (фонетические, лексические, синтаксические), исполь-

зование которых позволило писателю раскрыть всевозможные душевные переживания своего героя (11, с. 23–26).

Исследование драмы О.Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» обнаруживает многие элементы ритмической организации текста, восходящие к способам выражения идей и чувств в прозе В.Чисталева. Здесь необходимо напомнить, что «Енколаяс йылысь поэма» изначально автором была написана в виде прозаического произведения. В этом варианте и в других своих рассказах О.Уляшев начинает использовать открытия В.Чисталева в области ритмической организации прозы. Далее, на основе прозаического произведения «Енколаяс йылысь поэма», О.Уляшев создает драму, сохраняя не только сюжетные линии рассказа, но и его ритм. Приведем в качестве примера монолог Васюка. Его речь в тексте имеет вид прозы. Если анализируемый монолог написать в виде стихов, в нем четче проявятся ритмообразующие элементы. Речь Васюка состоит из ряда почти одинаковых по количеству слогов синтаксических отрезков, что позволяет расположить их не только сплошным текстом, но и белым стихом:

Оз вӧлӧм тан колипкай дзользьы, /– – –/– –/–
оз вӧлӧм тан сӧстӧм ёль сёльгы, /– – – – – –//–
оз вӧлӧм тан шоныд зэр сяргы, /– – – – – –//–
пукалӧ вӧлӧм мича-мича ныв да /– – – –/–/–/–
колипкайӧн дзользьӧ, /–/–/–
сӧстӧм ёльӧн сёльгӧ, /–/–/–
шоныд зэрӧн сяльгӧ. /–/–/–

(Оказывается, не соловей тут щебечет,
оказывается, не чистый ручей тут журчит,
оказывается, не теплый дождь тут стучит,
сидит, оказывается, красивая-красивая девушка да
соловьем щебечет,
чистым ручьем журчит,
теплым дождем стучит) (3, с. 75).

Согласно метрической схеме монолога, данный отрывок делится на три части, в каждой из которых наблюдается свой размер. В каждой из этих частей ритм создается благодаря словесным повторам. Рассмотрим первый отрывок монолога. Автор здесь обращается к синтаксической анафоре: первые три стиха начинаются со слов «оз вӧлӧм тан» (оказывается, тут не). Анафорический повтор продолжает морфологический повтор: первые три стиха после слова «тан» (тут) содержат подлежащие и сказуемые в одинаковых грамматических формах. Подлежащее выражено именем существительным в единственном числе, именительном падеже. Во второй и третьей строке подлежащее усложняется определением: «сӧстӧм ёль» (чистый ручей), «шоныд зэр» (теплый дождь). Это связано с тем, что в первом стихе существительное состоит из трех слогов – ко-лип-кай, во втором и третьем – всего из одного – ёль, зэр. Использование лишь этих односложных слов во второй и третьей строке могло нарушить ритмический рисунок строфы, поэтому автор

присоединяет к ним двусложные определения – сӧс-тӧм и шо-ныд, что в сумме с односложным существительным дает три слога, как в первой строке. Далее после подлежащего следует глагол в форме третьего лица, единственного числа с отрицательной частицей «оз» (не), которая переносится автором в начало каждой строки и которая становится частью синтаксической анафоры. Первые три стиха заканчиваются одним и тем же формообразующим глагольным суффиксом *-ы*, что образует в конце строки подобие рифмы. В четвертой строке монолога ритм первой части нарушается не только за счет изменения размера, но и за счет того, что она не содержит анафорических и морфологических повторов, аналогичных повторам первой части. Нарушение ритма в строке придает ей особое значение: она становится своеобразным переходом говорящего от отрицания (в основном выраженного отрицательной частицей «оз») к утверждению. Строки в оставшейся третьей части монолога, как мы можем видеть из метрической схемы, также объединены общим размером. В ней также наблюдаются повторы, в основном связанные с повторами грамматических форм: каждый стих этой части монолога состоит из существительного в единственном числе, творительном падеже и глагола настоящего времени, единственного числа третьего лица. Благодаря чему в каждом стихе повторяются одни и те же суффиксы *-ӧн*, *-ӧ*. Повтор суффикса -ц в конце каждого стиха создает подобие рифмы. Ритм в монологе отражает эмоциональное состояние говорящего, выражая восхищение молодого человека красивой девушкой.

Способы ритмизации монолога Васюка, как и многие другие монологи в драме О.Уляшева, близки к народным. Близость «Поэмы о молельнях» с фольклорным текстом в области ритмизации текста важна для автора драмы. Нарочитое придание художественному произведению формы народного произведения еще раз выявляет «сказовость» пьесы О.Уляшева и подтверждает, что «поэма» рассказывается сказителем. Присутствие ритма в «сказе» раскрывает талант сказителя, его умение складывать поэтические произведения.

Ритмизация речи персонажей драмы О.Уляшева делает реплики героев более выразительными. Автору удается при помощи интонации подчеркнуть слова или сочетания слов, – их значение расширяется, и воздействие на читателя усиливается. Ритмическая организация некоторых монологов и реплик драмы «Енколаяс йылысь поэма» придает произведению О.Уляшева особую – фольклорную – мелодику и выразительность.

Рассматривая традиции В. Чисталева в творчестве современного драматурга, не следует забывать, что писатель начала XX века сам ощутил на себе воздействие своего предшественника – К.Жакова. Ученые, исследуя творчество К.Жакова, также обнаруживают его стремление к лиризации прозы: «его проза… несет на себе отпечаток несомненного влияния поэтической, стихотворной традиции… Так, небольшие рассказы и легенды из ранних книг Жакова можно рассматривать в русле традиционных «стихотворений в прозе»… Влиянием стихотворной лирики можно объяснить и деление объемного прозаического целого на небольшие соразмерные главы, сопровожденные эпиграфами…; можно обнаружить в прозе Жакова

и отдельные метрические фрагменты» (12, с. 28). Таким образом, К.Жаков первым из литераторов коми использовал возможности метрической прозы; он открыл для литературы коми стихотворения в прозе. Далее его примеру уже следовал В.Чисталев, он пишет стихотворения в прозе, но уже на языке коми.

Что касается драмы В.Чисталева «Изкар», то она, как утверждают исследователи, «не является оригинальным произведением. Она написана на основе чердынского предания «Царь Кор», записанного К.Ф. Жаковым на русском языке» (13, с. 86). В.Чисталев вносит в сюжет «Царя Кора» значительные изменения. Он в драме, по мысли исследователя М.Есевой, «высказывает свое отношение к происходящим событиям»: негативно высказывается о захватнической политике Московского государства. «Позиция автора на стороне Кора и его народа... Процесс христианизации он рассматривал как потерю национальной самобытности народа...» (13, с. 87). Но, несомненно, пафос чердынского предания оказал на В.Чисталева сильнейшее воздействие, что послужило для него стимулом к написанию драмы.

Выявленные нами идейные параллели и переклички, касающиеся формы, в произведениях В.Чисталева и О.Уляшева раскрывают также и связь творчества В.Чисталева с произведениями К.Жакова. Современный драматург осваивает некоторые традиции В.Чисталева, воспринятые последним у К.Жакова. Таким образом, воздействие К.Жакова на О.Уляшева «осуществляется через посредника» (14, с. 137).

Влияние Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866–1926) – одного из выдающихся деятелей России начала XX века – на современную литературу есть процесс не только опосредованный. Его талант воистину многогранен, его вклад в науку, философию, литературу, культуру, просвещение велик, его научные достижения в области этнографии, фольклористики, лингвистики послужили базой для развития исследования быта народа коми, его мировоззренческих установок, языка. Художественное наследие К.Жакова – «На Север в поисках за Памом Бурмортом» (1905), «Очерки из жизни рабочих и крестьян» (1906), «Под шум северного ветра» (1913), «Сквозь строй жизни» (1912–1914), «Биармия» (1916) – занимает особое место в литературе коми, является для многих писателей творческим ориентиром. Сила мысли К.Жакова, его жизненные и творческие установки, любовь к народу коми выявили способность воздействовать на художников слова, деятелей искусства, ученых. В частности, в драме «Енколаяс йылысь поэма» мы находим тому подтверждение.

Прежде всего это касается обозначения О.Уляшевым жанра пьесы, указанного им в названии драмы – «Поэма о молельнях». Поэма, как известно, это не только стихотворное произведение с сюжетно-повествовательной организацией. К поэме иногда относят и произведения древней и средневековой эпической поэзии – древнегреческую «Илиаду», индийскую «Махабхарату», карело-финскую «Калевалу», немецкую «Песнь о Нибелунгах»... Они повествуют о славном минувшем, о событиях первостепенной важности, которые были поворотным пунктом в истории народа. В этих произведениях воссоздается определенный этап развития народа – эпоха формирования государственности. Основой этих произведений послужили

отражающие мифологическое мировосприятие древних народов фольклорные предания, мифология, основные средства художественности которых – фантастика и гиперболизация… В начале XX века К.Жаковым была осуществлена попытка написания подобного произведения о зырянах. Речь идет о его поэме «Биармия». По словам исследователя Ю.Рочева, «ориентиром в сложении эпоса («Биармии») служила автору знаменитая «Калевала» Леннорта» (15, с. 54), а исследователь А.Микушев называет ее коми «Калевалой» (16, с. 5). В поэме «Биармия» рассказывается о легендарной Биармии, «северном соседе древней Перми, переставшей существовать в XIII в. после завоевания новгородцами с юга и зырянами с востока… В ней говорится о вражде и противоречиях племен, о неминуемом историческом изменении характера древнего быта и древнего мира, о падении Биармии под натиском новых народов. Все это находит отражение в фольклорно-эпическом сюжете поэмы, который К.Ф. Жаков связывает со временем рыжебородого князя Перми Яура, биармийского владыки Оксора, князя Югры Берендели…» (17, с. 37). Основой поэмы «Биармия» послужили «как фольклорные сюжеты и мотивы, причем не только коми, но и многих других народов, так и мифология, верования, обычаи и обряды» (15, с. 54), что позволило К.Жакову исследовать «не столько историко-государственное мироустройство, но прежде всего историко-мифологическое отражение этого мироустройства в народном сознании» (17, с. 36).

Драматург современности О.Уляшев в «Поэме о молельнях» продолжает развивать традиции К.Жакова. «Поэма» О.Уляшева не является большим эпическим полотном, как вышеуказанные произведения, как «Биармия» К.Жакова. Произведение О.Уляшева трудно вписать в один ряд с этими монументальными произведениями. Но некоторые жанровые особенности поэмы в драме О.Уляшева наблюдаются: она раскрывает реальные события прошлого, связанные с установлением государственных отношений, показывает время вхождения Перми Вычегодской в состав Московской Руси. При этом О.Уляшев основывается на мифологии древних коми, отраженной в народных преданиях о Стефане Пермском. Драматург сужает рамки собственно поэмы, (не разворачивая цепи событий) ограничиваясь только одним событием. В поэме не даны ни подробности народного быта, ни особенности местного пейзажа. Но О.Уляшев называет свое произведение поэмой, тем самым указывая на масштабность события, ставшего поворотным пунктом в истории народа коми и требовавшего «поэмного» отображения.

«Биармия» и «Енколаяс йылысь поэма» содержат много общего. Оба произведения используют языческое прошлое коми, и поэма, и драма представляют собой поворотный для коми период, связанный с христианизацией края. Показанное писателями время – мифологическое: основу обеих поэм составляют произведения устного народного творчества. Главные герои в них (в «Биармии» – один из героев) – гуны, способные словом и заклинаниями повлиять на ход событий. Оба сюжета исходят из уст сказителей, приверженцев религии анимизма… Выявленные близкие моменты в поэме «Биармия» и драме «Енколаяс йылысь поэма» имеют общий характер. Произведения содержат и более глубокое внутреннее сходство.

Обращение К.Жакова к истории и мифологии коми, по мнению исследователя В.Демина, явилось следствием поиска путей выхода из глубоких социальных и духовных проблем 1900-х годов: «Поэма «Биармия» создавалась в годы величайшего кризиса XX века – мировой войны, в канун революционных катаклизмов, кризиса прежних ценностей. В ней отразились мечты коми крестьянства о справедливом государственном устройстве, о жизни в согласии и добрососедстве, о гармонии взаимоотношения человека и природы. Духовно-философские, национальные и нравственные проблемы коми крестьянства начала XX века нашли преломление в этом вершинном произведении коми писателя» (17, с. 36–37). Решение нравственных и социальных проблем современности К. Жаков предлагает искать в истории и народной мудрости, призывая «преобразовать современную жизнь опытом и истории и философии, обращением к народной этике и эстетике как к высшему проявлению человеческой мудрости, способности усовершенствовать мир, привести его к согласию и единению» (17, с. 42).

Обращение О.Уляшева к преданию коми о времени христианизации обусловлено также кризисным состоянием общества, но уже 1990-х годов, схожестью этого периода с временем крещения Коми края: ситуация перехода народа коми от одной веры к другой, оказавшая влияние не только на социальный уклад коми, но и на сознание зырян, позволяет отразить кризисное состояние современности, утрату обществом прежней системы ценностей, некоторых устоев, нравственных ориентиров. Исследование драматургом переломных моментов истории народа коми связано с поиском решения духовных и социальных проблем современности. Языческое прошлое коми для О.Уляшева – воплощение гармоничного состояния общества, а народ в нем – олицетворение сплоченности, единства. Людей характеризуют дружеское участие, отзывчивость, взаимопонимание. Уклад жизни строится на гармоничных отношениях друг с другом, с одной стороны, и с языческими богами, с природой – с другой. С приходом Перымса Стефана прежний уклад рушится, взаимопонимание уходит – новая религия вносит в жизнь коми разлад: брат идет на брата, дочь против отца… Но коми стремятся сохранить прежний уклад жизни, с оружием в руках отстоять свои верования, свои интересы, свои традиции, свою самобытную культуру. Таким образом, драма «Енколаяс йылысь поэма», изображая дохристианское прошлое коми, находит в нем то, что не свойственно современному обществу, современному народу коми – единство, сплоченность, братолюбие, стремление отстоять свои идеалы, свою идентичность и самобытность.

Особого внимания в связи с этим заслуживает созданный в «поэме» характер туна Кыски. В драме он показан не только как тун, колдун, обладающий особыми познаниями и властью над природными явлениями, но и как человек, наделенный интеллектом, как человек, с глубоким уважением относящийся к своим односельчанам. Свои магические способности он использует во имя людей, никогда не против них, не против воли другого человека. Из разговора персонажей драмы мы узнаем, как Кыска, применяя свой дар колдуна, помогает Веру вылечить охотничью собаку, женщине – найти потерявшуюся в тайге корову. Влюбившись в Ве-

лянь, Кыска, зная, что не нравится ей, не прибегает к магии, чтобы заставить девушку полюбить его. Все его поступки говорят о нем, как о глубоко нравственной личности, о его открытости и желании помочь своим соплеменникам. Его поведение, отношение к односельчанам выявляют в туне Кыске – не христианине – вполне христианские качества. Ему не надо быть приверженцем православия, постигать суть этой религии, обращаясь к помощи священнослужителей, посещать церковь, выполнять установленные церковью обряды – он без всего этого является олицетворением важнейшей заповеди христианства «возлюби ближнего своего». С Кыской, как носителем народного сознания, можно соотнести народ коми в прошлом. Не все коми, конечно, обладали колдовскими качествами, но основными характеристиками их были мудрость, братолюбие, добропорядочность, сердечность, отзывчивость. О.Уляшев, изображая колдуна Кыску, концентрирует внимание на этих качествах его характера, на нравственных ориентирах коми в прошлом. В этом проявляется вера драматурга в цельность характера коми в прошлом, в его духовные силы. Драматург, раскрывая характер коми в прошлом, стремится убедить современников в возможности духовного обогащения путем обращения к своим духовным истокам, к нравственным началам своего народа.

Таким образом, драма О.Уляшева «Енколаяс йылысь поэма», являясь оригинальным произведением, обнаруживает также и творческое освоение автором опыта писателей, своих предшественников – К.Жакова и В.Чисталева. Творческое развитие традиций начала века в современной литературе свидетельствует об их неиссякаемом потенциале, их непреходящей ценности, их возможности раскрыть миро-понимание современного драматурга. О.Уляшева волнуют темы, интересовавшие писателей начала XX века, прежде всего, – тема народа коми. Драматург, как и его предшественники, пытаясь осмыслить современность, обращается к истории своего народа, выявляя в ней кризисные, переломные моменты, вызвавшие изменения не только в развитии социального строя народа коми, но и в его сознании. Писатели находят его прошлое близким к идеальному и выявляют утрату им самобытности при переходе к новым условиям жизни. Отражая идеальное прошлое народа коми, К.Жаков, В.Чисталев и О.Уляшев предлагают возродить его идеалы и ценности, обратить взгляд современников на народную мудрость, философию и этику коми. Как и произведения предшественников, драма О.Уляшева оказывает содействие пробуждению национального самосознания коми.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Уляшев О.* Степан Пермскӧй // Мифология Коми / Н.Д. Конаков, А.Н. Власов, И.В. Ильина… / Науч. ред. В.В. Напольских. – М.: Издательство ДИК, 1999.

2. *Конаков Н.* Кыска // Мифология Коми / Н.Д. Конаков, А.Н. Власов, И.В. Ильина… / Науч. ред. В.В. Напольских. – М.: Издательство ДИК, 1999.

3. *Уляшев О.И.* Енколаяс йылысь поэма. Орд ордым. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2006.

4. *Епифаний Премудрый*. Житие Стефана Пермского. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993.

5. *Тираспольский Г.И.* Епифаний и его «Житие Стефана Пермского» // Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993.

6. *Латышева В.А.* Зарождение драматургии и театра народа коми. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968.

7. *Вежов А.А.* Зарождение и формирование коми советской литературы (1918–1929) // Очерки истории коми литературы. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958.

8. *Чисталев В.* Эжва йывса колип: гжысь йылысь казьтылӧмъяс, кывбуръяс, басняяс, пьесаяс, висьт. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000.

9. *Попов А.А., Нестерова Н.А.* Национально-государственное и культурное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации в 90-е гг. // История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004.

10. *Вежов А.А.* Проза // История коми литературы. Т.2. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1980.

11. *Ельцова Е.В.* Особенности и роль ритма в прозе коми писателя В. Чисталева // Материалы XXXVII Междунар. филол. конф. Вып. 11: Уралистика / Под ред. Н.Н. Колпаковой. – СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

12. *Орлицкий Ю.Б.* Стихи и проза К.Ф. Жакова в контексте художественных поисков русской литературы начала XX века // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. – Сыктывкар, 1993. (Труды Института ЯЛИ КНЦ УрО РАН; Вып. 55).

13. *Есева М.В.* Об особенностях отражения христианизации в творчестве В. Т. Чисталева // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры (сборник статей). – Сыктывкар, 1996. (Коми НЦ УрО РАН).

14. *Бушмин А.* Преемственность в развитии литературы. – Л.: Художественная литература.

15. *Рочев Ю.Г.* К.Ф. Жаков и фольклор // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. – Сыктывкар, 1993. (Труды Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; Вып. 55).

16. *Микушев А.К.* Коми «Калевала». Об одном неизвестном финно-угорском литературном эпосе и его создателе К.Жакове // Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993.

17. *Демин В.Н.* Поэзия К.Ф. Жакова // Творчество К.Ф. Жакова. Серия препринтов «Научные доклады». Коми НЦ УрО АН СССР, 1991. – Вып. 269.

Natalia Gorinova

K.V. CHISTALEV AND K.ZHAKOV'S TRADITIONS IN O.ULYASHOV'S DRAMA «ENKOLAYAS YYLYS POEM» («POEM OF PRAYER», 1991)

O.Ulyashov's drama «Enkolayas yylys poem» is an original piece, the author reveals the creative development of writers honey predecessors – K.Zhakov and V.Chistalev. O. Ulyashov concerns topics that interested writers of the early twentieth century, above all – the theme of the Komi people. Playwright, like his predecessors, trying to comprehend the present, refers to the history of his people, revealing it crisis moments due to changes in social structure and in his mind. O. Ulyashev, revealing the nature of the Komi in the past, seeks to convince his contemporaries in the possibilities of enrichment by reference to their spiritual roots, to the moral principles of his people (folk wisdom, philosophy and ethics of Komi). Like the works of predecessors, O.Ulyashov's drama assists the awakening of national consciousness Komi.

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Эльвира Пекшеева
Йошкар-Ола

ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ ЧАСТЕЙ ТЕЛА РЫБ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Названия частей тела относятся к наиболее древним словам лексики любого языка. В марийском языке для обозначения отдельных частей тела и внутренних органов как человека, так и других живых существ употребляются общие названия: *нер* 'нос, клюв, рыло', *вуй* 'голова', *шинча* 'глаз', *тӱрвӧ* 'губа', *рот* 'умша', *поч* 'хвост', *верге* 'почки', *кӧргӧ* 'внутренность', *лу* 'кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека', *шекш* 'желчь', *шоло* 'кишка' и др. Названия частей тела человека изучены во многих финно-угорских языках, в настоящее время исследуются и марийские соматизмы. Исходя из анализа научной литературы, к финно-угорским можно отнести такие марийские соматизмы, как *тӱрвӧ / тӹрвӹ* 'губа' < **turpa*: ф. *turpa* 'рыло, морда', эст. *торва*, *турва*, м. *трва*, у. *тӧрпӧ*, к. *тырп*, хант. *tорэр* (1, с. 411); *нер* 'нос' < **nere*: к. *ныр* 'нос, клюв, рыло', удм. *ныр* 'тж', морд. *нярь*, эст. *нерь*, саам. *nierr* 'тж' (1, с. 400; 2, с. 197); *поч / пач* < ср. к. *бӧж* 'хвост', удм. *быж* 'тж', манс. *ponš-pun* 'перо хвоста', хант. *potš* 'спина'. – Доперм. – **pončз* или *pančз* (2, с. 40) и многие другие.

Названия частей тела рыбы, как и ихтионимическая лексика марийского языка в целом, детальному изучению не подвергались. Они во многом совпадают с названиями частей тела человека и животного. А некоторые из них не имеют ничего общего с соматизмами. К последним относятся сложные наименования, которые получили свои названия метафорически, т.е. по сходству с каким-либо предметом или же частью тела какого-либо животного или птицы. Такими являются *кол шулдыр* 'плавник', *кол поч* 'хвост рыбы', *колсога* л., *колсага* сз. 'жабры', *колокса* 'рыбья чешуя', *колшӧр* 'молоки' и др.

Названия частей тела рыбы, учитывая их месторасположение, можно разделить на несколько подвидов:

1) названия, обозначающие внешние части тела: *шулдыр / кол шулдыр* 'плавник'; *колсога* л., *колсага* сз. 'жабры'; *ношмо* л., *нашмы* г. 'жабры'; *колшӱм* л., *колсӱм* г., *колшʌм* сз. 'рыбья чешуя'; *колсӱк* г. 'чешуя, чешуйка', *колнер*, *сӱгынер*, *кошар нер* 'рострум (передняя заостренуая часть черепа хрящевых и осетровых рыб)', *колокса*, *кол ший* 'рыбья чешуя', *мӱшкыр шулдыр* 'парный плавник (грудные и брюшные)'; *поч шулдыр* 'хвостовой плавник'; *ог шулдыр* 'грудной плав-

ник'; *почйымал шулдыр* 'анальный плавник'; *туп шулдыр* 'спинной плавник'; *сога леведыш* 'жаберные крышки'; *сога рож-влак* 'жаберные отверстия'; *сога шелше* 'жаберные отверстия'; *колсога ӱмбал лу* л., *нашмы вӹлвӓл лу* г. 'жаберная крышка'; *кол кап ӱмбалнысе лу-влак* л., *кол вӹлнӹшӹ лувлӓ* г. 'покровные кости рыбы';

2) названия, обозначающие внутренние органы: *мӧртньӧ* л., *мӧртньӹ* г. 'икра'; *ош мӧртньӧ* л., *ош мӧртньӹ* г. 'молоки рыб'; *шем мӧртньӧ* л., *шим мӧртньӹ* г. 'черная икра'; *йошкар мӧртньӧ* л, *якшар мӧртньӹ* г. 'красная икра'; *колын торыкшо* 'икра'; *кергела* 'молоки у рыб'; *колӱй* л., *колӱ* сз. 'рыбий жир' *шу*, *колшу* г., 'межмышечные косточки рыбы'; *кол лу* 'мелкие рыбьи кости'; *кылчык* 'мелкие кости рыбы'; *узо мӧртньӧ* л., *озы мӧртньы* г. 'молоки, семенники у рыб'; *узы-колмӧртмӧ* 'молоки'; *колшӧр* 'молоки'; *лач* 'плавательный пузырь рыб'; *колшӱвырон*'плавательный пузырь рыбы'; *колханг* г. 'плавательный пузырь'; *омбо* 'плавательный пузырь рыбы';

3) названия, обозначающие нервную систему: *колын ӧрдыжысӧ нервыже* л., *колын ӧрдыж нервӹжӹ* г. 'нерв боковой линии рыбы'.

В марийском языке для обозначения некоторых частей тела рыбы имеется несколько названий.

Для передачи значения 'плавник' в марийском языке широко употребляется лексема *шулдыр* л., *шылдыр* г. (3, с. 274; 4, с. 122; 5, с. 28). М.Федотов между марийским *шылдыр* 'крыло; плавник; ветрогон (у веялки)' и чув. *шӑлтӑрмӑ / шӑлтӑр + ма* 'блок, колесо для поворачивания чего-л.' (6, с. 609) ставит знак равенства (7, с. 319; 8, с. 264). Также в значении 'плавник' можно встретить сочетание *кол шулдыр* (9, с. 387; 5, с. 12). Однотипно образовано чув. *чорыг бурд* 'плавник рыбы'. Так как рыба имеет более двух плавников, существуют наименования, обозначающие разные типы данной части тела: *мӱшкыр шулдыр* 'парный плавник (грудные и брюшные)', *поч шулдыр* 'хвостовой плавник', *от шулдыр* 'грудной плавник', *почйымал шулдыр* 'анальный плавник', *туп шулдыр* 'спинной плавник' (10, с. 79). Названия данных частей тела имеют соответствия и в других финно-угорских языках, например, манс. *со́рыг та́ӈхе* 'средний плавник', где *со́рыг* 'живот'; *лэг та́ӈхе* 'плавник внизу у хвоста', где *лэг* 'хвост'; *сыс та́ӈхе* 'спинной плавник', где *сыс* 'спина' (11, с. 104).

В значении 'жабры' в марийском языке используется несколько слов. Первое наименование *колсога* л. (9, с. 232; 3, с. 71), *колсага* сз. (12, с. 85). Сложное название состоит из двух компонентов: *кол* 'рыба' + *сога / сага* 'бородка, бородки у птиц', где композит *сога* заимствован из чувашского языка: чув. *суха* 'жабры', тат. *санак* 'тж' (13, с. 228). Аналогично название в чувашском языке *пулӑ сухи* 'рыбьи жабры' (6, с. 385).

Название *ношмо* л., *нашмы* г. 'жабры' (14, с. 99; 5, с.???) восходит к коми *некчим* 'жабры', ср. с саам. N. *njuovča* 'жабры' /манс. *n'ê̮χš'əm / n'nχṣ'əm'* / ненец. *n'ind'i* 'тж' (2, с. 189).

Для называния чешуи используется ряд наименований. Название *колокса* (9, с. 391; 3, с. 195) 'чешуя' сложное, образовано сложением двух лексем: *кол* 'рыба'

+ *окса* 'деньги, монета'. Компонент *кал*, общеизвестно, финно-угорского происхождения (1, с. 404). Лексема *окса* заимствована из чувашского языка, ср. чув. *укҫа / окҫа* > мар. *окса* 'деньги', удм. *уксё* 'тж', м. *акша* 'белый; белизна; бельмо; рубль' (7, с. 255). *Калсӱк* 'рыбья чешуя' (4, с. 37) – сложное наименование, характеризующее поверхность тела рыбы. Лексему *сӱк / шӱк* 'сор, мусор' И.С. Галкин относит к марийско-мордовской лексике, ср. эрз. *шуки* 'сор' (15, с. 33). Широко распространено также название *колшӱм* л., *колсӱм* г. (9, с. 397; 4, с. 37), *колшλм* сз. (12, с. 86) 'рыбья чешуя', состоящее из двух слов: *кол* 'рыба' + *шӱм* 'кора'; последнее восходит к финно-угорскому *\ętэ, ср. ф. *suomi*, эст. *soomus*, с. *čuomâs*, удм. *сьӧм*, к. *сьӧм*, хант. *sam*, *sɔm* (1, с. 417). Идентичными номинациями представлены названия чешуи в других финно-угорских языках, ср. к. *чери сьӧм*, удм. *чорыг сьӧм*, манс. *сам*, *хӯл сам* 'рыбья чешуя'.

Следующее название части тела рыбы *колнер* 'рострум, рыло (у рыб)' (4, с. 37), параллельно можно встретить названия *сӱгынер*, *кошар нер* 'рострум (передняя заостренная часть черепа хрящевых и осетровых рыб)' (16, с. 78). Названия *колнер*, *сӱгынер* сложные, состоят из двух слов *кол* 'рыба', *сӱгӧ* 'стерлядь', + *нер* 'нос'. Элемент *нер* 'нос' восходит к уральскому **nere* (2, с. 197; 1, с. 400). Название *кошар нер* 'рострум (передняя заостренная часть черепа хрящевых и осетровых рыб)' составное < *кошар* 'острый, остроконечный, суживающийся к концу' + *нер* 'нос'.

В названиях *кол поч* л., *кол пач* г., *кол пац* сз. 'хвост рыбы' (12, с. 85) лексическая единица *поч / пач / пац* 'хвост' финно-угорского происхождения, ср. к. *бӧж* 'хвост', удм. *быж* 'тж', манс. *ponš-pun* 'перо хвоста', хант. *poťš* 'спина'. – Доперм. -* *ponč̌s* или *panč̌s* (2, с. 40).

Множество марийских названий связано с понятием 'молоки'. В литературе его называют по-разному: *кергела* (16, с. 53; 9, с. 314; 3, с. 101) 'молоки у рыб', (4, с. 32) 'молоки у рыб, половая железа у самцов рыб'. Название *кергела* 'молоки' связано со словом *кӧргӧ* 'потроха, внутренности убойных животных', образовано с помощью суффикса *-ла* – показателя множественного числа, выступающего с именами существительными, имеющими пространственное значение (17, с. 42). Кроме того, встречаются наименования *колшӧр* (5, с. 12) 'молоки', *ош мӧртньы* г. (14, с. 93) 'молоки', *узо мӧртньӧ* л., *озы мӧртньы* г. (4, с. 103; 16, с. 53) 'молоки, семенники у рыб'. Названия *колшӧр*, *ош мӧртньы* более приближены к разговорной речи. В других составных названиях выступает единица *узо* л., *озы* г. 'самец', заимствованная из чувашского языка, ср. *аҫа* >; - др-тюрк. *eč̌*; старший брат; дядя (7, с. 170). Также в значении 'молоки' бытует название *узыколмӧртньӧ* (3, с. 101) 'молоки'.

В значении 'рыбья кость' в марийском языке функционирует слово *коллу*. Название состоит из слова *лу* 'кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека', которое имело употребление еще в период уральской общности, ср. ур. * *luve* > ф. *luu*, эст. *luu*, эрз. *ловажа* 'труп', 'мертвец', удм. *лы*, к. *лы*, хант. *lăw*, *loχ*, манс. *lu*, сам. *lī* (1, с. 400). Идентично название кости рыбы в коми и мансийском языках: *чери лы* (18, с. 601), *хӯл лув* (11, с. 103). Также употребляется сложное название

колшу г. (9, с. 397; 3, с. 271; 12, с. 183) ‘рыбьи маленькие косточки’, (4, с. 37) ‘мышечные мелкие косточки рыб’, состоящее из двух слов: *кол* ‘рыба’ + *шу* ‘мышечные (межмышечные) косточки рыбы’. Для обозначения ‘мелкие рыбьи косточки’ также существует непроизводный вариант *шу* г. (14, с. 207; 3, с. 271; 12, с. 283) ‘мелкие рыбьи косточки’, (4, с. 121) ‘мышечные, межмышечные косточки рыбы’. Компонент *шу* финно-угорского происхождения, ф. *suka*, эст. *suga* (*soa*) ‘щетка’, удм. *зу*, к. *зу* ‘чесалка’. В финно-угорских языках индо-европейское заимствование, ср. др.-инд. *\u-ka* ‘жало’, лат. *cuneus* ‘клин’ (1, с. 429).

Кроме вышеперечисленных наименований широко используется лексическая единица *кылчык* ‘мелкие кости рыбы’ (19, с. 267; 3, с. 95), ‘мелкие межмышечные кости рыб’ (4, с. 47), которая заимствована из татарского языка, ср. тат. *кылчык* ‘ость у злаков, мелкая кость’, башк. *КылчыК* ‘тж’, тур. *кылчык* ‘ость, усы у колосьев’, кирг. *кылчык* ‘волосинка’ (20, с. 93).

Для передачи значения ‘икра’ широко распространено название *колмӧртньӧ* (21, с. 209), которое употребляется параллельно с названием *мӧртньӧ* (21, с. 332) его фонетическими вариантами *мӧртньӹ*, *мӧртни* (14, с. 93) ‘икра’, *нӧртмӧ*, *нӧрпӧ* (12, с. 144) ‘икра’, (4, с. 58) ‘икра, икра рыб, яичники рыб’. Кроме того, в словаре Х.Паасонена встречается лексема *колын торыкшо* ‘икра’ (22, с. 43). Марийское слово *торык* л., *тарык* г. ‘кислое молоко’ заимствовано из чувашского *турăх / торăх*. Как отмечает М.Федотов «…слово представлено в монгольских языках: маньчж. *тара* ‘простокваша’; ср.-монг. *taraγ*, п.-монг. *taraγ* ‘кислое молоко, простокваша; кумыс’» (23, с. 136).

Название *колӱй* л. (9, с. 396), *колӱ* сз. (12, с. 86) передает значение ‘рыбий жир’. Наименование сложное, состоящее из двух лексических единиц: *кол* ‘рыба’ + *ӱй*, *ӱ* ‘масло; искусственно добываемое жидкое или твердое жировое вещество растительного, животного или природного происхождения’. Лексема *ӱ*, *ӱй* финно-угорского происхождения: * *woję* > ф. *voi*, эст. *voi*, саам. *vuoggjâ*, эст. *ой*, м. *вой*, удм. *вӧй*, к-з. *вый*, к.-п. *ви*, хант. *woj*, манс. *wäj*, *sojwoj*, в. *vaj* (1, с. 422). Кроме марийского, имеются соответствия и в других родственных языках: к. *чери вый*, удм. *чорыг вӧй*; также в чув. *пулă савĕ* ‘рыбий жир’ (6, с. 312).

Для обозначения плавательного пузыря в марийском языке широко используется наименование *колшӱвыроиг* (4, с. 37) ‘плавательный пузырь рыб’. Определительный компонент *шӱвыр* л., *шыӹвыӹр* г. ‘пузырь; волынка’ заимствован из чувашского языка, ср. *шăпăр* ‘пузырь; волынка’ (8, с. 154). Кроме чувашского языка встречается в других тюркских языках: др.-тюрк. *sïbïzγu / sïbuzγu* ‘свирель’, тел., алт., шор. *сыбыскы* ‘будка; труба (игральная)’; каз. *сыбызγы=сыбызкы* ‘свисток; дудка’; каз. *шобыр* ‘чувашская игра на пузырях’ (7, с. 279; 13, с. 334). Название *колханг* г. (3, с. 236; 9, с. 396; 14, с. 59; 4, с. 37) ‘пузырь рыбы’ состоит из двух частей: *кол* ‘рыба’ + *ханг* ‘пузырь (в организме живых существ)’. Менее употребительным являются названия *лач* (4, с. 50) ‘плавательный пузырь рыб’, *омбо* (3, с. 143) ‘мочевой пузырь (рыб)’, (24, с. 95; 4, с. 67) ‘пузырь; перепончатый полый орган в теле рыбы, лягушки’.

Кроме вышеназванных названий в марийском языке также можно встретить наименования жаберной крышки: *колсогаӱмбаллу* л., *нашмы вӹлвӓл лу* г. (4, с. 37). Многокомпонентное название состоит из трех лексем: *колсога / нашмы* г. ‘жабры’ + *ӱмбал / вӹлвӓл* ‘верх, поверхность, наружная, чаще верхняя сторона предмета’ + *лу* ‘кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека’, где *колсога*, в свою очередь, имеет в своем составе два корня – *кол* ‘рыба’ + *сога* ‘бородка, бородки у птиц’.

В литературе встречается название *кол кап ӱмбалсе лу-влак* л., *кол вӹлнӹшӹ лувлӓ* г. в значении ‘покровные кости рыбы’ (5, с. 12; 16, с. 70), где *кол* ‘рыба’ + *кап* ‘тело, фигура; организм человека в его внешних физических формах’ + *ӱмбалсе / вӹлнӹшӹ* ‘боковой; находящийся, расположенный на боку, сбоку’ + *лу* ‘кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека’.

Для обозначения органа боковой линии рыбы употребляется словосочетание *колын ӧрдыжысӧ нервыже* л., *колын ӧрдыж нервӹжӹ* г. < *кол* ‘рыба’ + *ӧрдыжысӧ / ӧрдыж* ‘боковой; находящийся, расположенный на боку, сбоку’ + *нервыже / нервӹжӹ* ‘нерв’ (5, с. 12).

Как видно из материала, данная семантическая группа лексики марийского языка хронологически неоднородна по своему составу. По происхождению марийские названия частей тела рыб условно можно разделить на три группы: 1) древние названия, имеющие параллели в родственных финно-угорских языках, 2) иноязычные проникновения, 3) названия, образованные в самом марийском языке.

Самый древний пласт – это те названия, которые имеют параллели в других родственных языках: *тӱрвӧ / тӹрвӹ* ‘губа’, *нер* ‘нос’, *поч / пач / пац*, *ношмо / нашмы* и другие.

Как известно, в процессе исторического развития народы вступают между собой в языковые контакты, что неизбежно приводит к заимствованию ими иноязычной лексики. И в лексике марийского языка существует довольно большое количество заимствованных слов, вошедших из различных источников и в разные эпохи. Не являются исключением и названия частей тела рыбы, при формировании которых тоже имело место проникновение чужеродных элементов. Путем лингвистического анализа ихтионимической номенклатуры марийского языка можно выделить названия чувашского происхождения: *шулдыр / шылдыр* ‘плавник’, *кылчык* ‘мелкие кости рыбы’ и др.

Значительное количество названий образовалось в системе марийского языка. Эти названия представлены в основном сложными и составными наименованиями, в которых стержневым словом обычно выступает общеизвестное название *кол* ‘рыба’. Такими являются сложные образования типа *колнер* ‘рострум, рыло’, *колмӧртьнӧ* ‘икра и др.

При изучении лексико-семантических групп существенным является выявление структурных формул образования однотипных наименований. Структурно-словообразовательная характеристика названий – это одно из важных направлений исследования лексико-семантических групп. Названия возникают по словообразо-

вательным типам того языка, которому они принадлежат. Основой марийских названий частей тела рыб являются сложные конструкции.

В структурно-грамматическом отношении марийские названия частей тела рыбы можно разделить на три группы: простые (односоставные), сложные, состоящие из двух или более компонентов, и составные, компоненты которых не столь тесно взаимосвязаны и являются больше сочетаниями слов, чем сложными словами. Большая часть простых названий частей тела ихтионимов – это древние названия (финно-угорские и собственно марийские) и заимствования, которые с точки зрения современного марийского языка не делятся на морфемы. Их можно назвать собственно простыми. Примером такой неделимой простой основы, совпадающей с корнем, являются следующие наименования: *кылчык* 'рыбьи косточки'; *мӧртньӧ* л., *мӧртньы* г., *мӧртни* сз. 'икра'; *ношмо* л., *нашмы* г. 'жабры'; *омбо* 'мочевой пузырь (рыб)', *сӱм* г. 'чешуя', *шу* г. 'мелкие рыбьи косточки', *шулдыр* 'плавник', *лач* 'плавательный пузырь рыб'.

Как отмечалось выше, в названиях частей тела рыб марийского языка преобладают сложные конструкции, состоящие из двух или более элементов, тесно взаимосвязанных между собой. По количеству составляющих большая часть сложных названий представлена двухкомпонентными конструкциями. Среди именных частей речи, присутствующих в образовании названий частей тела рыбы, доминирующую позицию занимают существительные. Одним из наиболее распространенных является модель существительное + существительное. Активность этой модели исходит из самой природы марийского языка. Сочетание слов на основе примыкания является наиболее характерной синтаксической связью для марийского языка.

В лексических единицах, которые образованы по модели имя существительное + имя существительное, оба компонента стоят в единственном числе без личностно-притяжательных показателей и признака обладателя. В качестве определительного компонента выступают простое производное, и реже, сложное имя существительное. По данной модели образованы ряд наиболее существенных словообразовательных типов. Одну из групп составляют лексические единицы, в которых в качестве атрибутивного компонента выступает слово *кол* 'рыба', указывающее на принадлежность предмета: *колнер* 'рострум, рыло' < *кол* 'рыба' + *нер* 'нос'; *сӱгынер* 'рострум (передняя заостренная часть черепа хрящевых и осетровых рыб)' < *сӱгӧ* 'стерлядь' + *нер* 'нос'; *колокса* 'чешуя' < *кол* 'рыба' + *окса* 'монета'; *колсӱк* г. 'рыбья чешуя' < *кол* 'рыба' + *сӱк* 'сор, мусор'; *колсога* л., *колсага* сз 'жабры' < *кол* 'рыба' + *сога*, *сага* 'бородка, бородки у птиц'; *колханг* г. 'пузырь рыбы' < *кол* 'рыба' + ханг 'пузырь (в организме живых существ)'; *колшӱм* л., *колсӱм* г., *колшӹм* сз. 'рыбья чешуя'; *колшу* г. 'рыбьи маленькие косточки' < *кол* 'рыба' + *шу* 'мышечные (межмышечные косточки рыбы)'; *колӱй* 'рыбий жир' < *кол* 'рыба' + *ӱй* 'масло; искусственно добываемое жидкое или твердое жировое вещество растительного, животного или природного происхождения'; *колшӧр* 'молоки; семенные железы рыб, а также содержащаяся в этих железах жидкость (семя)' < *кол* 'рыба' + *шӧр* 'молоко'.

В названиях частей тела рыбы встречаются сложные наименования, состоящие из трех или более самостоятельных слов. Реже в многокомпонентных названиях частей тела рыбы выступает схема сложное имя существительное + имя существительное. Примером такой модели является одно название: *узыкол̆мӧртньӧ* ‘молоки’ < *узыкол* ‘являющийся самцом, особью мужского пола’ + *мӧртньӧ* ‘икра’.

По модели имя существительное + сложное имя существительное также образовано лишь одно наименование: *колшӱвырон* ‘плавательный пузырь рыб’ < *кол* ‘рыба’ + *шӱвырон* ‘пузырь; полый мешкообразный орган в теле животного или человека’.

Преобладающая часть сложных названий частей рыб образована путем простого сложения без каких-либо фонетических изменений. Среди таких слов можно отметить следующие: *коллу* ‘кости рыбьи’, *колокса* ‘рыбья чешуя’, *колсӱк* г. ‘рыбья чешуя’, *колсога* л, *колсага* сз. ‘жабры’, *колсогаӱмбаллу* ‘жаберная крышка рыб’, *колханг* г. ‘плавательный пузырь рыбы’, *колшӧр* ‘молоки’, *колшу* ‘рыбьи маленькие косточки’, *колшӱвырон* ‘плавательный пузырь рыбы’, *колшӱм* л., *колсӱм* г., *колшʌм* сз. ‘чешуя рыбья’.

Таким образом, сложные названия частей тела рыбы по принадлежности первого или второго компонента к той или иной части речи представлены двухкомпонентными лексическими единицами подчинительного типа, образованными по моделям: 1) имя существительное (ИС) + имя существительное (ИС), сложное имя существительное + имя существительное. Сложные наименования образованы преимущественно путем простого сложения компонентов без каких-либо изменений.

Большую группу среди названий частей тела рыбы занимают наименования, представляющие *составные слова*. К составным названиям относятся сочетания слов, в которых наблюдается меньшая спаянность компонентов в семантическом отношении. Они наиболее близки к словосочетаниям сохранением ударения на каждом компоненте, наличием отдельной паузы между составными частями, не затемненным падежным значением первой композиты. По количеству компонентов, входящих в название, составные слова, как и сложные, представлены двусоставными и многосоставными единицами. Среди них наиболее распространены двухкомпонентные названия. Составные названия, в свою очередь, по лексико-грамматическим особенностям компонентов можно разделить на следующие модели: имя существительное (ИС) + имя существительное (ИС); имя прилагательное (ИП) + имя существительное (ИС).

В *двусоставных названиях* в роли определяемого компонента чаще всего выступает имя существительное в номинативе единственного числа. Структура двусоставных названий частей тела рыбы по модели ИС + ИС представлена следующим образом:

1. Определительный (атрибутивный) компонент – простое непроизводное имя существительное, указывающее на принадлежность предмета кому-чему-л., например: *кол шулдыр* ‘плавники’ < *кол* ‘рыба’ + *шулдыр* ‘плавник’; *кол поч* л., *кол*

пач г., *кол пац* сз. ‘хвост рыбы’ < *кол* ‘рыба’ + *поч / пач / пац* ‘хвост’; *сога шелше* ‘жаберные отверстия’ < *сога* ‘бородка, бородки у птиц’ + *шелше* ‘щель, трещина, расщелина’; *сога рож-влак* ‘жаберные отверстия’ < *сога* ‘бородка, бородки у птиц’ + *рож* ‘дыра, проем, отверстие’, *сога леведыш* ‘жаберные крышки’ < *сога* ‘бородка, бородки у птиц’ + *леведыш* ‘крыша’.

2. Определительный (атрибутивный) компонент – простое непроизводное имя существительное, указывающее на месторасположение второго компонента: *мӱшкыр шулдыр* ‘парный плавник (грудные и брюшные)’ < *мӱшкыр* ‘живот’ + *шулдыр* ‘плавник’; *поч шулдыр* ‘хвостовой плавник’ < поч ‘хвост’ + *шулдыр* ‘плавник’; *ог шулдыр* ‘грудной плавник’ < *ог* ‘груди’ + *шулдыр* ‘плавник’; *почйымал шулдыр* ‘анальный плавник’ < *поч* ‘хвост’ + *йымал* ‘общее название низа, нижней части чего-л.: низ, дно, подножие и т.д.’ + *шулдыр* ‘плавники, плавник (у рыб)’; *туп шулдыр* ‘спинной плавник’ < *туп* ‘спина’ + *шулдыр* ‘плавник’.

Названия, образованные по модели ИП + ИС встречаются только в наименованиях икры и молоков.

1) Определительный компонент – качественное имя прилагательное, указывающее на половые различия: *узо мӧртньӧ* л., *озы мӧртньы* г. ‘молоки’ < *узо / озы* ‘являющийся самцом, особью мужского пола’ + *мӧртньӧ* ‘икра’.

2. Определительный компонент – качественное имя прилагательное, указывающее на цветовые особенности органа: *ош мӧртньӧ* л., *ош мӧртньы* г. ‘молоки рыб’ < *ош* ‘белый’ + *мӧртньӧ / мӧртньы* ‘икра’; *шем мӧртньӧ* л., *шим мӧртньы* г. ‘черная икра’ < *шем / шим* ‘черный’ + *мӧртньӧ / мӧртньы* ‘икра’; *йошкар мӧртньӧ* л, *якшар мӧртньы* г. ‘красная икра’ < *йошкар / якшар* ‘красный’ + *мӧртньӧ / мӧртньы* ‘икра’.

В названиях частей тела рыбы имеют место также многосоставные единицы. Как правило, многосоставные названия состоят из трех или более знаменательных слов. К многосоставным названиям можно отнести следующие модели, выраженные различными частями речи.

По модели ИС + ИС + ИС обнаружено одно название: *нашмы вӹлвӓл лу* г. ‘жаберная крышка’ < *нашмы* ‘жабры’ + *вӹлвӓл* ‘верх, поверхность, наружная, чаще верхняя сторона предмета’ + *лу* ‘кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека’.

По модели ИС+ИП+ИС образованы две лексические единицы: *колын ӧрдыжысӧ нервыже* л., *колын ӧрдыж нервӹжы* г. ‘орган боковой линии рыбы’ < *кол* ‘рыба’ + *ӧрдыжысӧ / ӧрдыж* ‘боковой; находящийся, расположенный на боку, сбоку’ + *нервыже / нервӹжы* ‘нерв’; *кол вӹлнышы лувлӓ* г. ‘покровные кости рыбы’ < *кол* ‘рыба’ + *вӹлнышы* ‘боковой; находящийся, расположенный на боку, сбоку’ + *лу* ‘кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека’.

По модели сложное имя существительное + имя прилагательное + имя существительное образовано наименование *колсога ӱмбал лу* ‘жаберная крышка’ < *колсога* ‘жабры рыб’ + *ӱмбал* ‘верх; поверхность, наружная, чаще верхняя сторона предмета’ + *лу* ‘кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека’.

Модель ИС+ИС+ИП+ИС представлена в сочетании *кол кап ӱмбалнысе лувлак* л. 'покровные кости рыбы' < *кол* 'рыба' + *кап* 'тело, фигура' + *ӱмбалнысе* 'верхний; находящийся на ком-чем-л., поверх кого-чего-л.; на верху чего-л.' + *лу* 'кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека'.

По своей словообразовательной структуре марийские названия частей тела рыбы не составляют исключения в системе лексики марийского языка. В образовании их участвуют такие способы словообразования, как синтаксический способ (словосложение) и словосочетание. Наиболее распространенной моделью сложного наименования являются двухкомпонентные образования, представляющие названия типа имя существительное + имя существительное, имя прилагательное + имя существительное.

Необходимо отметить, что вокруг каждой части тела рыбы существует своя микросистема названий. При исследовании наименований частей тела рыбы немаловажное значение имеет изучение мотивации названий, т.е. тех причин, которые побудили возникновение того или иного названия. Процесс именования предполагает, с одной стороны, использование определенных возможностей конкретного языка (создание новых слов из корневых и служебных морфем, словосложение, графическое оформление заимствований и др.), а с другой – фиксации понятийных представлений, отражающих процесс мышления путем сопоставления, противопоставления. Достоверно проследить процесс формирования первичных наименований не всегда возможно, однако вполне возможно выделить особенности вторичной номинации, например, метафорического переноса. Метафора предполагает, что предметы, которые имеют некоторое сходство между собой, могут одинаково называться. Предмет может быть назван по форме, размеру, функции и т.д. В связи с этим можно выделить несколько принципов номинаций в изучаемой группе слов:

1. Номинация по функции органов рыб.

Такими в названиях частей тела рыб являются *кол шулдыр-влак* л., *кол шылдырвлӓ* г. 'плавники'; *колшӱвырог* л., *колханг* г. 'плавательный пузырь рыбы'; *кол поч* л., *кол пач* г., *кол пац* сз. 'хвост рыбы'.

2. Номинация по форме.

В марийских названиях частей тела рыбы по данному принципу отмечены следующие: *колокса* 'рыбья чешуя' < *кол* 'рыба' + *окса* 'деньги, монета' (чешуя крупной рыбы по форме напоминает круглую блестящую монету), *колшӱм* 'рыбья чешуя' < *кол* 'рыба' + *шӱм* 'кора' (чешуя рыбы снимается как кора, это и послужило основой для называния этого органа именно так), *колсога* л., *колсага* сз. 'жабры'; *колсӱк* г. 'рыбья чешуя'.

3. Номинация по половой принадлежности.

В финно-угорских языках родо-половые особенности животного выражаются лексически. В ихтионимической лексике марийского языка это достигается с помощью употребления слов-разграничителей, которые добавляются к названиям. В названиях частей тела рыбы, а именно, «мужской икры» к лексемам *кол* 'рыба' и *мӧртньӧ* 'икра' добавляется слово-разграничитель *узо* 'мужской, служащий для

оплодотворения; самец', например, *узыколмӧртньӧ* 'молоки' < *узыкол* 'самец' + *мӧртньӧ* 'икра', в данном случае поясняется, что икра самца, *узо мӧртньӧ* л., *озы мӧртьны* г. 'молоки' < *узо* 'мужской, служащий для оплодотворения' + *мӧртньӧ* 'икра' – букв. мужская икра.

4. Номинация по месторасположению органа.

В тех случаях, когда количество тех или иных органов рыб более двух, необходимым является их конкретизация, например, по месторасположению плавников: *мӱшкыр шулдыр* 'парный плавник (грудные и брюшные)' < *мӱшкыр* 'живот' + *шулдыр* 'плавник', *поч шулдыр* 'хвостовой плавник' < *поч* 'хвост' + *шулдыр* 'плавник', *ог шулдыр* 'грудной плавник' < *ог* 'грудь, грудной' + *шулдыр* 'плавник', *почйымал шулдыр* 'анальный плавник' < *поч* 'хвост' + *йымал* 'нижняя часть чего-л.; дно, подножие и т.д.' + *шулдыр* 'плавник', *туп шулдыр* 'спинной плавник' < *туп* 'спина' + *шулдыр* 'плавник'.

5. Номинация по цвету органа рыбы.

В марийском языке по данному типу номинации образованы названия икры разных рыб: *ош мӧртньӧ* л., *ош мӧртньы* г. 'молоки рыб' < *ош* 'белый' + *мӧртньӧ / мӧртньы* 'икра', *шем мӧртньӧ* л., *шим мӧртньы* г. 'черная икра' (осетровых рыб) < *шем / шим* 'черный' + *мӧртньӧ / мӧртньы* 'икра', *йошкар мӧртньӧ* л., *якшар мӧртньы* г. 'красная икра' (лососевых рыб) < *йошкар / якшар* 'красный' + *мӧртньӧ / мӧртньы* 'икра'. К данной номинации можно отнести название *колшӧр* 'молоки' < *кол* 'рыба' + *шӧр* 'молоко' – букв. рыбье молоко, здесь принцип по цвету органа, молоки имеют молочный цвет. Такие названия, на наш взгляд, образуются, когда уже имеющееся слово общего характера требует пояснения, конкретизации.

К тому же, названия частей тела рыбы часто встречаются в названиях ихтионимов. Важно при этом отметить, что такие метафорические наименования становятся терминами, входят в терминологическую систему и тем самым становятся частью научной картины мира, т.е. описание рыбы перешло в название. К таким можно отнести следующие ихтионимы: *йошкаршулдыр* л., *якшаршылдыр* г. 'красноперка' < *йошкар / якшар* 'красный' + *шулдыр / шылдыр* 'плавник'; *якшарсынза* г. 'плотва' < *якшар* 'красный' + *сынза* 'глаз'; *шемшулдыр* л., *шимшылдыр* г. 'лещ' < *шем / шим* 'черный' + *шулдыр / шылдыр* 'плавник'; *парсыншылдыр* г. 'красноперка' < *парсын* 'шелк, шелковый' + *шулдыр* 'плавник'; *кӱвуй, кӱртньывуй* 'подкаменщик обыкновенный' < *кӱ* 'камень', *кӱртньӧ* 'железо, железный' + *вуй* 'голова'.

Таковы основные признаки номинации лексики, представляющей названия частей тела рыб в марийском языке. Конечно, они не исчерпывают всех тех признаков и возможностей, которые могут быть в основе номинации. Исходя из анализа номинаций названий, доминирующими признаками являются функция, форма, цвет и расположение части тела рыбы.

Если подробнее рассмотреть и сравнить названия частей тела человека и рыбы, то можно сделать следующий вывод: названия частей тела человека и рыбы прак-

тически полностью совпадают в словах, которые обозначают внутренние органы, в так называемых спланхонимах, например: *шелогар* ‘пищевод’, *пагар* ‘желудок’, *шоло* ‘кишка, кишки; кишечник’, *шекшкалта* ‘желчный пузырь’, *леп* ‘селезёнка’, *верге* ‘почки’, *муныгудо* ‘яичник’, *шондыгалта* ‘мочевой пузырь’, *тупрӱдӧ* ‘хорда осетровых рыб’ и многие другие. Наблюдаются совпадения с наименованиями некоторых внешних частей тела человека: *вуй* ‘голова’, *нер* ‘нос, клюв’, *шинча* ‘глаз, глаза’, *умша* ‘рот’ и пр.

Существует ряд названий частей тела рыбы, которые соотносятся с частями тела или человека, или птицы, или животного. Учитывая вышеперечисленные особенности, названия части тела рыбы можно разделить на:

1) названия, вторая часть которых соотносится с наименованиями частей тела человека: *коллу* ‘кости рыбьи’, *колнер* ‘рострум рыб’, *кошар нер* ‘рострум (передняя заостренная часть черепа хрящевых и осетровых рыб)’, *сӱгынер* ‘рострум (передняя заостренная часть черепа хрящевых и осетровых рыб)’, *кол кап ӱмбалнысе лу-влак* л., *кол вӹлнӹшӹ лувлӓ* г. ‘покровные кости рыб’;

2) названия, вторая часть которых соотносится с наименованиями частей тела животного: *кол поч* л., *кол пач* г., *кол пац* сз. ‘хвост рыбы’, *колшӱвырон* ‘плавательный пузырь рыб’, *колханг* ‘пузырь рыбы’;

3) названия, вторая часть которых соотносится с наименованиями частей тела птицы: *кол шулдыр-влак* ‘плавники’, *колсога* л., *колсага* сз. ‘жабры’, *поч шулдыр* ‘хвостовой плавник’, *мӱшкыр шулдыр* ‘парный плавник (грудные и брюшные)’, *туп шулдыр* ‘спинной плавник’, *поч шулдыр* ‘хвостовой плавник’, *он шулдыр* ‘грудной плавник’, *почйымал шулдыр* ‘анальный плавник’.

Названия, вторая часть которых не имеет отношения к соматизмам: *колокса*, *кол ший* ‘рыбья чешуя’, *колсӱк* г. ‘рыбья чешуя’, *наимы ыражвлӓ* г. ‘жаберные мешки, жаберные отверстия’, *сога рож-влак* л. ‘жаберные мешки, жаберные отверстия’, *колшу* г., *шу* сз. ‘мышечные мелкие косточки рыб, мелкие рыбьи косточки’, *сога леведыш* ‘жаберные крышки’, *сога шелше* ‘жаберные отверстия’.

Необходимо отметить, что в названиях частей тела рыбы доминируют сложные и составные лексические единицы, которые, в свою очередь, относятся к различным способам номинации (номинации по функции, по форме, по цвету). В сложных наименованиях большую часть составляют композиты по модели имя существительное + имя существительное. В названиях частей тела рыбы преобладают наименования, которые обозначают внешние части тела рыбы.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

алт.	– алтайские языки
башк.	– башкирский язык
в.	– венгерский язык
г.	– горное наречие марийского языка
доперм.	– допермский
др.-инд.	– древнеиндийский язык
др.-тюрк.	– древнетюркский язык

к. – коми язык
каз. – казахский язык
к.-з. – коми-зырянский язык
кирг. – киргизский язык
к-п. – коми-пермяцкий язык
л. – луговое наречие марийского языка
лат. – латинский язык
м. – мокшанский язык
маньчж. – маньчжурский язык
мар. – марийский язык
морд. – мордовский язык
манс. – мансийский язык
ненец. – ненецкий язык
п.-монг. – письменный монгольский язык
саам. – саамский язык
саам. N. – норвежско-саамский диалект
сам. – самодийские языки
сз. – северо-западное наречие марийского языка
ср.-монг. – среднемонгольский
тат. – татарский язык
тел. – телеутский диалект алтайского языка
тур. – турецкий язык
удм. – удмуртский язык
узб. – узбекский язык
ф. – финский
хант. – хантыйский
чув. – чувашский язык
шор. – шорский язык
эст. – эстонский язык
эрз. – эрзянский язык

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974.

2. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970.

3. *Васильев В.М.* Марий мутер. Тӱрлӧ вере илыше марийын мутшым тангастарен нергелымэ книга. – М., 1928.

4. *Балдаев Х.Ф.* Марийско-русский словарь биологических терминов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992.

5. *Сергеев О.А.* Марий анатомий мутер. Марийско-русский, русско-марийский анатомический словарь. – Йошкар-Ола, 2004.

6. Чувашско-русский словарь. 2-ое изд. – М., 1985.

7. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск, 1990.

8. *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. – Чебоксары, 1965.

9. Словарь марийского языка. Т. 2, И-К. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992.

10. *Цузмер М.Я.* Зоологий. Кокла школышто тунемме книга. 6–7 ий тунемшылан. – М., 1933.

11. *Герасимова Д.В.* Лексика, связанная с охотничьим и рыбным промыслом, в мансийском языке: Дис… канд. филол. н. – Л., 1988.

12. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Словарь северо-западного наречия. – Йошкар-Ола, 1971.

13. *Егоров В Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1964.

14. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981.

15. *Галкин И.С.* Марий исторический лексикологий. Тунемме книга. – Йошкар-Ола, 1986.

16. *Балдаев Х.Ф.* Русско-марийский словарь биологических терминов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983.

17. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961.

18. Русско-коми словарь. – Сыктывкар, 1966.

19. Словарь марийского языка. Т. 3, К-Л (косараш-ляпкыме). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994.

20. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Часть II. – Йошкар-Ола, 1994.

21. Марийско-русский словарь. – М., 1956.

22. *Paasonen H.* Ost-Tscheremmissisches Wörterbuch: Bearbeitet und herausegegeben von Paavo Siro. – Helsinki, 1948.

23. *Федотов М.Р.* Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка. – Чебоксары, 1992.

24. Словарь марийского языка. Т. 4, М–Ӧ. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998.

Elvira Peksheeva

FEATURES OF THE NAMES OF BODY PARTS OF FISH IN THE MARI LANGUAGE

In the article it is considered the names of body parts of fish in the Mari language. The author analyzes in detail the derivation types of names. In the complex names of body parts of fish the most important types of word formation, as a noun + noun, adjective + noun are identified by the author. Also, the names of body parts of fish are studied by the principles of the nomination, where the nominations for the form, function, color and location of the fish's body are dominant features.

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Ольга Зиявадинова
Сыктывкар

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА ЧУВСТВА ПРИРОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.А. ЮШКОВА И И.Г. ТОРОПОВА

В творчестве коми писателей обнаруживаются тенденции к мифологизации, которые в целом были характерны для младописьменных и молодых литератур 1960–1980-х годов. Вызвано это, вероятно, стремлением монументализировать традиционное мироощущение, подчеркнуть «неправильность» современного развития (Ю.Шесталов, В.Санги, А.Ким, Ч.Айтматов).

Значительное место в повести «Оштӧ эн лый кыкысь» («Не стреляй в медведя дважды», 1988) И.Торопова отведено образу медведя. Произведение начинается с описания вторжения «железных механизмов» в естественную среду: деревья сбиты тракторами, земля вспахана. Медвежонок стал «устраиваться» в новом лесу, но он не может забыть прежнее место, вспоминает мать-медведицу, берлогу, где они жили. Автор вводит в ткань повествования рассказ о медведе, из которого нам становится известно, что много лет назад люди и животные жили вместе, понимали друг друга. Чувство природы в повести автора формируется преимущественно в плоскости духовной жизни героев, оно сосредоточено не только на образе земли, леса, но природы в целом и связывается с мифическими представлениями о мире – о законах его строения, отраженных в этиологических, космологических мифах. И.Г. Торопова заставила обратиться к мифу философски осмысляемая им историческая ситуация – время разрушения жизненных укладов, трагического разлома устоявшегося мира. Образ медведя имеет мифологическую основу.

Писатель преследовал определенную цель в подобной творческой установке: «он стремился осмыслить природу и человека шире пределов настоящего мгновения, сопоставить современное состояние с некой «вечной» моделью, чтобы понять направленность человеческой истории…» (1, с. 118). Повествование в произведении, опираясь на мифологический образ, передает историю расторжения взаимосвязи человеческого общества с природой. В начале произведения природа – мир земной и небесный, животный и растительный изображается автором как гармонически целостное, слаженное единство, далее рисуется трагический финал этого конфликта: медведь, символизирующий одухотворенность природы, оказывается бессилен перед железными механизмами нового времени. С уходом медведя из леса мифологическая история природы, с которой гармонично был связан патриар-

хальный человеческий мир, поворачивает к своему завершению, и начинает твориться новая история, в которой место медведя занимает человек с топором, являющийся не защитником, а истребителем природы, а патриархальный мир сменяется индустриальным. Таким образом, создается универсальная оппозиция «прошлое / будущее, несущая ответы на философские, социально-нравственные, экологические проблемы, которая читается как время единства с природой / время разлада с ней, время природы / время железа, время гармонии человека и природы / время борьбы человека с природой» (1, с. 142).

Образ медведя занимает видное место в традиционном мировоззрении коми. Следы почитания медведя видны во всех жанрах коми фольклора. К.Ф. Жаков в работе «Языческое миросозерцание зырян» подробно останавливается на образе медведя. Он пишет: «У зырян существовал культ медведя. Большую любовь и уважение питают зыряне к медведю. Крестьяне по рекам Пожег и Вымь утверждают, что медведь, кроме лица, точь в точь как человек, что он человеческого рода и понимает языки всех народов» (2, с. 79–80). В коми фольклоре распространены такие названия медведя, как «вӧрса морт» – лесной человек. Медведь, по представлениям зырян, обладает человеческими качествами, поэтому охота на него связана с различными торжественными приготовлениями. Существует обычай, убив медведя, просить у него извинения. В «Этнологическом очерке зырян» К.Жаков описывает обряд «юм сибӧдӧм», совершаемый перед убийством медведя: «Перед охотой на медведя в лесу охотники варят в котлах «юм» (сладкую кашу из ржаной муки). Этот «юм» нарочно оставляют на улице, перед «чом» (избушкой), чтобы медведь съел его, иначе охота невозможна. На другой день, увидавши, что котел пуст, охотник молчит, никому не сказывает о случившемся, иначе охота будет неудачной…» (3, с. 332–333).

Многие исследователи отмечали тотемическую основу культа медведя. «Наиболее почитаемым животным у коми был медведь», – подчеркивала В.Н. Белицер (4, с. 323). Ф.В. Плесовский указывает на использование медвежьей шкуры в свадебной обрядности коми-зырян (5, с. 126). Коми-пермяки до сих пор называют медведя «хозяином леса» (5, с. 15–17). У финнов существует поверье, что душа медведя такая же, как у людей (6, с. 12). По представлениям остяков, медведь является человеком, он одарен божеской силой и мудростью: «…медведь был прежде человек-богатырь, который ходил часто в лес и раз, выбираясь из лесу, хотел перелезть через колоду, сняв одежду. Перелезши он увидел одежду похищенной, а вместо того на нем выросла медвежья шерсть; однако он остался по качествам человеком и понимает человеческий язык» (6, с. 109). Медведя убивают редко, главным образом в целях самозащиты или защиты скота и посевов. Медведь у коми считался живым воплощением лесного духа. Об этом свидетельствуют фольклорные данные. В романе Г.А. Юшкова «Чугра» в образе медведя воплощены представления коми о всеобщей естественной связи в природе. Ревекка, героиня произведения, рассказывает сыну, что коми человек произошел от медведя.

Коми писатели ставят в своих произведениях задачу воспитания человека, поэтому истории о животных, птицах, включенные в ткань повествования, мыслятся как познавательные, поучительные, они формируют эстетический и этический закон природной жизни: трава и деревья, звери и птицы, рыбы и люди – все находятся на своем месте. Это образное воплощение формулы организации природных форм жизни, которая предполагает сорядовую, а не пирамидальную иерархию.

В рассказе «Висар» (1964) Г.Юшкова подчеркивается этический аспект в восприятии природы человеком; с новой силой ощущается трагичность разрыва между ними. Человек рисуется автором как главная разрушительная сила в природе. А.К. Микушев, анализируя произведение, заметил: «Висар, на первый взгляд, совершает внешне добрые дела: он замечает, что глухарка устроилась под елью, высиживает выводок, обходит ее, чтобы не потревожить, по пути Висар делает остановки, чтобы помочь черемухе, на которую налегла поваленная ветром осина» (7, с. 243).

На самом деле корысть, а не чувство любви к природе определяет поведение героя, его поступки, мир понимается Висаром, как данный ему в пользование. Он проходит мимо гнезда глухарки и шепчет: «Не бойся... Досиживай. Я осенью приду за твоим потомством». События в рассказе приобретают драматический характер, автор описывает убийство лося: Висар пинает убитого им лося, словно тот в чем-то провинился перед ним, все это усиливает трагический пафос повествования. Проблема «человек и природа» перемещается в философский план.

Наиболее ранней формой религии был тотемизм – вера в родство человеческого коллектива с каким-либо животным, растением или явлением природы. В основе тотемизма лежали представления о всеобщей связи в природе. В прошлом каждый род имел свою тотемную группу, состоявшую из животных и растений, с которыми он роднился и атрибуты которых он хранил как символ. Одним из устойчивых мотивов в творчестве народов Севера и Приуралья Л.С. Грибова считает образ лося (оленя) – тотемного животного (8, с. 68). «Йора» в коми языке, или иносказательно: «вор-мос» – лесная корова, «лола» – живой (имеющий душу).

Отказ от традиционных представлений в произведениях коми авторов изображается как следствие тотального отчуждения человека от природы, а это последнее – как мировая трагедия. Вместо рухнувшей системы ценностей не создается новая, а без этого не может быть равновесия между двумя крупными величинами земной цивилизации – природой и человеком.

Герои рассказа «Чомъя мусюр» («Гора, похожая на чум») Г.А. Юшкова отправились в тундру, в экспедицию, выглянув утром из палатки, они увидели на озере лебедей, впереди плыли два взрослых, мать и отец, а за ними суетливой цепочкой поспешали четыре неоперившихся табачного цвета лебеденка. Ваня Есев потянулся за ружьем, чтобы подстрелить самца, так как у них закончилась пища, но Чуистова запретила ему делать это. Вторым солнцем называют в тундре лебедя. Лебедь у коми и удмуртов «считается птицей особенной, чистой. Существует негласный запрет охоты на лебедя. Всякого, случайно или неслучайно убившего лебедя, согласно поверью, ждет кара» (9, с. 87). Лебедь у коми, как и у многих наро-

дов, считался птицей с ярко выраженной женской и брачной символикой. В коми сказках популярен сюжет о превращении лебедя в прекрасную девушку, на которой женится герой (10, с. 105, 106, 156). Табуирование образа лебедя наблюдается и в фольклоре некоторых тюркоязычных народов. Так, например, В.Г. Родионов отмечает, что в представлении чувашей лебедь является священной птицей: «Не было на земле большего греха, чем убийство лебедя. Оно расценивалось наравне с убийством матери. Поэтому запрещалось не только охотиться, но и беспокоить их, сопровождать криком улетающих лебедей» (11, с. 55). Якуты также боялись нанести вред своей тотемной птице, она, по поверьям, могла вызывать болезнь или несчастье (12, с. 130). Следы тотемистического почитания лебедя встречаются и в фольклоре монголоязычных народов. В древнебурятской мифологии лебедушка – прародительница племени хоринцев и рода хангинцев (12, с. 89)

Описание в рассказе лебедей коми автора – фактор, помогающий понять основные идеи рассказа. Во многих областях России, в том числе и в Коми, сложилась традиция любовного, уважительного отношения к лебедям, на них там не охотятся. Лебедь в представлении коми – идеал красоты (9, с. 105, 106, 156). Г.А. Юшков пишет: «Тундраад войтодлысьясыд абуось, да оз повны юсьясыс мортсьыд. Кор видзьысъяс некор найос оз ворзьодны, шонді вежысьясон шуоны. Збыльыс од, кор поводдяыс лекмас да пыр он аддзыв шондiсо, сэк лэбысь ли пукалысь еджыд юсьыд сэтшома долыдмодо сьоломто, он косйы, да нюмыд петалас. Окота овны, сьывны на, а то и сiдз нимкодьпырысь мыйко городны ывла тырнас татшом югыд здукас...» (9, с. 38). (В тундре охотников нет, да и не боятся лебеди моржей. Оленеводы никогда их не тронут, называя «заменяющими солнце». А ведь и правда, когда погода хмурится и долго не видишь солнца, летящий или сидящий белый лебедь так обрадует сердце, не хочешь, а улыбнешься. Хочется жить и петь, а то и просто от радости закричать во весь голос в этот светлый момент.)

Лебедь является символом чистоты и красоты, таким образом, он как бы олицетворяет собою мечту о высокой любви, мечту о прекрасном человеке. В повести И.Г. Торопова «Арся сьыланкыв» («Осенняя песня», 1976) рассказывается о лебедях. Мать Питирима поведала историю о священной птице, в которую, по поверьям, нельзя было стрелять, ибо лебедь является украшением тундры, радует душу. В повести «Тян» в роли священной птицы выступает журавль. Солдат Иван рассказывает внуку о том, что у предков коми священной птицей был журавль, на него никогда не охотились, в него никто не смел стрелять.

Необходимо отметить, что интересы Г.Юшкова охватывают не только современность, но и историю взаимоотношений человека и окружающей среды. В романе «Рӧдвуж пас» («Родовой знак», 1988) писатель изображает современную жизнь, но обращает внимание на древние ее формы, иллюстрируя смену эволюционных эпох. Автор вводит в произведение историю о священных деревьях, о чуди белоглазой, их идолах, включает имена мифологических героев коми, например, повелителя стужи Войпеля, отражая тем самым историю представлений человека об устройстве земного мира до современной эпохи.

Развивая идеи всеобщей жизни и разумности как основы мира, коми писатели показывают, что разрыв человека с природой приводит к неполноценности бытия, утрате чувства кровного родства всего живого, разъединению и отчуждению людей, в этом авторы видят одну из главных проблем, стоящих перед современной цивилизацией.

Просветительская цель выражается в трагическом пафосе произведений, реализующемся прежде всего в проблеме природа-человек-цивилизация. Как правило, природа и цивилизация изображаются как антагонисты, в трагическом конфликте, причина трагических отношений природы и цивилизационных процессов, по мнению писателей, находится в человеке, в особенностях его сознания – эгоистическом, потребительском. Современные коми прозаики написали произведения – предостережения, т.к. современное направление развития человечества, основанного на утилитарно-потребительском отношении к природе, они понимают как нечто губительное и разрушительное для всех форм жизни на земле. Особым является вопрос антропоморфизации явлений природы в художественном мире произведений. Одухотворение природной материи в коми литературе связано с сохраняющейся в народном сознании анимистической традицией. Сохранению традиции анимистического понимания мира способствовало следующее: традиционное мировоззрение считают мало подверженным изменениям в силу сохранения широкой природной среды на Севере, слабую урбанизацию; анимизм, пантеизм актуализируются в искусстве как средство противодействия развивающемуся экологическому мировому кризису.

Одной из важнейших проблем в коми прозе является вопрос о мифологизации. Главным объектом изображения являются традиционные воззрения коми человека на природу, порожденные прежде всего языческой эпохой. Миф для писателей был не только средством, но и способом философского осмысления жизни. Мифотворчество в произведениях коми авторов представляет собой вид духовного освоения мира с опорой на народное мифопоэтическое творчество, мифология была воспринята многими коми художниками как система универсальных формул, обладающая интеллектуальной ценностью и предоставляющая в художественном изображении мира возможность глубокого логического анализа и обобщения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурленова Л.В.* Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998.

2. *Жаков К.Ф.* Языческое миросозерцание зырян // Этнографическое обозрение. 1903. № 3.

3. *Жаков К.Ф.* Под шум северного ветра // Рассказы, очерки, сказки и предания. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990.

4. *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX–XX в. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

5. *Плесовский Ф.В.* Свадьба народа коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968.

6. *Микушев А.К.* Эпические формы коми фольклора. – Л.: Наука, 1973.

7. *Микушев А.К.* На таежных просторах. – М.: Современник, 1986.
8. *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. – М.: Наука, 1975.
9. *Юшков Г.А.* Ловья лов: повестъяс да вистъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979.
10. *Климов В.В.* Оласо до воласо: Коми-пермяцкие сказки, легенды, сказы, былички и бывальщины на коми языке. – Кудымкар.: Коми-пермяцкое кн. изд., 1990.
11. *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002.
12. *Манжигеев И.А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: Опыт атеист. интерпретации. – М.: Наука, 1978.

Olga Ziyavadinova

THE MYTHOLOGICAL FORM OF FEELING OF THE KOMI NATURE IN G.A. YUSHKOV AND I.G. TOROPOV'S WORKS

In the works of G.A. Yushkov and I.G. Toropov it is shown that the gap between man and nature leads to an inferiority of being, the loss of a sense of kinship of all life to the separation and alienation of people. As a rule, nature and civilization is portrayed as antagonists, in the tragic conflict over selfish and consumer relations between man and the environment. Spiritualization nature of matter in the Komi literature related to continuing in the national consciousness animistic traditions.

One of the major problems in the Komi prose is the question of mythologizing. Myth for writers was not only a means, but also a way of philosophical thinking about life. Mythology has been interpreted as a system of universal formulas, which are giving the artistic image of the world to the logical analysis and synthesis.

«Финно-угроведение», 2011, № 1

СООБЩЕНИЯ

Александр Акшиков
Йошкар-Ола

МАРИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Марийская эпиграфика никогда не была предметом исследования ученых. Считается, что у марийцев нет эпиграфических памятников. Некоторое внимание уделялось лишь марийским тисте (тамга, знамя), взятым в основном из письменных источников (1; 2). Надписи же на различных материальных объектах, насколько нам известно, не анализировались. Под материальными объектами мы понимаем, прежде всего, каменные памятники, устанавливаемые марийцами на могилах усопших. По данным наших исследований обработка камня была знакома марийцам с давних пор и, следовательно, можно предположить, что должны существовать весьма древние каменные надгробные памятники (3; 4).

В данном исследовании рассмотрим надгробия и надписи на них марийского языческого кладбища у п. Горняк Сернурского района Республики Марий Эл. Анализируются надгробия из камня, датированные лишь до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., представляющиеся наиболее интересными. Таких памятников нами было обнаружено 59. Текстологическому анализу некоторых из них уделим подробное внимание.

Кладбище находится к востоку от п. Горняк. С юга к кладбищу подступает Памашъяльский овраг.

На этом кладбище хоронили своих умерших жители таких деревень, как Большая Коклала (Кугу Коклала, Кугуял, Нольыкмари), Тумерсола, Пунчерюмал (Пӱнчерйымал), Палашнур (Починга, Онтроп-Починга).

Ориентация и положение надгробий

Все надгробия находятся в вертикальном положении, не считая упавших. Вероятнее всего, они расположены в изголовиях могил. Лицевая сторона памятников ориентирована либо на восток, либо на юго-восток.

Качество обработки надгробий

Осматривая каменные надгробия кладбища, замечаешь одну особенность. Подавляющее большинство памятников обработано и гладко выровнено лишь с

лицевой стороны. Задняя же сторона и боковые грани, как правило, необработаны. Редко у какого памятника все грани гладкие. Есть надгробия, выполненные из необработанного камня, на поверхности которого вытесана лишь небольшая гладкая площадка для нанесения надписи. Все это вызывает удивление, т.к. известно, что жители окрестных деревень умели работать с камнем и производили надгробия разных форм для продажи. Возможно, дело здесь в бедности каменотесов. Не каждая семья могла позволить поставить своему усопшему родственнику дорогой памятник на могилу. Для поддержания скромного семейного достатка каменотесы товарные надгробия продавали. А в качестве надгробия для усопшего использовались необработанные камни, или отходы, оставшиеся от изготовления изделий из камня: осколки, забракованные надгробия, отпилы, остававшиеся при распилке камня на заготовки.

Формы надгробий

Неровность граней, ребер и вершин надгробия в некоторых случаях затрудняют отнесение памятника к тому или иному типу. В этом случае мы относим такой памятник к тому или иному типу по визуальному сходству с какой-либо геометрической формой. Таким образом, наша классификация в ряде случаев носит условный характер. Находящиеся на кладбище надгробия по форме можно разделить на следующие типы:

1. В виде параллелепипеда (рис. 1).
2. В виде прямоугольной плиты (рис. 2).
3. В виде домика (рис. 3).
4. В виде плиты, параллелепипеда с закругленным верхом (рис. 4).
5. В виде призмы с треугольными основаниями (рис. 5).
6. В виде обелиска (рис. 6).
7. Простой необработанный (слегка обработанный) камень (рис. 7).
8. В виде плиты, с закругленным верхом, однако, края дуги не сходятся с боковыми гранями плиты, между ними есть «плечи». Такой памятник всего один (рис. 8).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Подсчетом количества надгробий того или иного типа мы специально не занимались, но можно утверждать, что больше всего памятников выполнено в виде параллелепипеда и в виде плиты. Немало надгробий и в виде домика. Надгробий, выполненных с закругленным верхом и в виде обелиска, несколько штук. Памятников в виде призмы с треугольными основаниями нами отмечено всего два. Бесформенных камней, служащих надгробиями, возможно больше, чем было обнаружено нами. Вероятно, большая часть из них со временем закрылась землей.

Пестрота форм памятников кладбища наводит на мысль, что у марийцев, хоронивших здесь своих усопших, не выработался какой-то общий для всех тип надгробия. Впрочем, значительное распространение на кладбище надгробий в форме домика позволяет сделать и другие выводы. Возможно, здесь наблюдается складывание определенной традиции, а, возможно, ее затухание.

Эти надгробия, по нашему мнению, представляют наибольший интерес. То, что силуэты надгробий изображают именно дома, подтверждают рисунки, изображенные на памятниках иных форм (рис. 9). Наиболее натуралистично дом в форме избы представлен на рисунке надгробия 1875 г. (рис. 10). Здесь изображены даже два окна. Именно с таким количеством окон были избы у большинства марийских крестьян вышеназванных деревень. Изображение домика в виде

Рис. 9

Рис. 10

надгробия и рисунков на памятниках, несомненно, имеет сакральный смысл и, возможно, символизирует собой в узком смысле – загробный дом, а в широком – загробный мир.

Способ нанесения надписей

Большая часть надписей вырезана на камне. Впрочем, значительно число и таких памятников, на которых надпись просто выцарапана. Причем в ряде случаев так слабо, что прочитать написанное невозможно.

Надписи, их язык и типологизация

Надписи на надгробиях дореволюционного периода сделаны на русском языке. Лишь с начала 20-х годов XX в. появляются надписи на марийском языке.

Лицевая сторона надгробий, имеющих тексты, занимающие от двух до нескольких строк, обычно разлинована. Линии, как правило, процарапаны. По ним пишется текст.

Рассмотрение надписей на надгробиях позволяет типологизировать их по наличию одного или двух, или нескольких следующих элементов: тисте (родовой знак), год и дата смерти, год и дата рождения, имя (фамилия, отчество) усопшего, возраст усопшего, наименование деревни, в которой жил усопший. Исходя из этого, мы выделили следующие типы надписей:

1. Тисте.
2. Год смерти.
3. Год и дата смерти.
4. Год смерти, год рождения, имя усопшего.
5. Год смерти, возраст усопшего.
6. Год и дата смерти, имя усопшего.
7. Год и дата смерти, возраст усопшего, имя усопшего.
8. Год и дата смерти, имя усопшего, название деревни.
9. Год и дата смерти, год и дата рождения, имя усопшего, название деревни.

Увеличение элементов надписи хорошо просматривается во времени. Наиболее ранние датированные памятники имеют 2-й тип надписи. Самые старые из них датированы 1872 г. Только в начале XX в. появляются надписи 9-го типа. Отметим также, что тисте может встречаться и в других типах надписей. Наиболее часто во 2-м и 3-м.

Далее мы рассмотрим примеры надписей разных типов. Надписи 9-го типа встречаются довольно редко. Приведем для примера следующую надпись, процарапанную на памятнике в виде параллелепипеда с закругленным верхом. Надгробие изготовлено качественно, поверхность очень гладкая. Надпись гласит: «1903 г [...] / кончился / Яковъ Якимовъ / [...] 1832 г. янв. 31 д. / Тумерсола». Косыми чертами здесь и далее будут разделяться строки надписи, а квадратными скобками, с заключенным в них знаком многоточия, фрагменты текста, которые не удалось прочесть.

Теперь приведем надпись 8-го типа. Она выполнена на одной из сторон памятника-обелиска. Вырезано следующее: «1911 года / 4 января / Покоронил /Осипъ Ор[..]а / Почнка Ан». Возможно, имя после Осипа следует читать как Ороча. Под «Почнка Ан» имеется в виду название деревни – «Починок Антроп», т.е. Палашнур.

Обратимся к надписи 7-го типа, вырезанной на надгробии в форме домика, находящемся на Больше-Коклалинской стороне кладбища. Надпись гласит: «1915 год. 26 маи / он прожил 53 г / умер Ивачи Изибаев».

Надпись 6-го типа можно прочесть на надгробии, находящемся в Больше-Коклалинской части кладбища (рис. 7). Написано: «1914 / 17 июнъ / пом / Кугу / Юдръ». Здесь «пом» является сокращением слова «померла». Любопытно в этой надписи то, как марийцы приспосабливали буквы русского алфавита для передачи звуков марийской речи (сравните: Кугӱдыр (современное написание) и Кугу Юдръ). Приведем еще один пример использования букв русского алфавита для передачи звуков марийского языка. Это прямоугольная плита с надписью 8-го типа. На ней написано следующее: «1895. года. / аюль. 25. Яку. / дер. Пинжер / юма». Сравните с современным написанием названия деревни – Пӱнчерйымал.

Памятник с надписью 5-го типа на рис. 9. В домике написан год смерти ребенка. О том, что это ребенок становится ясно из возраста усопшего, начертанного под домиком – «7. г.», т.е. – 7 годов (в смысле – лет). Любопытно написание года кончины – «18900 г». Очевидно, что автор надписи буквально воспринял название числительного – «девяносто». Вероятно, он рассуждал так: раз «сто», следовательно, нужно поставить после 9 два ноля.

Надпись 4-го типа можно увидеть на памятнике в форме параллелепипеда с отколотой вершиной в левой верхней части, если смотреть с лицевой стороны. Надгробие находится в Больше-Коклалинской части кладбища. Написано: «1883 / года / 1812 / Пиканаи».

Надписи 3-го, 2-го и 1-го типов очевидны. Отметим лишь некоторые их особенности. Все они касаются Больше-Коклалинских памятников. Так, почти на всех из них, датированных 70-ми годами XIX в., год смерти (надпись 2-го типа) заключен в рамку. На памятниках, датированных другими годами, такого обрамления не наблюдается.

Загадочным представляется надпись и оформление памятника, изображенного на рисунке 1. Прорисовка лицевой стороны памятника показана на рисунке 11. Несомненно, что «1872» – это год кончины усопшего. «42» – это, вероятно, возраст

усопшего. Что же означают цифры в следующей строке и знаки, следующие один под другим, – непонятно.

Не менее загадочны изображения на следующих двух памятниках. Один из них представлен на рис. 5. В рисунок вписана дата «1888 ггода». Два «г» в слове, вероятно, объясняются тем, что автор надписи вначале написал «год» сокращенно, затем, по какой-то причине, слово было написано полностью. Значение рисунка непонятно. Непонятно и то, что на нем изображено. Такое же изображение, как на рис. 12 есть еще на одном памятнике в форме параллелепипеда.

Рис. 11

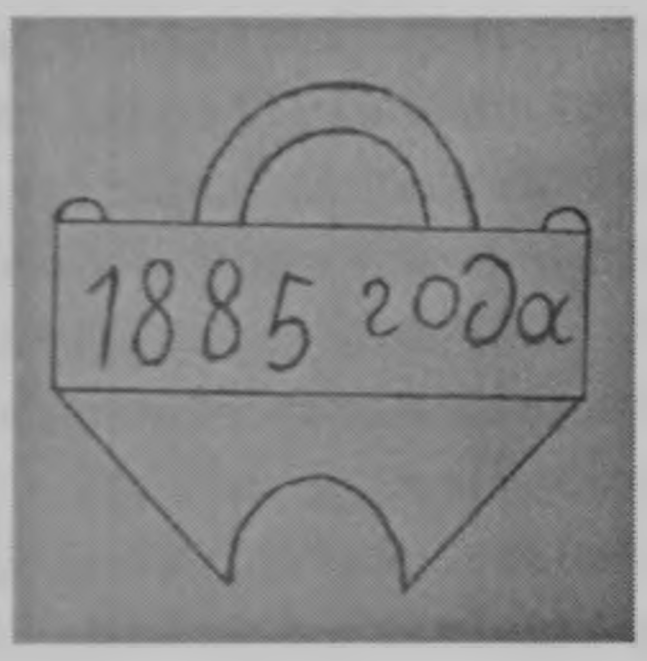

Рис. 12

Рис. 13

Интересным представляется памятник, изображенный на рисунке 3. Знаки, вписанные в домик, какое-то время воспринимались нами как особенный тисте. Фотография памятника была показана исследователю татарской эпиграфики из Башкирии В.Р. Ахметову. Ему было достаточно беглого взгляда на нее, чтобы прочитать в «тисте» число – 1898. Оказывается, дата смерти усопшего была написана арабскими цифрами, которыми до сих пор пользуются арабы и которыми до начала XX в. широко пользовались татары. Таким образом, дата в узнаваемом начертании должна выглядеть так – ١٨٩٨.

Как арабские цифры, по нашему мнению, можно объяснить знаки на памятнике, изображенном на рис. 13. Прорисовка знаков в строке «а» рисунка 14. Возможно, это год смерти усопшего. Мы полагаем, что при написании числа на надгробии были допущены неточности. Если два последних знака можно трактовать как арабское число ٦٦ .

Рис. 14

Рис. 15

(66), то два первых знака вызывают некоторое недоумение. В строке «б» рисунка 14 мы предлагаем восстановление правильного начертания даты арабскими цифрами. Штрихами показаны недостающие элементы надписи. Таким образом, число, написанное арабскими цифрами, будет выглядеть так – ١٨٦٦ (1866). Если наша версия верна, то тогда это самое старое датированное надгробие на кладбище.

Перейдем к рассмотрению надписей на марийском языке, наиболее ранние из которых датированы 1929 г. В надписях этого года слово «год» еще пишется на русском языке. Так, на памятнике Больше-Коклалинской части кладбища, изображенном на рис. 2, надпись гласит: «1929 год 28 маи / колен Кугуиал / Петшан Миклай». Перевод: «1929 года 28 мая умер [житель] Кугуял Миклай сын Петшана». На другом надгробии (рис. 4) этой же части кладбища написано: «1929 г. / Кугу Нолыкма / ри Шумат / Васлй шоч- / ын 1906 йу- / лы 17 капш / восын / шӱвыр- / сы». Перевод: «[В] 1929 г. [жителя] Кугу Нольыкмари Василия сына Шумата, родившегося 17 июля 1906 г., положено тело волынщика». Характерные особенности надписи: 1) указание занятия усопшего – он волынщик (музыкант, играющий на волынке); 2) написание буквы «Ш» как буквы «Т»; 3) наличие знаков переноса. На кладбище находится еще один любопытный памятник с надписью на марийском языке. Надгробие в форме плиты. Надпись гласит: «1933 ишт 19 ию- / лшты колэн / шочын 1912 ишты / Токпарс Ив- / ан Кугуюмы / простителы Ив- / анын сул- / ыкшым». Перевод: «1933 года 19 июля умер, родился в 1912 году Иван сын Токпарса, Великий Юмо, прости грехи Ивана». В надписи слово «год» написано на марийском языке. Орфография надписи наиболее близка к современной.

Марийские имена на памятниках

В надписях на надгробиях нами были зафиксированы следующие имена: Аксивай, Васли, Елканаи, Ивачи, Кугӱдыр, Миклай, Опи, Пактей, Петшан. Пиканаи, Салима, Салтана, Токпарс, Шумат, Яку.

Тисте

На памятниках мы зафиксировали тисте, изображенные на рис. 15. В строках а и б отображены тисте, встречающиеся в Больше-Коклалинской части кладбища. В строке в – тисте Нурсолинской стороны кладбища и в ряде г – тисте на одном из надгробий Палашнурской части кладбища (рис. 10).

Таким образом, ознакомившись с надписями и проанализировав их на памятниках марийского языческого кладбища у п. Горняк, можно утверждать, что у марийского народа есть эпиграфическое наследие, дающее яркое представление о культуре этноса. Дальнейшее выявление марийских эпиграфических памятников, без сомнения, только упрочит в этой мысли исследователей. Нахождение надписей, выполненных арабскими цифрами, позволяет предположить, что, возможно, существуют примеры использования марийцами букв арабского алфавита для передачи марийской речи. Исследования в этом направлении следует продолжить, в случае успешных поисков, нужно будет пересмотреть представления об истории возникновения и развития у марийцев письменности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Айплатов Г.Н.* Марийские «знамена» XVII века как историко-этнографический источник // Советская этнография, 1966, № 4.

2. *Никитин В.В.* Марий тамга мом ушештара? // Ончыко, 1991, № 3.

3 *Акшиков А.Г.* Месторождение «Нолькинский камень» и промыслы, связанные с ним // Вопросы этносоциальной истории марийского народа. Сб. статей / АЭМК. Вып. 28. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005.

4. *Акшиков А.Г.* Нолькин камень // Марий Сандалык – Марийский Мир, 2010, № 4.

Alexander Akshikov

MARI EPIGRAPHY: RESEARCH EXPERIENCE

Mari epigraphy has never been the subject of research. The article deals with tombstones, made of stone, and inscriptions on them Mari pagan cemetery in Gornyak of Semur region of the Republic of Mari El. Analyzed the inscriptions on the tombstones dating from before World War II 1941–1945 years as the most interesting. The orientation and position of the gravestones, the quality of their treatment and their form, method of application of inscriptions on stone inscriptions on the tombstones, their language and typology were considered. Mari lists the names appearing on the monuments, as well as the types of sign.

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИГУМЕНА АНАСТАСИЯ (А.И. КИДАЛАШЕВА)*

Жизнь и деятельность выпускников Казанской инородческой учительской семинарии является одной из интересных и малоисследованных страниц истории марийского края. Выпускниками этой школы являются известные люди марийского края: Т.Ефремов – автор первого марийского гимна, В.Мухин-Сави – первый директор МарНИИЯЛИ, А.Эшкинин, С.Чавайн – автор первого марийского стихотворения, П.Эмяш, И. Митюк, С.Гаврилов, А.Баронов, Тыныш Осып, Г.Леонтьев и другие. Как отмечает П.А. Апакаев, за период функционирования Казанской учительской семинарии (1872–1919) было подготовлено 1500 учителей из представителей 18 национальностей, в том числе 128 – из марийцев (1, с. 29).

Одним из выпускников этой школы был игумен Анастасий (в миру Александр Иванович Кидалашев), настоятель Камско-Березовского монастыря Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Краснокамский район Республики Башкортостан), уроженец д. Тыгыде Морко Казанской губернии (ныне Моркинский район Республики Марий Эл). Родился он в 1866 году в крестьянской семье (2, с. 275), в 1881–1885 гг. он учился в Учительской семинарии, после окончания которой работал в школах Цибикнура, Кожла-Солы, Уньжи (1896–1900).

В письме Н.И. Ильминскому от 25 декабря из с. Цибикнур Царевококшайского уезда Казанской губернии (ныне Медведевский район РМЭ) А.Кидалашев с признанием пишет: «Благодарю я от всей души семинарию, Вами управляемую, за то, что она дала мне некоторую педагогическую подготовку, сделала меня человеком хоть мало-мальски сведущим по части веры Хр(истовой) и прав(ославного) богослужебного устава, которые с любовью изучат в церкви на воле будучи церковным сторожем и полстаростой, переделала меня из полуязычника христианином хоть с наружной стороны. Занятие в веч(ернем) училище идет по моему мнению плохо, но ревизирующие начальники всегда оставались довольны, из которых духовные желают видеть меня диаконом, но я на это никогда не соглашусь по немощам души и тела. Учеников в уч(илище) по журналу 40 человек, занимаюсь с ними я с таким приятным наслаждением, что когда после класса ученики уходят домой, я чувствую скуку» (3, л. 11).

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 11-14-12001 а/В.

1 августа 1890 года Александр Кидалашев был рукоположен в сан диакона, о чем он с большой любовью и благодарностью сообщил в письме Н.И. Ильминскому: «Священно-обязательным долгом почитаю выразить мою глубочайшую благодарность за Ваши чрезмерные труды по хлопотам к получению мне диаконского сана, в каковый сан я грешный удостоился быть посвященным 1-го августа Его Высокопреосвященством в кафедральном соборе, для достижения сего мною сана Вы столько приняли на себя трудов и забот и столько оказали по этому делу благодеяний, что я при бедности слога в языке не имею возможности все выразить, а потому чувствительно благодарным останусь только в сердце и в мыслях дать обещаясь твердо нерушимое слово – молиться за Ваше драгоценное здравие во всякое время и во всяком месте» (3, л. 7).

В 90-х годах XIX века А. Кидалашев был рукоположен во священника. 10 октября 1900 г., согласно прошению, он был уволен из Уньжи для поступления в Уфимскую епархию (4, с. 909). Исследователи инородческого дела отмечают, что «лучшие годы для Унженской школы были те времена, когда ею заведовал священник А.К.(Кидалашев)… Как человек бескорыстный, смиренный, отдающий делу все свои силы и скудныя свои средства, А.К.(Кидалашев) резко отличался от обычного типа служителей алтаря…» (5, с. 32, 33).

Один из периодов его жизни был связан с Камско-Березовским монастырем. Монастырь этот находился в Бирском уезде Уфимской губернии (ныне Краснокамский район Республики Башкортостан) на левом берегу живописной реки Камы недалеко от города Сарапула. С западной стороны протекает речка Березовка, впадающая в Каму. Отсюда и географическое название монастыря Камско-Березовский. Святейший Синод от 18 февраля 1901 года вынес решение о преобразовании мужской общины при Богородицкой церкви в монастырь с наименованием Богородицкий (6, с. 4–8). В 1901 г. Александр был пострижен в монахи с именем Анастасий и определен в этот монастырь настоятелем.

2 октября 1901 г. игуменом Анастасием была открыта при монастыре двухклассная черемисская школа, где настоятель преподавал ежедневно. Ее целью была подготовка «учителей для открывающихся по деревням школ грамоты». Просветительская деятельность монастыря опиралась на преподавание и богослужение на черемисском языке. Ежегодно на средства монастыря обучалось около 50–60 детей народа мари, несколько представителей татар и удмуртов и 20 человек русских (6, с. 13, 17).

Пять начальных школ отец Анастасий основал в черемисских деревнях (7, л. 4). Он сам находил учителей для этих школ, посещал их и руководил ими, кроме того, обходил черемисские деревни, убеждал своих сородичей отдавать детей в школы. К настоятелю монастыря марийцы сначала отнеслись с недоверием, но его отношение к ним победило все их предубеждения. Каким пастырем, человеком и учителем был игумен Анастасий, говорит священник Иаков Шестаков: «Для него нет отдельных личностей, на стороне которых были бы его симпатии и антипатии: он уважает или порицает в человеке исключительно его поступки, а не личность

или сословие, к которому принадлежит порицаемый. Если иногда в речах его и сквозит порицание, то это допускается не ради краснаго словца, а скорее в назидание самому себе, что так делать не следует. Тон его речей отличается объективным спокойствием и остается таким и тогда, когда Анастасию приходится касаться случаев или фактов проявления черной неблагодарности со стороны некоторых лиц. Натура посредственная, плохо воспитанная, разразилась бы в этом случае проклятиями, а он остается спокоен и утешается только тем, что нельзя на свете прожить без какого-нибудь несчастия, потому что "жизнь дарована нам, как милость и как должность. Счастье есть милость, а терпение несчастий – должность. Получив милость, мы не имеем права отказываться от должности"» (6, с. 14–15).

Пророческими оказались слова священника Иакова Шестакова. Действительно непросто было руководить школами среди населения, не знавшего грамоты. Уфимский епископ Антоний в донесении обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву отметил, что игумен Анастасий все свое жалование отдает для просвещения черемисских детей и буквально не щадит себя в миссионерских и аскетических подвигах (7, л. 2).

В рапорте епископу Уфимскому и Мензелинскому Антонию от Уфимского епархиального наблюдателя священника Александра Холмогорова обозначено, что о.игумен Анастасий задался целью просветить окружающих Камско-Березовский монастырь черемис. Поэтому его деятельность направлена на устроение при монастыре двухклассной черемисской школы и открытие в черемисских деревнях начальных школ. При монастыре школа состояла из трех отделений первого класса и одного – учащихся второго класса. Всего учащихся было 51 человек, в том числе 11 русской национальности и 40 представителей народа мари. Учителем первого класса был Николай Яковлев из Уньжинской центральной черемисской школы Братства святителя Гурия, второго класса – Николай Кальбердин, окончивший курс Учительской семинарии (7, л. 3 об.).

Особые успехи школы были по пению. Дети пели стройно и уверенно, весьма удовлетворительно исполняли четырехголосное пение. Помещением школы служил странноприимный дом. Дети спали в монастырском корпусе, где и сам игумен спал с ними в одной комнате на убогой постели.

В 1910 году Камско-Березовский монастырь посетила великая княгиня Елизавета Федоровна Романова (в 1992 году княгиня прославлена Русской Православной Церковью как преподобномученица). Княгиня Елизавета прибыла на корабле. При встрече игумен монастыря отец Анастасий на марийском языке сказал следующее: «*Кугу княгиня! Елизавета Феодоровна! Святой Николай Ачана ышке чудам, ыштышы икон дэнжы кум шяды и кӱшыл Юмын куат дэны шэм калыклан полшэн шога. Тыш толмэт, Кугу княгиня, Йумын сабырмы почэш лин, св. Николай Ачана полшымы дэны. Св. Николай Ачана тыйым мэмнан дэкы ӱжын кондыш, Кугу Йумын пашам ышташ, мэмнам пычкэмыш шамычым волгалтараш. Пэш кугун куанэн тыйым ваш лимэкы, мэ Йумылан кумалына. Йумын куатшы, Йумын Абажын аралмыжы тыйын вуйыштэт ӱмыр-ӱмыр*

мучкак лижы» (8, с. 20). («Ваше Императорское Высочество! Благоверная Княгиня! Святитель Христов Николай чрез чудотворный образ свой вот уже более трехсот лет дивными явлениями милости небесной неусыпно покровительствует земле сей и народу, живущему на ней. Твое, благоверная княгиня, прибытие к нам – новая и великая милость Божия по предстательству Святителя Николая. Ныне Сам Святитель Николай зовет Тебя, – зовет на великое дело спасения седящих во тьме и сени смертней. Радостно приветствуя Тебя с благополучным прибытием, вместе с сонмом священнослужителей, моих соработников на ниве духовной, усердно молю Господа Бога, дабы благословение небесное и покров Заступницы рода христианскаго почили на Тебе до века и сохранил бы Тебя на всех путях Твоей жизни» (9, с. 17).

По пути в монастырь посетили часовню, где отслужили молебен на марийском языке. По дороге пели молитвы на русском, марийском, чувашском, татарском языках. Княгиня выразила свое почтение, отметила, что ей понравилось пение на разных языках, расспросила о жизни и быте народов, которые населяют территорию вокруг Камско-Березовского монастыря (8, с. 20).

Как более 140 лет назад встречали Екатерину Вторую в Казани, так и здесь ученики говорили приветственные речи Е. Романовой на национальных языках. Это, конечно же, была заслуга игумена Анастасия: «*Кугу княгиня, Елизавета Феодровна! Пеш кугун куанэн йыбыртэн улна мэ, ученик-шамыч, тыйын мэмнан дэкы толмэтлан. Чыла ужмынам, чыла колмынам тыйын толмэтым ольэна шкэнан ачаланна, абаланна, родыланна и чыла кугыжа пагалышы калыкшамычлан*» (8, с. 21). («Ваше Императорское Величество! Глубоко тронуты мы, дети, вашим посещением. О всем виденном и слышанном во время Вашего пребывания у нас будем говорить своим родителям и всем верноподанным нашего Монарха» (9, с. 56).

Монастырь нуждался в финансовой поддержке, из-за этого были трудности с просвещением: не хватало средств на содержание учеников, на наем достаточного количества учителей. Но несмотря на такое положение дел, туда стекалось немало богомольцев, они могли наслаждаться уставным богослужением, совершаемым нередко на черемисском языке. Это была заслуга настоятеля о.Анастасия, который отличался трудолюбием и в утешении братии и богомольцам часто говорил:

Слава святому труду.
Труд к свету и правде ведет
В мире и дружбе с трудом радость
Найдешь. Сильного труд окрыляет,
Слабого дух поднимает, бодрит.
Слава святому труду.
Мир вам, в терпении трудящиеся
Мир вам и радость, трудолюбцы земли.
Слава святому труду (6, с. 15).

По Указу Синода 28 мая 1912 года монастырь был преобразован в женский, состав монастыря был переведен в различные монастыри Уфимской губернии.

Игумена Анастасия направили в Одигитревский монастырь Белебеевского уезда (10). К сожалению, неизвестно, как сложилась дальнейшая судьба о.Анастасия, внесшего немалый вклад в просвещение родного народа.

В Национальном архиве Республики Татарстан хранится несколько его писем к Николаю Ивановичу Ильминскому, представляющих интерес для изучения истории просвещения в Марийском крае. Судя по письмам, А.Кидалашев живо интересовался вопросами духовной жизни как священства, так и мирян, советовался в принятии важных решений, просил помощи.

Ниже приведены два письма Александра Ивановича Кидалашева, адресованные Н.И. Ильминскому в Казань.

Ваше Превосходительство
Милостивый Отец!

Изъявляя свое согласие, я спешу представить Вашему превосходительству мое прошение на имя Владыки, которое и прошу должным порядком по снабжении его от присылаемых мною при сем 3 рублей марки представить на усмотрение Его Высокопреосвященства. Податель сей, наверное, проживет в Казани сутки целыя или больше, также благоугодно ли будет Вам с ним послать мне весточку о результате сего дела, после доклада с сим прошением Владыки? Сие говорю я потому, что думаю о предстоящем мне трудном экзамене, а главнее всего на приискании новости: если бы мне сие дело не увенчалось успехом – сделаться мне диаконом, то я никогда не думал жениться, надеясь остатки дней посвятить монастырскому житию, но если же разыграется дело в мою, собственно в Вашу пользу, то я должен поспешить приискиванием себе невесты, которая хотя и не примете, но в виду усложнения дела сего, я опасаюсь вступить в брак. Жениться скоро можно, но прежде желал бы заручиться благополучным исходом дела – сдать экзамен! Итак, я прошу Вашего <...> Совета: <...> мне о приезда моего в Казань или же подождать сдачи экзамена. Также прошу уведомить меня, когда мне приехать в Казань на сие мытарство, когда благоугодно будет Владыке допустить меня на экзамен или же вовсе не допустит? Но знаю я, что без экзамена пути не будет? Главнее всего препятствие со стороны зачисления моего в запас армии. Не знаю, как поможет Господь отвернуться: положим, меня могут освидетельствовать, так как я в груди слаб, часто со мною бывает лихоманка, головокружение при усиленном занятии с детьми, глаза также не совсем нормально здоровые, но все-таки надежда на эти все не могут не обеспечиваться.

Ваш питомец А. Кидалашев. Село Цибикнуры 17-го декабря. Ответ можете прислать с Белогусьевым Егором, который в то время приедет за своим братом в Семинарию (3, л. 12–13).

«Ваше Превосходительство, Наидобрейший мой Благодетель
и Дражайший Папаша, во веки живите!

Священно-обязательным долгом почитаю выразить мою глубочайшую

благодарность за Ваши чрезмерные труды по хлопотам к получению мне диаконского сана, в каковый сан я грешный удостоился быть посвященным 1-го августа Его Высокопреосвященством в кафедральном соборе, для достижения сего мною сана Вы столько приняли на себя трудов и забот и столько оказали по этому делу благодеяний, что я при бедности слога в языке не имею возможности все выразить, а потому чувствительно благодарным останусь только в сердце и в мыслях дать обещаясь твердо нерушимое слово – молиться за Ваше драгоценное здравие во всякое время и во всяком месте.

Я Вас в квартире в силу необходимости идти на исповедь оставил без внимания в семействе тестя о.Суворова, то есть я со своей стороны не мог предложить Вам соответствующаго гостю угощения, почета, как принято в гостях, за что прошу у Вас чистосердечнаго извинения. Со своей стороны Суворовы как Вас приняли, мне неизвестно, но только то известно, что они Вами за Ваши умные беседы остались очень довольны и благодарны. Много вы сделали благодеяний мне и стыдно мне опять безпокоить Вас просьбами, но, закрывая свое лицо и зажмурив глаза, осмеливаюсь еще Вас тревожить просьбою, именно я прошу сделать лишь еще одну Божескую милость – принять моего ученика Цибикнурскаго училища Ивана Андреева Докукина. Я о нем Вам докладывал, что у него года на полгода старше, чем требуется нормальной семинарской программой, но Вы обещались принять его, требуя только, чтобы я о нем написал аттестат, каковый сейчас я и представляю. Наидобрейший мой благодетель! Вы всегда меня любили, уважали, считали за порядочного, хотя не по заслугам моим, человека, так сделайте еще одну милость, примите моего ученика, если он по успехам на экзамене окажется достойным, чтобы тем сделать и увековечить в будущую добрую память мне и Вам, как о благодарном человеке. Я 3-го августа был у инспектора народных училищ Люстрицкаго, с которым завел разговор относительно церковно-приходской школы в Кожла-Сола, где занимается псаломщик того села Г. Запольский, признаться сказать я просил в преподаватели в сию школу, но Г. Инспектор посоветовал обратиться ко Его Высокопреосвященству, а также <...> предложил мне лучше проситься в земское училище в Лужмары, чтобы проживать там, побудить отстоящий от села в 3-х верстах, или в крайнем случае похлопотать об определении в сие Лужмарское земское училище свою супругу Елизавету Ивановну относительно же утверждения от меня в законоучительстве земское училище он положительно высказался, что за старо<...> законную теперешняго священника Земляницкаго меня и чуть назначить законоучителем. Как, папаша, посоветуете, хлопотать ли об определении меня учителем Кожла-Солинской церковно-приходской школы, или в земское Лужмарское, отстоящей в 3-х верстах училище, или же хлопотать об назначении моей жены учительницей в сие же земское училище? Об этом если можно, я бы лично Вас побезпокоил и поговорить, как надлежит поступить!

Ваш Воспит. и сын по браку А. Кидалашев.

3-го августа 1890 г.

Мальчик сей Докукин представительно способный человек. Орфография и камеография лучше и желать не надо» (3, л. 7–8).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Апакаев П.А.* Образование и просветительское движение в Марийском крае (историко-педагогические очерки). – Йошкар-Ола, 2002.

2. *Васина С.М.* Состав приходских священников Царевококшайского уезда в XIX – начале XX века // Марийский археографический вестник, 2009, № 19.

3. НАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 120.

4. Известия по Казанской епархии. – 1900, № 21.

5. *Чичерина С.* У приволжских инородцев: Путевые заметки. – СПб., 1905.

6. *Шестаков И.* История Камско-Березовскаго Богородицкаго миссонерскаго мужскаго общежительнаго монастыря Уфимской епархии. – СПб, 1906.

7. РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Ед.хр. 170.

8. Кугы княгиня Елизавета Федоровнан Николо-Березовка мари монастырыш Йумы кумалаш толмыжы // Марла календарь 1911 ийлан. – Казань, 1911.

9. *Покровский С.* Под молитвенным покровом Святителя Николая. Великая Княгиня Елизавета Федоровна у черемис-язычников. – М., 1912.

10. http://ufagen.ru/node/28591

Nadezhda Fedoseeva

ABOUT EDUCATIONAL ACTIVITY OF ABBOT ANASTAS (A.I. KIDALASHEV)

The publication is reported the educational activities of Abbot Anastasiy (Alexander Ivanovich Kidalashev) the prior of the Kama-Berezovskiy monastery of the Ufa province (nowadays Republic Bashkortostan). He is from the village Tygyde Morko (now Morki region of Mari El), he is a graduate of the Kazan teachers' seminary for non-Russian people. From the earliest days of service in the monastery abbot Anastasiy opened Cheremis two-year school at the monastery where he taught prior day. Its purpose was to prepare teachers for the opening of the village a school diplomas. Educational activities of the monastery built on the teaching and worship at cheremis language.

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Надежда Казакова
Козьмодемьянск

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ГОРНЫХ МАРИ КАК СРЕДСТВО ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Народная педагогика как духовное сокровище народа включает в себя эмпирические знания, сведения, идеалы, идеи, взгляды, представления, установки воспитательных действий, которые выступают как единство педагогической мудрости и педагогической деятельности народа (1, с. 249).

Народной педагогике присуще воспитание делом, поэтому лучшими воспитателями обычно оказывались люди, наиболее способные к какому-то конкретному виду деятельности: мастера-ремесленники, певцы, сказочники и др. (2, с. 96).

В передаваемых из поколения в поколение поговорках, пословицах, сказках, легендах, песнях, народном прикладном искусстве нашло свое отражение богатство культуры народа, проверенное веками в опыте социализации личности.

Создание подлинно национальной школы – русской, украинской, татарской, якутской, чукотской, любой другой, возможно только на этнопедагогической основе. Народная система воспитания представляет собой основу всякой культуры. Никакое национальное возрождение, воссоздание прогрессивных народных традиций невозможно без приведения в действие исконных традиций воспитания. Этнопедагог Г.Н. Волков определяет воспитательный смысл школы во взаимодействии с историко-культурной практикой народа: память – традиции – культура – воспитание – духовность – личность. Среди факторов народной педагогики природа, религия, слово, идеал, традиции, пример, дело, общение, быт, игра находятся во взаимосвязи, ученый выделяет народное искусство как уникальное средство воспитания. Человечество не может сделать шаг вперед, не оглядываясь назад и не переоценивая заново все духовные ценности далеких и близких поколений. Чем больше сохранившихся и широко бытующих древних традиций, чем внимательнее к ним народ, тем выше его культура (3, с. 5).

Народная одежда модернизировалась, трансформировалась на протяжении веков, сохраняя или утрачивая те или иные черты. Создание костюма было своеобразным самовыражением в творчестве.

Специфика традиционного горномарийского костюма, его анализ позволили рассмотреть костюм горных мари в единстве с историей, культурой, бытовым

укладом, природой, социальной средой его создателей. Они дали возможность определить место и роль костюма в этноэстетическом воспитании подрастающего поколения. В качестве этнопедагогического феномена он имеет воспитательный и обучающий потенциал: воспитывает терпение, творческое отношение к труду, воображение, чувство красоты, развитие мелкой моторики, открывает новые возможности для реализации творчества подрастающего поколения. Традиционный костюм как вид народного декоративно-прикладного искусства и как часть предметно-вещевой среды является важным средством этноэстетического воспитания подрастающего поколения, так как в нем определены представления ряда поколений о эстетике, нравственности, удобстве.

С раннего детства и на протяжении всей жизни человек подвергается воздействию традиций. На основе национальных, художественных традиций и обычаев происходит формирование личностных качеств ребенка с раннего возраста. В своем развитии ребенок, усваивая традиции, не только включается в систему общественных отношений, но и формируется как личность: происходит процесс его социализации. Усвоение традиций носит мировоззренческий характер, через них формируются потребности, нравственные идеалы, ценности человека.

Горномарийский костюм был связан с природно-климатическими условиями и изготовлялся из местных материалов (конопля, лен, овечья шерсть, кожа, лыко и др.).

Народный костюм складывался в течение длительного периода времени под влиянием традиций, поэтому в нем нет ни одной лишней детали, каждый его компонент несет смысловое значение, проверенное на протяжении многовековой истории этноса. В народном горномарийском костюме, как в фокусе, сосредоточены социальные, нравственные, религиозные представления, этнические идеалы, для выражения которых использованы художественные средства. Это композиция, цвет и орнамент, ритмическая система построения, объёмно-пластические формы, реализованные в крое.

В традиционном горномарийском костюме сложились свои способы, формы и приемы его изготовления, а также специфические приемы ношения костюма в быту, в обрядовых действах. Традиционно существовали правила ношения костюма. Он должен быть чистым, аккуратно выглаженным. Его надо бережно носить. Все эти правила передавались из поколения в поколение. Девочки помогали своим старшим сестрам надевать костюм, т.к. одной было сложно справиться. Младшие учились аккуратности, бережливости по отношению к костюму. Воспитывал костюм и в социальном аспекте: девушка, надевшая национальный костюм, преображалась, чувствовала себя взрослой, нарядной.

Для традиционной одежды горных марийцев характерен туникообразный покрой. Подобный покрой одежды был рационален и удобен, потому что после кройки не оставалось ни одного лишнего куска ткани (4, с. 17). Костюм декорировался мелкой вышивкой. В характере горномарийской вышивки наиболее яркое отражение нашло художественное видение, создан свой локальный стиль. Орнаментация

вышивки соответствовала покрою костюма, а композиция, цвет, ритм рисунка были связаны с длительным историческим развитием эстетических вкусов горных мари. Горномарийские вышивальщицы создавали на простом холсте произведения искусства.

В костюме отражались духовные ценности.

Суровые условия жизни, трудоемкие процессы по созданию народной одежды, ее декорированию не позволяли затрачивать много времени на обучение детей рукоделию, поэтому обучение и воспитание строилось на конкретных заданиях, примерах, способах. Главная цель родителей – обучить и воспитать детей для дальнейшей самостоятельной жизни. С самых малых лет горные марийцы приучали своих детей к домашнему труду. Это связано не только с требованиями народной педагогики. Народная мудрость ценит гуманное отношение родителей к детям, проявление человечности в их взаимоотношениях. Народный опыт рекомендует начинать воспитывать детей с раннего возраста. До 4-летнего возраста ребенок был полностью предоставлен собственным играм и забавам. И мальчик, и девочка этого возраста воспитывались совершенно одинаково. Даже традиционная одежда не различает их: на обоих одна и та же длинная белая рубашка ниже колен. Играют они вместе, забавы общие.

Последовательность изготовления костюма, трудоемкость позволяли детям не только наблюдать за работой взрослых, но и помогать им. Через игру приучались дети к кропотливой работе. Вырабатывались необходимые жизненные навыки: трудолюбие, терпение, усидчивость, аккуратность, бережливость, целеустремленность, выносливость.

Ткачество имело большое значение в воспитании подрастающего поколения. Детям необходимо было запомнить, какая операция, когда идет, какое приспособление и инструмент используется, как на них работать. Здесь развивались не только трудовые навыки, терпение, внимательность, усидчивость, целеустремленность, но и математические. Процесс изготовления горномарийского костюма основан на синтезе труда и воспитания. Порядок постепенного усложнения работы отражает принцип народной педагогики, лежащий в основе воспитания детей: «от простого к сложному». Постепенно взрослея, дети понимали необходимость повседневного труда и меру ответственности в нем. Детей обучали и воспитывали через игру. Для облегчения труда каждый инструмент надо было технически продумать, учитывая возраст детей. Учили их на собственном примере. Известно, что родительский пример представляет собой реализацию в действиях и поступках, выражающих жизненную позицию личности.

С осени, по окончании сельскохозяйственных работ, и до весны свободное время женщины посвящали прядению, ткачеству, шитью и вышиванию. К рукоделию привлекались и девочки с 8–10 лет. Вышивка костюма относится к одному из самых трудоемких домашних женских занятий. Мастерству вышивки девочку начинали обучать с самых простых элементов орнамента. Умение хорошо вышивать считалось одним из основных качеств, необходимых марийской девушке – невес-

те. Процесс создания костюма позволял детям расти в атмосфере творчества: превращение растения в нить, холст, одежду, которую носили все поколения от рождения до смерти. Последовательность вышивки позволяла проследить, как матери искусно подбирают цветовую гамму для декорирования деталей костюма. Как узнаются полевые цветы на белом холсте, как графично смотрятся наплечные вышивки, как точно передана цветовая гамма радуги на поясах, как аккуратно вышит стежок всего в 1 мм.

Содержание эстетического воспитания включает в себя: а) развитие способности понимания красоты и окружающей действительности, б) выработку эстетического вкуса, в) привитие подрастающему поколению творческих умений и навыков в области прекрасного, г) укрепление единства между эстетическим развитием детей и их нравственным ростом, умственным воспитанием и трудовой подготовкой. Волков Г.Н. пишет: «Дети уже в раннем возрасте способны эстетически воспринимать прекрасное в природе, играх и в народном творчестве. Они проявляют большой интерес ко всему, что привлекает их внимание. Считалки, речитативы, потешки, песни, стихи, сказки, приятные гармонические цветовые сочетания, доставляя детям радость, развивают их способность воспринимать красивое» (1, с. 12).

В орнаментации одежды горных мариек наряду с другими мотивами широко применялся мотив радуги, придававший горномарийскому костюму незабываемый колорит. Это прекрасное атмосферное явление не оставило равнодушным вышивальщиц. Изображение радуги использовалось в декоративном украшении женского головного убора шарпан, нашмак, пояса с кистями (ышты) и наплечников (вочегач). У каждого этноса, как правило, существовали свои эстетические представления о цветовой гамме одежды. Белый цвет – древняя специфическая особенность марийского костюма, поэтому марийцы нередко называли себя чий марий, ший марий, т.е. «серебряный, белый мариец» или «белый человек». Белая холщовая одежда марийцев была чистой, ее тщательно и часто стирали (5, с. 49).

Материалом для вышивки являлся холст, состоящий, как известно, из пересекающихся под прямым углом нитей, которые при следовании их направлению дают возможность воспроизводить геометрические узоры.

Для геометрических узоров вышивки характерен довольно устойчивый набор орнаментальных форм, среди которых основную массу составляют квадраты, четырехугольники, многоугольники, треугольники, ромбы, косой и прямой крест, крест с загнутыми концами, наклонные и зигзагообразные полосы, криволинейные узоры в виде завитков, спиралей. Распространенные орнаменты горномарийской вышивки: геометрический, растительный, зооморфный, реже антропоморфный. Виды двухсторонней вышивки: «роспись», «счетная гладь», «косой стежок». Не всякая вышивальщица могла сразу овладеть трудоемким процессом народной вышивки. Поэтому горномарийская вышивка считалась мерилом мастерства, трудолюбия, терпения девушки, будущей женщины-матери.

Мелкая вышивка на плече (тыгыр кек) выполнялась геометрическим орнаментом. Использовалась чёрная нить. В названиях вышивки часто используются образ ласточки (цыгăк пач, цыгăк пач дон хрестыӹ), жабы или лягушки (жава ял, жава сынзăӹ), орешника, берёзовой рощи вдоль дороги или ручья (когогорны кугилăӹ), церковной ограды (церкыӹ пичыӹ), деревянного гребешка (шерге пӱӹ) и т.д. Птицы в представлении древних марийцев – символ свободы, добра, красоты и счастья. Марийское поверье гласит: «Счастье, благополучие тому дому, где ласточка совьет свое гнездо» (6, с. 181). Природа занимала особое место в жизни марийцев. Вышивка народа мари – это отображение понимания места человека в природе. Природа всегда была важным средством эстетического воспитания детей, и привитие любви к ее красотам было одним из составных элементов приобщения подрастающего поколения к прекрасному. Дети, любопытные от природы, росли в атмосфере семейного творчества, с малых лет наблюдая за вышивкой бабушек, матерей, старших сестер, а затем и подруг, приобщались к трудоемкому процессу создания орнамента на белом холсте. Терпеливо изучая последовательность вышивания, обучались вышивке. Приобретая навыки сложнейшего мастерства, впитывали в себя всю красоту удивительной декоративности линий, орнаментов, цветовой гаммы, сохранившуюся с древности, бережно передаваемую через мастерство рук, песни, сказки, легенды, загадки.

В народной одежде цвет и цветовые сочетания означают проявление национального вкуса, традиций, национальных обычаев и обрядов, возрастных отличий. Часто предпочтение, отдаваемое тем или иным цветам, объясняется наличием сугубо местных материалов, красителей. Предки мари всегда считали себя частью природы, поэтому для них было характерно бережное отношение к природе, соблюдение всех принятых в народе правил, норм нравственности.

С 10–12-летнего возраста одежда мальчиков и девочек начинает заметно отличаться. С этого периода обязательным для девочек становится ношение онучей с лаптями, усложняется орнаментация одежды, появляются украшения в виде ожерелий из бус или бисера. При достижении 15–16 лет к костюму девочек добавляются накостные украшения из бисера и монет, шейные ожерелья, серьги и браслеты. Эти украшения начинали носить постоянно с того момента, когда им уже разрешалось принимать участие в празднике девушек, достигших половой зрелости (4, с. 7). Особенно тщательно следили за своим нарядом девушки-невесты. Умение правильно носить национальную одежду, быть приветливой со старшими, трудолюбивой, доброй, умной, рачительной хозяйкой, было важным мерилом вхождения подрастающего поколения во взрослую жизнь.

Через образцы народного творчества сохраняется мастерство и талант бабушек и дедушек. Семейные реликвии помогают детям окунуться в историю своей семьи, народа, понять уникальность национального горномарийского костюма, его неповторимость и значимость в культуре народа. Память об ушедших поколениях жива не только в сердцах молодого поколения, но и в вышивках, ткачестве, в искусно сплетенных лаптях.

Восхищение красотой окружающего мира выразилось и в народной одежде. Образ костюма ассоциируется с белой березой. В орнаментах используется наряду с геометрическим, растительный и зооморфный мотив. Для холста выращивали лен и коноплю, пряжу окрашивали растительными и минеральными красителями, обувь изготовляли из лыка и кожи, использовали мех, шерсть и шкуры животных для изготовления одежды.

Таким образом, народный костюм горных мари является эффективным средством этноэстетического воспитания подрастающего поколения. Дети по своей природе любознательны, впитывали знания и умения путем подражания взрослым, через ролевую игру. Играя, усваивали сложнейшие приемы изготовления народной одежды, постепенно совершенствуя свое мастерство. Каждый мог выразить себя в творчестве и труде. Дети самообучались, самовоспитывались, самосовершенствовались в своих навыках, стремились постичь трудоемкий и кропотливый процесс создания традиционного горномарийского костюма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанова И.А.* Марий тӱр. – Йошкар-Ола, 2004.

2. *Волков Г.Н.* Трудовые традиции чувашского народа: Этнопедагогический очерк. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970.

3. *Волков Г.Н.* Этнопедагогика. – М.: Издательский центр «Академия», 1999.

4. *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. – Йошкар-Ола, 1990.

5. *Молотова Т.Л.* Традиционная и современная одежда горных марийцев // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. Вып.5. – Йошкар-Ола, 1981.

6. *Чуриков И.А.* Этнопедагогика народа мари. – М.: Трикста, 2005.

Nadezhda Kazakova

NATIONAL SUIT OF THE MOUNTAIN MARI AS A MEANS AS MEANS OF ETHNOAESTHETIC EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION

Throughout his life, a person is exposed to traditions. On the basis of national artistic traditions and customs, traditions, education is the formation of the personal qualities of the child from an early ages. One of the means ethnoaesthetic education in schools can serve folk costume of mountain Maris, embodied in the centuries-old experience of representations of color, a combination of those or other forms of clothing, shoes, headgear. Through samples of folk art in the national costume is preserved and transmitted to the skill and talent of our ancestors. The author reveals the role of the traditional costume in the aesthetic education of schoolchildren.

ПЕРСОНАЛИИ

Владимир Владыкин
Ижевск

РОЖДЁННЫЙ БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ
(к 65-летию Народного художника Удмуртии, заслуженного художника Российской Федерации П.В. Ёлкина)

В одной из живописных удмуртских деревень под Ижевском с символическим названием Шудзя (видимо, от слова «шуд» – «счастье») в обычной крестьянской семье в 1946 г. родился мальчик, которого, вероятно, не случайно нарекли апостольским именем Пётр. Семья Ёлкиных была типичной для того удмуртского деревенского мира (разве что, фамилия была чудесно-новогодней): многодетная, дружная, трудолюбивая. В благодарной памяти Петра навсегда запечатлелся образ матери, женщины строгой и даже суровой, но справедливой. Довольно много картин он посвятил теме матери. В воспитании детей здесь исповедовали традиционную удмуртскую педагогику, основанную на нелегком крестьянском труде, руководствуясь простой, но весьма действенной парадигмой: растут дети – должны расти и их дела. Все дети выросли хорошими людьми, но обычными, как и большинство нас на земле.

А Пётр вырос художником, потому что рожден был стать им. Уже с детства он отличался от своих сверстников. Конечно, был таким же ртутно-подвижным, шустрым шалунишкой (пожалуй, таким же стремительно-динамичным он остался и после). В своей мастерской он как-то умудрился сломать ногу – так порывисто куда-то помчался. Его отличало неуёмное любопытство: что там за деревенской околицей, как работает соседский мотоцикл, который однажды он, еще совсем мальцом, нечаянно ухитрился завести, а потом в панике ретировался через забор. Уже будучи постарше, он на своем велосипеде предпринимал очень непростые для него тогдашнего экспедиции в Ижевск, посмотреть, как там устроена еще неведомая ему городская жизнь.

Многое, если не всё, ему было интересно. Однако с самого раннего детства П.Ёлкина особенно привлекало рисование, завораживало волшебное разноцветье

красок, манила загадочная линия рисунка, вдруг превращавшаяся в изображение. Конечно, вначале он просто старался копировать доступные ему произведения мастеров. Что-то получалось и даже удивительно хорошо, многие поражались его необыкновенным способностям, хвалил его учитель рисования. Но Петя был не совсем удовлетворен, он смутно ощущал, что надо рисовать как-то по-другому, по-настоящему. Он уже начал понимать, что для этого надо специально учиться. И тогда он решился на совсем неординарный поступок: «запряг» свой верный велосипед и покатил в город искать очень важное для себя учреждение. Удивительно, но нашел Министерство образования, сумел уговорить цербера-милиционера пропустить его, попал на прием, может быть, не к самому министру, но все равно к какому-то большому начальнику и выпалил ему свою сокровенную мечту: «Выучите меня на художника». Ему посоветовали вначале окончить школу, а потом поступить в УдГУ на художественно-графический факультет.

Он так и сделал. Чего это ему стоило без специальной подготовки, без художественной школы, без репетиторов, без протеже, самому, с улицы, точнее – из деревни поступить на престижный факультет – знает только он. Учился с упоением. На него обратили внимание преподаватели. Л.С. Христолюбова, которая вела у них философию, запомнила хорошего студента П.Ёлкина. Сам А.П. Холмогоров тогда и потом очень пристально следил за его успехами. Помимо учебы, Пётр всюду успевал: посещал театры, выставки, всевозможные творческие встречи. Познакомился с представителями удмуртской интеллигенции: писателями, артистами. Подружился с В.Кельмаковым, Г.Архиповым. Потом была армия, работа в газете, где он начинал ретушёром. Впрочем, он и здесь работал творчески, даже стал членом Союза журналистов. Его несомненные способности к литературному письму, видимо, оттуда. Кстати, позднее, он заключил полушутливое пари с самим Флором Васильевым, что он обязательно научится профессионально писать. С Петром Васильевичем Ёлкиным (тогда он уже стал узнаваемым в городе художником) мы познакомились, по-моему, на его первой персональной выставке. Запомнилось: молодой, щеголеватый художник, в «ненашенской» модной куртке, клетчатых «американских» брючках, с удивительно выразительными глазами, с шапкой черных кудрявых волос. До сих пор не могу понять, то ли это мадьярский удмурт, то ли удмуртский мадьяр, удивительно похожий на Пушкина и Репина одновременно. Любопытная метаморфоза: П.Ёлкин не только внутренне становился художником, но он и внешне себя формировал – оформлял как художественную личность. Пожалуй, не меньшее впечатление, чем автор, произвели его творения, его пейзажи были несомненно хороши, в них привлекала какая-то удивительно теплая гамма, искренность и сердечность. В книге посетителей я рискнул написать пару строк, а главное – привел несколько ироничную, но очень остроумную притчу о злоключениях художника. Пётр Васильевич чуть даже обиделся, но потом, узнав, что это притча самого Фазиля Искандера, по-моему, меня простил.

С этой, теперь уже, увы, далекой поры мы не теряли друг друга из виду, более того, мы становились ближе и ближе духовно. Нас роднило близкое миропонима-

ние, восприятие событий, происходящих в разных сферах жизни, ну и наконец, видимо, не могло не сказаться общее удмуртское происхождение. Моя матушка, например, всегда очень тепло, по-родственному, принимала П.В. Ёлкина. Кстати, художник на моё 60-летие сделал мне щедрый подарок, он написал посмертный портрет моей мамы. Конечно, мы расходились в некоторых взглядах, оценках эстетического, художественного осмысления действительности. Это и понятно, я, как исследователь, более рационалистичен, он, как художник, воспринимает мир больше через эмоции, чувства. Но как бы яростно порой мы с ним ни спорили, мы сходны в главном: между нами все ясно и, несмотря ни на что «журавли – летят». Я никогда не забуду, как после моей ужасной катастрофы в Подмосковье, в больнице г. Пушкина вдруг появился Пётр. На глазах у него были слезы, а в руках – груша такой величины, что ни до, ни после я такой не видел. Мы эту необыкновенную грушу ели всей палатой…

Мне доставляло огромное удовольствие и радость видеть, как растет, набирает высоты мастерства мой друг-художник. Несмотря на всю свою удмуртскую ментальность (обычно отмечают нашу стеснительность и даже робость), П.В. Ёлкин очень решительный в достижении своих целей, очень контактный, общительный, легко сходится с людьми, и его, по-моему, все любят, ему присуще всепобеждающее обаяние, потрясающая, почти детская искренность и сердечность. У него огромное число знакомых среди людей искусства, политиков, спортсменов, писателей (он дружит с поэтом А.Дементьевым, композитором Е.Догой, послом США Дж.Мэтлоком, видным ученым-юристом и меценатом Н.В. Витруком и многими, многими другими) и самых обычных «из народа» приятелей. Он всегда стремился быть в эпицентре событий: на БАМе, автопроизводстве, в группе советских войск в Чехословакии и т.д. И еще, он везде работает. Он не расстается со своим блокнотом и карандашом в самолете, поезде, на базаре и, по-моему, даже в бане. Конечно, особенно плодотворно и успешно он работал во время поездок на творческие дачи. Сколько работ он привозил!

Довольно рано пришли успех, признание. П.В. Ёлкину посчастливилось учиться в аспирантуре в Академии художеств у знаменитых живописцев академиков братьев С. и А. Ткачевых. Познакомился с ведущими мастерами страны (у самого Зураба Церетели в гостях пирожков отведал). Он стал участником многих авторитетных, в том числе и зарубежных выставок. Особенно впечатляющей была его поездка на международный пленэр на о. Рюген (Германия). Кстати, многие художники-модернисты заказывали свои портреты художнику-реалисту П.Ёлкину, почему-то не захотели быть изображенными в виде кубиков и пятен.

Из удмуртских художников П.В. Ёлкин, пожалуй, самый активный путешественник. Он потрясающе динамичен и мобилен: много и плодотворно путешествовал по Сибири, европейской части страны (кажется, нет города, где бы он не бывал), посетил многие страны Европы, был в Индии, Вьетнаме, исколесил почти всю Африку, подолгу жил в Америке. Неосвоенными остались, пожалуй, только Австралия и Антарктида, но, как говорится, еще не вечер. Главное, из своих поездок художник

приезжал обогащенный потрясающими впечатлениями, нагруженный множеством талантливых рисунков, зарисовок. Невозможно забыть рассказ П.В. Ёлкина о чудесном вьетнамском заливе Халонг, о том, как его угощали вином наполовину с кровью змеи, он все это отведал; о его героической борьбе с тропическими москитами; о незабываемых встречах с баобабами и девушками-масайками в верховьях голубого Нила. Итогом его творческих путешествий были многочисленные выставки самого различного уровня и целая серия заметных публикаций.

Из рассказов об африканских приключениях особенно запомнилось следующее. В столице Анголы Луанде при представлении нашему послу тот спросил: «А сами откуда будете?» – «Из Удмуртии». Посол заинтересовано переспросил: «Из Удмуртии?», но ничего не сказал. А вечером в номер П.Ёлкина постучали, на пороге стояли двое военных с автоматами. Сердце ёкнуло: в Анголе шли военные действия. Автоматчики удостоверились, что это Ёлкин и, вежливо пригласив его в джип, повезли куда-то в джунгли. Что пережил в это время наш художник, это только ему ведомо!.. Наконец, подъехали к какой-то вилле, по лестнице спустился солидный военный, – большой чин, и он неожиданно обратился к Ёлкину … по-удмуртски: «Зеч-бур, Петр Васильевич!» Дальше – немая сцена. Оказывается, это главный военный советник России в Анголе – генерал-лейтенант Гусев, удмурт из Селтинского района. Посол его предупредил, что в Луанду прибыл еще один удмурт. Вот генерал и отправил своих автоматчиков «захватить» художника. А дальше были пельмени, перепечи, удмуртские песни под африканским небом. Вот так, оказывается и в Африке иногда «водятся» удмурты. Со временем П.В. Ёлкин стал одним из ведущих и наиболее известным удмуртским художником. Благодаря его чрезвычайному трудолюбию и большому таланту, его кисти принадлежит огромное количество полотен самых разных жанров: сложные тематические картины, тонкие романтические пейзажи, глубоко проникновенные психологические портреты. Очень впечатляют виртуозный ёлкинский рисунок и мастерская графика. Из многочисленных и теперь широко известных работ П.В. Ёлкина я бы отметил уже хрестоматийные «Материнские думы», «Проводы в армию», «Сумерки», серию портретов представителей интеллигенции Удмуртии (В.И. Алатырев, В.В. Туганаев, А.Г. Шкляев и др.). Его картины выставлялись на многих престижных выставках, они находятся в экспозициях ООН, Академии художеств, Третьяковской галерее, в интерьерах Конституционного Суда России, во многих государственных галереях, частных коллекциях Европы, США и других стран. Он щедро дарит свои работы друзьям, близким.

Мне лично особенно посчастливилось, потому что П.В. Ёлкин писал мои портреты четыре раза: групповой потрет «Слушая голос поэта», три персональных, один из них – в пастели. Конечно, это событие в моей жизни и высокая честь, как и дружба с большим художником П.В. Ёлкиным.

Петр Васильевич Ёлкин – несомненно, счастливый человек. Он настоящий художник. Получил широкое признание своих коллег на самом высоком профессио-

нальном уровне и многочисленных почитателей его таланта. За его плечами огромный труд, академическая школа и тот редкий художнический дар – талант, который ему подарили родители и удмуртский народ, неуемное стремление к совершенству, служение высоким идеалам реалистического искусства, идеалам доброй всепобеждающей красоты. Его творчеству посвящены 2 монографии (одна из них опубликована в С.-Петербурге) и сотни статей. Он отмечен многочисленными титулами, званиями, правительственными наградами: Народный художник Удмуртии, заслуженный художник РФ, лауреат Государственной премии УР, награжден медалью Академии художеств России. Авторитетный искусствовед Германии С.Ейне включила П.Ёлкина в реестр известных художников Европы.

У него прекрасная семья: замечательная жена – врач, (свою детскую любовь к симпатичной учительской дочке Валюше, Вале, Валентине Семеновне Пётр бережно несет через всю жизнь), очаровательные, очень успешные 2 дочери (одна из них работает в Гарварде, другая – в Ижевске, полковник, кандидат наук), сын – талантливый художник. Чего же больше!

Пётр Васильевич Ёлкин встречает свое 65-летие в полном расцвете сил и своего многогранного таланта. Да хранит его Инмар!

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Тамара Молотова, Ранус Садиков
Йошкар-Ола, Уфа

К ЮБИЛЕЮ Т.Г. МИННИЯХМЕТОВОЙ

Миннияхметова Татьяна Гильнияхметовна известный в России и за рубежом финно-угровед: этнолог и фольклорист. Она родилась 3 января 1961 года в старинной удмуртской деревне Байшады Бураевского района Башкирии в дружной семье колхозников, где кроме Татьяны было еще 5 сестер. С детских лет она помогала родителям по хозяйству, нянчила своих младших сестер, играла с соседскими детьми, была хорошо знакома с бытом и традициями своих односельчан. Она была свидетельницей и участницей многочисленных праздников, обрядов и обычаев жителей своей деревни. В 1968–1976 гг. обучалась в родной деревне (Байшадинской восьмилетней школе). Затем продолжила учебу в Тепляковской средней школе Бураевского района (1976–1978 гг.). После окончания десятилетки Татьяна в 1978–1979 гг. работала учительницей русского языка в родной школе в Байшадах. Татьяна всегда стремилась к знаниям, особенно хорошо у нее было с языками, с детства она говорила по-удмуртски, хорошо знала русский, свободно изъяснялась на татарском. И она решила поступить в Удмуртский университет на филологический факультет.

В 1979–1984 гг. она была студенткой, это были счастливые, незабываемые годы. Еще во время учебы в Ижевске Татьяна познакомилась с известными этнографами Л.С. Христолюбовой – сотрудницей Удмуртского института истории, языка и литературы и С.Х. Лебедевой – сотрудницей краеведческого музея, и у нее, как у истинной носительницы удмуртских традиций, проявился интерес к фольклору, этнографии своего народа. О своих наставниках, пробудивших живой интерес к культуре удмуртов, юбиляр говорит: «Будучи студенткой филологического факультета Удмуртского государственного университета, мой самый первый опыт по сбору полевого материала состоялся в Глазовском районе Удмуртии (северные удмурты) летом 1980 г. под руководством удмуртского фольклориста Д.А. Яшина. В следующем (1981) году в июле месяце согласно университетской учебной программе проводилась диалектологическая экспедиция в Балтасинский район Татарии (завятские удмурты), научным руководителем которой был профессор В.К. Кельмаков. Через полгода начались курсы по этнографии, этнологии и антропологии профессора В.Е. Владыкина; к завершению курса предстояло собрать этнографический материал, оформить его и представить в виде курсовой работы (закамские удмурты). В последующие два года мне посчастливилось вести сбор

полевого материала и писать дипломную работу под научным руководством Л.С. Христолюбовой, которая остается моим незаменимым наставником по сегодняшний день». После окончания университета она вернулась в родную деревню и с 1984 по 1988 г. работала учителем и директором восьмилетней школы. За свой добросовестный труд в 1987 г. Т.Г. Миннияхметова была награждена значком «Отличник народного просвещения». Но Татьяна Гильнияхметовна не желала останавливаться на достигнутом, она решила проверить свои силы на научном поприще. В 1988 году она переехала в Ижевск и стала работать научным сотрудником в Удмуртском республиканском краеведческом музее (1988–1989 гг.). Здесь у нее проявился большой интерес к духовной культуре удмуртского народа – праздникам, обрядам, обычаям, и она в составе музейных этнографических экспедиций собирала материал среди различных этнографических групп удмуртов и других народов. Об этом периоде своей жизни ученый говорит: «Работая в Национальном музее Удмуртской Республики им. К.Герда и также впоследствии многие годы мне удалось участвовать в экспедициях (бавлинские, косинские, сибирские, пермские, северные, южные, малмыжские, мамадышские, завятские, закамские удмурты, бесермяне, крещеные татары, староверы), организованных С.Х. Лебедевой и А.Ю. Петерсоном».

С 1989 по 1990 г. Т.Миннияхметова работала старшим лаборантом в Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО АН СССР. В институте молодая исследовательница проявила себя с лучшей стороны, поэтому для повышения квалификации ее направили на научную стажировку в Уфу в ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР (1990–1991 гг.). После стажировки она поступила в очную аспирантуру УНЦ УрО АН СССР, где обучалась с 1991 по 1994 г.

После завершения учебы в 1994–1999 гг. Татьяна Гильнияхметовна работала научным сотрудником в Отделе народов Урала в Музее археологии и этнографии УНЦ РАН. В годы работы в Уфимском научном Центре РАН она часто выезжала в этнографические экспедиции и вела полевые работы – собирала этнографический материал среди закамских удмуртов, восточных марийцев, чуваш, северо-западных и южных башкир, приикских татар, русских, мордвы, латышей и эстонцев Башкирии. Все полевые исследования велись под научным руководством известного российского этнолога, члена-корреспондента РАН Раиля Гумеровича Кузеева. Неоднократно она выезжала на сборы полевого материала с финским этнологом Илдико Лехтинен и помогала ей во время экспедиций к восточным марийцам и удмуртам.

В годы работы в Музее археологии и этнографии в Уфе она пополнила его фонды многими ценными артефактами по культуре и быту закамских удмуртов: образцами одежды, украшениями, предметами интерьера и т.д. Ее коллекции являются основой при составлении экспозиций по закамским удмуртам.

В 1996 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Календарные обряды закамских удмуртов». В 1998 г. проходила научную стажировку в Хельсинкском университете (Финляндия).

В 1999–2003 гг. обучалась в очной докторантуре Тартуского университета (Эстония) и читала курсы лекций по этнографии удмуртов. В годы учебы в Тартуском университете ее исследования велись под научным руководством профессора Юло Валка (Ülo Valk). Т.Г. Миннияхметова участвовала в организации и работе научных экспедиций со студентами и учеными из Эстонии и Венгрии.

В 2003 г. успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора философии по теме «Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор».

В 2003–2005 гг. работала в качестве ассистирующего профессора над проектом «Традиционная религиозная практика удмуртов и жителей Тироли» в Институте европейской этнологии и фольклора университета г. Инсбрук (Австрия).

В 2006 г. работала приглашенным профессором на кафедре этнографии и культурной антропологии университета г. Печ (Венгрия) и читала курс лекций по этнографии удмуртов.

С 2007 г. работает ассистирующим профессором над проектом «Энциклопедия по демонологии» в Институте истории и этнологии университета г. Инсбрук (Австрия).

Татьяна Миннияхметова, работая за рубежом, активно популяризует культуру удмуртского народа – она читала курсы лекций по этнографии удмуртов в университетах Тарту (Эстония), Инсбрук (Австрия), Печ (Венгрия), Венгерской Академии наук (Будапешт).

О ее человеческих достоинствах можно говорить очень и очень много. У нее много друзей и единомышленников, она легко находит контакт с людьми как с маститыми учеными, так и чиновниками. Несмотря на свою занятость, помогает советами и поддержкой начинающим ученым. Она очень талантлива, ее перу принадлежит множество сочинений по этнографии и фольклору удмуртов и других наро-

Т.Миннияхметова с матерью идут на моление. Фото Р.Садикова. 2010 г.

дов, содержащих ценнейшие сведения и интересные идеи. Она – полиглот, кроме родного удмуртского, а также русского, она владеет татарским, башкирским, марийским языками, а также многими европейскими языками – английским, немецким, финским, эстонским, венгерским. Ее монографии и многочисленные статьи опубликованы на многих языках мира.

Во время работы в Уфе она объездила практически все населенные пункты башкирских удмуртов и марийцев. Умеет легко расположить к себе информаторов и добыть необходимую ей информацию. При этом она относится к ним с глубоким почтением и уважением. Это говорит о ней как об истинном этнографе-полевике. Со многими жителями деревень у нее сложились дружеские отношения. О ней тепло отзываются и интересуются ее научными достижениями. Хотя сейчас она редко бывает с экспедициями в Башкирии, но она не потеряла связи с Родиной. Ее интересные и увлекательные заметки и статьи часто можно встретить на страницах республиканской газеты удмуртов Башкортостана «Ошмес». Каждый год летом она приезжает к матери в свою родную деревню Байшады, расположенную в очень живописном месте (хотя добраться до нее даже в наши дни очень сложно), где она набирается сил и энергии для дальнейшей творческой работы.

Финно-угорское сообщество ученых сердечно поздравляет известного этнолога Татьяну Миннияхметову со славным юбилеем. Сердечно желает ей крепкого здоровья, творческих достижений во всех делах, счастья, успехов! Исполнения всех желаний!

МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ ЮБИЛЯРА

1. Календарные обряды закамских удмуртов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2000. 168 с.; карта, илл.

2. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. – Тарту: Tartu University Press. 2003. 260 с.; карта, илл.

3. Ми бурай удмуртъёс... – Уфа, 2005. 108 с. (В соавт. с Р.Р. Садиковым.)

4. Az ismeretlen ismerös. Tanulmányok a baskortosztáni udmurtok vallásáról (На венгерском яз.). – Pécs, 2010.

СТАТЬИ В НАУЧНЫХ СБОРНИКАХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

1. The Case of «A Cat and a Dog in a Well»: Motifs, Folk Inquiry and Metafolkloristic Interpretation (On Udmurtian Folk Beliefs) // Peoples' Lives: Songs and Stories, Magic and Law. Studies in Folk Culture. Volume 2. – Tartu, 2004. C. 82–90. (Indekseeritud: MLA, Anthropological Index Online, International Volkskundliche Bibliographie).

2. Die traditionelle Religion der Trans-Kama-Udmurten. Vom kulturellen Erbe einer ethnischen Minderheit im Prozess der Modernisierung. In: Schneider, Ingo; Bodner, Reinhard; Sohm, Kathrin (Hrsg.): Kulturelles Erbe. Innsbruck: IUP (Innsbruck University press) 2005 (= bricolage. Innsbrucker Zeitschrift für Europäische Ethnologie, Heft 3; Veröffentlichungen der Universität Innsbruck, Bd. 252). C. 196–208.

3. О современном состоянии священных мест закамских удмуртов (на примере деревни Байшады Бураевского района Башкирии) // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования: Сб. ст. / Отв. ред. Н.И. Шутова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2004. С. 125–135.

4. Non-Demonic Spirits: an Example of Traditional Udmurt Folk Beliefs. In: Petzoldt, Leander; Schneider, Ingo (Hrsg.): Gestalten des Dämonischen in Literatur, Kunst und populärer Tradition: Theorie und Phänomenologie. 2005. – Innsbruck: IUP C. 42–59.

5. Рефлексивность символов в ритуальное время (на примере святых мест закамских удмуртов) // Journal de la Société Finno-Ougrienne 91. 2006. C. 184–191.

6. Symbols of Approaching Death: The Role of the Woman. In: Woman, Pain and Death: Rituals in Everyday Life on the Margins of Europe and Beyond. Edited by Evy Johanne Heland. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008. C. 84–107.

7. Birth and Death: Interrelations and Paradoxes. Reports of the Department of Ethnography and Cultural Anthropology, University of Pécs, Hungary. 2009. 12 с. (В печати).

8. Пространство и время: представления о цикличности // Финно-угроведение, 2009, № 1. С. 39–45.

ПУБЛИКАЦИИ В МАТЕРИАЛАХ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

1. Picturing an ideal Future: Ethno-futuristic Festivals in Udmurtia (Russia) / Mike Robinson; David Picard; Ingo Schneider; Oliver Haid [Ed.]: Journeys of Expression III. Tourism and Festivals as Transnational Practice. 3rd International Tourism and Festivals Research Conference. Innsbruck, Austria, 5–7 May 2004. CD-Rom. Sheffield 2004.

2. The Role of Symbols' Reflexivity in Calendar Rites – An example of Trans-Kama Udmurts / First International Conference of the SIEF Working Group on the Ritual Year in Association with the Department of Maltese University of Malta, Junior College Msida, Malta. Proceedings. Malta. March, 20–24, 2005. P.E.G. Ltd., 2005. C. 52–60.

3. Kaama-taguste udmurtide traditsioonilised kombed: Traditional Customs of the Udmurts Beyond the Kama River (Based on the Customs of Celebrations of the Great Day). In: Annales Litterarum Societatis Esthonicae 2003. Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 2005. C. 262–265.

4. Narratives about Rituals. Is it a Folklore Genre? /Narrative Theories and Modern Practices. Congress ISFNR-14. 25–31 July, 2005. Abstracts. Tartu: Tartu University Press. 2005. C. 147–148.

5. Влияние временных параметров на результат лечения (на примере удмуртов) // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Этнокультурные взаимодействия в Евразии. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Ю.К. Чистов. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 451.

6. Святые места и их роль в повседневной и обрядовой жизни (на примере закамских удмуртов) / VII Международная Крымская конференция по религиоведению «Культ «святых мест» в древних и современных религиях». Национальный заповедник «Херсонес Таврический». 16–20 мая 2005 г. – Севастополь. С. 44.

7. Funeral Rites of Udmurts as Beginning and Ending of the Summer Year. The Ritual Year and Ritual Diversity. Abstracts. Second Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year: Institute for Dialectology, Onomastics and Folklore Research. Gothenburg. 2006. C. 25.

8. Паломничество и паломники: духовность и бизнес в условиях межцивилизованной интеграции (на примере Тироли (Австрия) и Южной Тироли (Италия) // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Гилем, 2006. С. 172–173.

9. Funeral Rites of Udmurts as Beginning and Ending of the Summer Year. The Ritual Year and Ritual Diversity. Proceedings. Second Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year. Gothenburg: Institute for Dialectology, Onomastics and Folklore Research. 2006. C. 138–145.

10. Charm Parallels in Volga-Ural Region (Russia) nowadays. Charm, Charmer and Charming. A three-day international Conference at the Pécs Committee of the Hungarian Academy of Sciences (MTA PAB Szekház, Jurisics u. 44) Pécs, Hungary. Friday 11th – Sunday 13th May 2007. Abstracts. Pécs: Hungarian Academy of Sciences. C. 12–13.

10. The Impact of Socio-political Developments on Ritual Life. The Ritual Year and History. Proceedings. Fifth Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year. Stažnice. 2009.

11. 'Men's Traditional Rituals in Udmurtia'. The Ritual Year and Gender Conference. Abstracts. Fourth Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year. Cork, Ireland. June 22nd – 6th 2008. University College Cork, Folklore and Ethnology Department. Cork, 2008. C. 22–23.

12. Charm Parallels in Volga-Ural Region (Russia) nowadays. Charm, Charmer and Charming. A three-day international Conference at the Pécs Committee of the Hungarian Academy of Sciences (MTA PAB Szekház, Jurisics u. 44) Pécs, Hungary. Friday 11th – Sunday 13th May 2007. Proceedings. Pécs, 2009. 11 c. (В печати).

13. Totenkleidung: Objekt und Symbol der Furcht von den Ahnen. Am Beispiel der Sepulchralriten der Udmurten. Oldenburg, 2008. Tagung „Totenkleidung. Zur Konstruktion von Tod und Geschlecht in der materiellen und visuellen Kultur". 12–14 Juni, 2008. Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. Proceedings. Oldenburg, 2008. C. 147–158.

14. 'Men's Traditional Rituals in Udmurtia'. The Ritual Year and Gender Conference. Fourth Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year. Cork, Ireland, June 22nd – 26th 2008. Proceedings. 10 c. (В печати).

15. Семиотические функции звука во времени и пространстве // Материалы конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. – Уфа. 8 с. (В печати).

16. Udmurtian Folk Calendar and Modern Life // "Humanity, Development and Cultural Diversity" The 16th Congress of The International Union of Anthropological and Ethnological Sciences (IUAES 2009). Kunming, China. July 15–23, 2009.

17. Time and Space by Telling of Dreams (an Udmurtian Example) // 15th Congress of the International Society for Folk Narrative Research (ISFNR) "Narratives Across Space and Time: Transmissions and Adaptations". Abstracts. Athens, Greece, June 21–27, 2009. (В печати).

18. Время и пространство в поминально-обрядовой культуре удмуртов // Конференция, посвященная 120-летию кафедры этнологии и археологии Казанского государственного университета. Май, 2009. (В печати).

19. Functional Differences of Masks in Traditional Rituals // Fifth Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year "The Ritual Year and Masks". 2–5 July, 2009. Kaunas. Abstracts. (В печати).

ЛИТЕРАТУРА О Т.Г. МИННИЯХМЕТОВОЙ

1. *Христолюбова Л.С.* Миннияхметова Татьяна Гильнияхметовна // Христолюбова Л.С. Ученые – удмурты: Биобиблиографический справочник. – Ижевск, 1997. С. 79–80;

2. *Харисова Т.* Наукае сюрес капчи ӧвӧл // Ошмес. 2000 г, 13 июль.

3. *Бадретдинов У.* Бурай удмуртъёс // Удмурт дунне. 2002 г., 29 окт.

4. Безнен данлы якташлар // Алга. 2003 г., 27 март.

5. *Садиков Р.* Камсӧр удмуртъёс сярысь выль книга // Ошмес. 2003 г., 25 сент.

6. *Гильмуранова О.* Башкир удмуртъёс сярысь выль книга // Ошмес. 2005 г., 28 апр.

7. *Байдуллина А.* Жужытэсь-а Альпы гурезьёс яке бадзым наукае кузь сюрес // Ошмес. 2006 г., 12 янв.

8. *Ахатова Ф.Г., Петров И.Г.* Собиратели музейных экспонатов, внесшие вклад в формирование этнографических коллекций // Музей археологии и этнографии. Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. – Уфа, 2007. С. 26;

9. Миннияхметова Татьяна Гильнияхметовна // Удмурты Башкортостана: Краеведческий сборник. – Уфа: Эдвис, 2009. С. 109–111;

10. *Миннигараева Е.* Тубато-тубато шудэ // Удмурт дунне. 2011 г., 1 март.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы. (Отв. редакторы В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов). – Саранск, 2008. – 552 с.

В 2008 г. вышла в свет коллективная монография «Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы», изданная НИИ гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовия, под общей редакцией В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Выход в свет данной книги стал ещё одним свидетельством того, что для российской археологии настало время подведения итогов многолетних исследований. Отрадно, что наши близкие соседи, ведь в глубокой древности территории мордвы и мари находились в тесном соприкосновении, оказались в первых рядах исследователей региональных древностей, поставивших перед собой эту непростую задачу.

Ландшафтное своеобразие региона способствовало в древности особому режиму культурных связей между населением разных культурно- хозяйственных типов, что в свою очередь создало пеструю мозаику культурных объединений на определённых этапах развития, оставивших следы своей культуры и свидетельства различных связей с близкими и дальними соседями. Хронологические рамки исследования охватывают шесть тысячелетий – от мезолита (рубеж VIII тыс. до н.э.) до эпохи бронзы (II тыс. до н.э.).

Данным исследованием авторы приводят в систему все имеющиеся на данный период источники, на основе анализа которых решают узловые проблемы культурогенеза, развития, связей, хронологии и синхронизации всех культурных образований на исследуемой территории. Это первая полноформатная обобщающая работа, охватывающая все без исключения культуры и культурные типы в системе их исторического развития. Хорошее знание схем и концепций различных исследователей по проблемам этнической истории изучаемого региона дали возможность авторам разобраться в сложном многообразии культурных образований, выстроить хронологическую цепочку развития отдельных культур, определить их место в системе подобных и синхронных образований на широкой территории в хронологической последовательности.

Актуальность рецензируемого издания не вызывает сомнений, поскольку по ранним эпохам данного региона до сего времени на монографическом уровне была рассмотрена только балановская культура, что было проделано П.Д. Степановым

в 1967 г. в его книге «Ош Пандо». Между тем благодаря исследованиям последних лет, заметное место среди которых занимают изыскания авторов монографии, были накоплены многочисленные археологические материалы, позволяющие на новом источниковедческом уровне подойти к решению многих актуальных проблем.

Следует отметить, что в отличие от региональных изданий подобного рода авторы монографии не стали замыкаться в современных административных границах Республики Мордовия и это, несомненно, оправдано, поскольку ареалы археологических культур, как правило, не укладываются в указанные рамки. Благодаря избранному ими принципу они смогли рассмотреть древнейшую историю большей части Сурско-Окского междуречья, где впоследствии происходили процессы сложения древнемордовских племен. В хронологическом отношении уровень изученности данной территории далеко не равнозначен. Благодаря полевым исследованиям авторов монографии В.Н. Шитова, В.В. Ставицкого, А.И. Королева, а также В.П. Третьякова и А.А. Выборнова, достаточно хорошо исследованы памятники неолита, позднего энеолита и срубной культуры эпохи бронзы. Из раннеэнеолитических памятников раскопаны единицы, поэтому проводится детальный анализ каждого из поселений. Памятники различных культур бронзового века исследованы неравномерно, их материалы рассматриваются преимущественно по опорным комплексам с привлечением материалов подъемных сборов и случайных находок каменных и металлических орудий.

Первая глава монографии посвящена истории полевых исследований археологических памятников Мордовского края (автор В.Н. Шитов). В ней детально прописана хроника накопления археологического материала по всем эпохам, начиная от стоянок каменного века и заканчивая памятниками позднего средневековья. Судя по хронологическому размаху, данная глава является историографическим вступлением и к последующим томам Археологии Мордовского края. Пристальное внимание здесь уделено истории исследования древнемордовских могильников, материалы которых являются своеобразным стержнем для изучения всего спектра вопросов древнейшей истории мордовского народа. При этом информация о проведенных исследователями раскопках представлена с максимальной полнотой. Для поселений указаны размеры вскрытой раскопками площади, для могильников приводится количество исследованных погребений. Кроме того, предлагается краткая характеристика полученного с памятников материала, что делает эту главу прекрасным источником справочного характера. Насколько нам известно, подобного рода историографических сводок, которые охватывали бы все эпохи, не сделано еще ни для одного из регионов.

Во второй главе описаны процессы становления географических ландшафтов Мордовии, начиная с эпохи палеогена и по настоящее время (автор А.А. Ямашкин). В ней справедливо отмечено, что на протяжении плейстоцена природные условия на территории Мордовии неоднократно испытывали перестройку структуры ландшафтов. К началу голоцена относится формирование главных черт литогенной основы ландшафтов. Автором раздела также дана развернутая характеристика

географических местностей Мордовии, границы которых, начиная с эпохи позднего голоцена, были близки к современным. А.А. Ямашиным также рассмотрен вопрос влияния биотического потенциала ландшафтов на хозяйственное освоение территории Мордовского края. Содержание главы наглядно иллюстрируют диаграммы и ландшафтные карты. К сожалению, данных по палеоэкологической реконструкции природных условий региона пока немного, поэтому автору приходилось использовать сведения, полученные на соседних территориях.

В третьей главе рассматриваются древнейшие свидетельства пребывания человека на территории Мордовии, которые в настоящее время относятся к эпохе мезолита, поскольку более древние памятники ещё не выявлены (автор В.В. Ставицкий). К сожалению, эпоха мезолита в Мордовии пока изучена недостаточно, что затрудняет разрешение вопросов культурной принадлежности и хронологии выявленных исследователями памятников. Подобные проблемы характерны и для изучения средневолжского мезолита в целом. На основе детального анализа исследованных в Мордовии памятников с привлечением материалов сопредельных регионов В.В. Ставицким делается вывод, что в мезолите территория Сурско-Мокшанского междуречья представляла собой контактную зону, в пределах которой пересекались пути различных групп подвижного мезолитического населения.

В четвертой главе анализируются неолитические стоянки региона, которые представлены по разделам: памятники со слабо орнаментированной керамикой, памятники с гребенчато-накольчатой керамикой и ямочно-гребенчатой (автор В.В. Ставицкий). Рассматриваемые здесь проблемы имеют особое значение, так как связаны с процессами неолитизации лесостепной и лесной зоны Восточной Европы, истоки которых широко дискутируются в отечественной литературе. В лесной зоне данные процессы не привели к распространению производящего хозяйства, поскольку для этого не было необходимых условий, а главным результатом неолитизации явилось распространение керамической посуды.

К древнейшим неолитическим памятникам данной территории отнесены стоянки, содержащие слабо орнаментированную керамику, которая подразделяется на три основных типа, при этом каждый из них увязывается с определенным этапом развития ранненеолитических древностей. Вычленение из комплекса посуды отдельных типов, на наш взгляд, не совсем оправдано, так как не всегда дает однозначный ответ на своё присутствие в комплексе, где существуют элементы с другими показателями, характерными для посуды этого памятника (формы, технология). Здесь же особых отличий кроме редкой орнаментации нет. На наш взгляд, целесообразнее рассматривать эти комплексы в совокупности, так как они отражают весь спектр сложности процесса неолитизации лесных и лесостепных пространств. К сожалению, смешанный характер имеют коллекции каменных орудий, что не позволяет рассматривать их однозначно в системе культуры с накольчато-гребенчатой посудой. Сочетание накольчато-гребенчатой и ямочно-гребенчатой посуды, видимо, отражает моменты их синхронного существования, что характерно для обширной территории лесной полосы Поволжья и Волго-Окского междуречья.

К наиболее сложным относится проблема хронологии и периодизации раннеолитических древностей лесостепной и лесной зоны Восточной Европы, что объясняется недостаточностью абсолютных датировок, значительным хронологическим разбросом дат, сделанных в разных лабораториях, несоответствием отдельных хронологических схем типологическим этапам развития. Принимая во внимание всю сложность проблемы, можно отметить, что автор главы, удачно совместив хронологические схемы и типологические построения культурных неолитических образований на обширной территории степи-лесостепи и леса, путём сравнительного анализа материальных комплексов, построил и аргументировал свою оригинальную схему эволюционного процесса неолитизации. На данный момент это полная разработка эволюционного ряда культур эпохи неолита с выявленными связями, заимствованиями и т.п. маркирующими их направления в определенные исторические периоды. Представленные в разделе выводы обоснованы и подтверждаются артефактами, хотя в некоторых случаях материал малочисленный, что со временем может скорректировать отдельные положения, но существенно изменить предложенную схему будет сложно.

Наиболее дискуссионным в данном разделе является вопрос об истоках керамической традиции. При всей видимости южного (степного) её зарождения, пути распространения её в лесостепную и лесную зоны рассматриваются по-разному, а все существующие схемы находятся в стадии поисков и гипотез. Наиболее вероятным представляется елшанский очаг, имеющий наиболее ранние формы посуды. Существенное неудобство – хронологический разрыв между елшанскими материалами и ранненеолитическими образованиями типа верхневолжской и средневолжской культурами. Тем не менее культурные связи и заимствования, выделенные автором главы в результате сравнительного анализа материальных комплексов различных территорий, достаточно убедительны и достоверны. Логичным представляется утверждение о том, что в раннем неолите взаимосвязи населения культур севера и юга носили паритетный характер, поскольку ни то, ни другое население не располагало какими-либо экономическими преимуществами.

Во второй части четвертой главы анализируются процессы развития древностей с ямочно-гребенчатой керамикой. При этом делается вывод, что на территории Мордовии памятники ямочно-гребенчатой керамики появляются в раннельяловское время. Хронологическая схема развития поздненеолитического населения с ямочно-гребенчатой посудой автором раздела обоснована подробно и убедительно. Можно отметить тщательно проработанные реперные хронологические элементы и признаки в различных материальных комплексах, подтверждающие правомерность схемы развития неолитических образований этого горизонта.

Однако, по всей видимости, не все признаки рассматриваемой посуды отражают их хронологическую позицию, что в свою очередь затрудняет определение конкретного места того или иного типа памятников на Суре и Мокше. Раннельяловские черты здесь, видимо, нужно рассматривать в системе пережиточных признаков, тем более что слоев с «чистой» раннельяловской посудой на данной территории

нет. Существование в крае льяловского населения на развитом и позднем этапах не вызывает сомнений и уверенно вписывается в систему развитого и позднего этапов данной культуры. Проблемы связей и взаимоотношений данного населения с соседними культурными образованиями сложны и многогранны, тем не менее автору раздела удалось выявить их и аргументировано обосновать время этих явлений.

В пятой главе рассматривается история развития культур в энеолитическое время (авторы А.И. Королев, В.В. Ставицкий). К раннеэнеолитическим отнесены материалы с «воротничковой» и среднестоговской посудой, указывающие на определённые воздействия их носителей на местные поздненеолитические культуры. Выявленные связи и контакты раннего этапа указывают на существующие параллели с материалами нижнедонской культуры, но следует признать, что рассматриваемые керамические комплексы недостаточны для однозначных выводов. Накопление материалов по кремневой индустрии поселенческих и жилищных комплексов может скорректировать отдельные построения авторов. Материалы среднестоговской культуры поселения Имерка 8 достаточно информативны и их этнокультурная принадлежность не вызывает сомнений. По своим таксономическим показателям они соответствуют эталонным комплексам Поднепровья.

Правомерность выделения памятников алтатинского типа на территории Посурья очевидна, причем некоторые параллели в кремневом инвентаре (крупные наконечники стрел с треугольным пером и удлинённым овальным насадом, листовидные ножи, разнообразие скребкового комплекса и т.п.), в керамике (вытянуто-округлодонная с отогнутой шейкой посуда, технология изготовления, элементы и мотивы орнамента), жилищные сооружения указывают на северные связи с волосовскими древностями, о чём в своё время писал В.П. Третьяков. Географическое положение исследуемого региона в контактной зоне многих поздненеолитических и раннеэнеолитических культур предопределило сложную мозаику местных культур с многочисленными признаками степных и лесных традиций.

Поздний энеолит в регионе представлен двумя основными культурами: волосовской и имерской. Волосовская культура Поочья и Примокшанья изучается давно и имеет комплекс материальной культуры, позволяющий определённо говорить об истоках, этапах развития, связях и дальнейших судьбах её носителей. Работами И.К. Цветковой, В.П. Третьякова, А.И. Королёва, В.В. Ставицкого создана хорошая источниковая база, на основе которой авторы монографии с учётом новейших открытий (в том числе и абсолютной хронологии) уточнили и скорректировали некоторые разночтения основных процессов культурообразования, этапов развития культуры и направления связей. Можно согласиться с их доводами о волго-окском истоке волосовских древностей в бассейне р. Мокши, но не следует совсем исключать и северо-восточные связи.

Во многом благодаря исследованиям авторов раздела, достаточно хорошо изучена в Примокшанье имерская культура, представленная комплексами поселений, жилищ, глиняной посудой, каменными орудиями, медными изделиями, тиглями, льячками и литейными формами. Культурный статус данного типа памятников обосно-

ван в работах А.И. Королёва и В.В. Ставицкого, ими же выявлена тенденция развития культуры, построенная на типологии комплексов с привлечением абсолютной хронологии.

Разработанные авторами концепции культурогенеза в позднем энеолите представляются вполне логичными, тем не менее вопросы происхождения некоторых культурных образований остаются дискуссионными. Более уверенно смотрятся истоки волосовских древностей (с Волго-Окского междуречья), при этом равноценно определены их истоки и с территории Марийского Поволжья. На наш взгляд, на стадии поисков пока еще находится проблема генезиса имерских древностей. При всей видимости участия в данном процессе верхнеднепровской и дубровичской культур, роль волосовских племён в сложении имеркских памятников кажется нам несколько приуменьшенной.

Для решения проблем динамики развития местных энеолитических культур исследователи критически проработали все существующие теории и схемы, очень корректно при этом относясь к выводам и построениям предшественников. Все поправки и уточнения, свои доводы они строят на фактическом материале убедительно и аргументировано.

Наиболее объемное место в издании занимает шестая глава, посвященная эпохе бронзы (авторы В.В. Ставицкий, В.В. Гришаков, В.Н. Шитов). Ранний бронзовый век для территории лесостепной и лесной зоны явился своеобразной эпохой «великого переселения народов». В результате массовых миграций представителей фатьяновской, иванобугорской (примокшанской), а чуть позже абашевской культур и их контактов с автохтонными племенами происходит обогащение местных этнокультурных традиций и сложение синкретических образований. Генезис, развитие и культурные связи населения бронзового века рядом исследователей решаются неоднозначно. Анализ, сопоставление, хронологические привязки, параллели с синхронными культурами дали основания авторам монографии воссоздать картину исторического развития населения региона вполне достоверную и аргументированную, в то же время нуждающуюся в дальнейшей детализации, особенно в хронологии.

Описание древностей бронзового века открывается анализом материалов катакомбной культуры, с которыми правомерно связаны не только поселения и местонахождения керамики, но и ряд находок сверленых топоров, молотов и булав, ранее включавшихся в свод памятников балановской культуры (автор раздела В.В. Ставицкий). Хотя катакомбные древности на территории Сурско-Окского междуречья не относятся к разряду многочисленных, тем не менее их представители сыграли весьма заметную роль в этнокультурных процессах данного региона. В частности ряд катакомбных признаков фиксируется автором раздела в поздняковской культуре, что ранее не отмечалось другими исследователями. С угрозой катакомбного давления В.В. Ставицкий связывает перенос на высокие, труднодоступные места поселений примокшанской культуры, а также смещение их ареала на территории северной лесостепи и юга лесной зоны.

Фатьяно-балановские древности исследуемого региона анализируются на материалах поселений, местонахождений керамики, отдельных погребений и обширного массива случайных находок – сверленых и клиновидных топоров, большая часть которых, видимо, происходит из разрушенных захоронений (автор раздела В.В. Ставицкий). Основной массив проанализированных памятников связан с балановскими древностями атликасинского типа. По справедливому заключению автора раздела, выявленные в Мордовии материалы иллюстрируют процесс продвижения атликасинского населения на Среднюю Волгу, часть которого, видимо, задержалась на Средней Суре, о чем свидетельствует мощный культурный слой поселения Ош Пандо, насыщенный находками балановской керамики. Типологический анализ материалов отдельных балановских поселений и многочисленных находок каменных топоров позволил В.В. Ставицкому выдвинуть предположение о формировании атликасинских древностей на территории Верхнего и Среднего Поочья, где пока не изучены могильники данной культуры, но зато четко локализуются ранние типы балановских топоров и имеются достаточно многочисленные местонахождения атликасинской керамики.

На новом источниковедческом уровне в монографии рассмотрены памятники примокшанской культуры, самостоятельный таксономический статус которых в 1950-х годах был обоснован П.Д. Степановым (автор раздела В.В. Ставицкий). Их сложение происходит в результате миграций населения иванобугорской культуры на Среднюю Оку и Мокшу. На основе сравнительного анализа с древностями иванобугорской и воронежской культур в монографии разработана периодизация примокшанских древностей, существование которых на Мокше синхронизируется с ранним и развитым этапами среднедонской катакомбной культуры. Местное население продолжало придерживаться прежних этнокультурных традиций и в то время, когда на Среднем Дону данная линия развития была деформирована в результате мощного воздействия катакомбной культуры.

К интереснейшему разряду явлений относятся синкретические памятники широмасовского типа, выделенные В.В. Ставицким и В.В. Гришаковым на основе раскопок одноименного поселения. До сих пор наглядные примеры подобного взаимодействия представителей пришлых носителей «шнуровых» культур с местными племенами фиксировались только на территории Марийского Поволжья, где в заполнении одних и тех же жилищ встречались материалы балановской и волосовской культур в сопровождении сосудов, украшенных валиками и оттисками зубчатого штампа. В отличие от марийских памятников, материалы поселения Широмасово I иллюстрируют процессы взаимодействия носителей фатьяно-балановских и примокшанских (иванобугорских) древностей. Верно подобранные аналогии широмасовским материалам в керамике фатьяноидного типа показали ее неоднородность и позволили авторам раздела иначе взглянуть на проблему ее сложения.

Материалы чирковской культуры на территории Мордовии немногочисленны, поэтому их интерпретация по ряду моментов имеет дискуссионный характер (автор разделов В.В. Ставицкий). Возможно, что генезис названных древностей Вол-

го-Окского бассейна, по своим составляющим отличается от процесса формирования чирковских памятников Среднего Поволжья. В.В. Ставицким высказан ряд интересных предположений на проблему их происхождения, однако для ее успешного разрешения необходимы дополнительные материалы.

Особое значение для изучения средневолжского абашева имеют однокультурные памятники Сурско-Окского междуречья, расположенные на промежуточной территории, соединяющей их с абашевскими древностями Подонья (авторы раздела В.Н. Шитов, В.В. Ставицкий). На основе детального анализа материалов поселенческих и погребальных памятников авторы приходят к справедливому выводу о том, что абашевские древности Сурско-Мокшанского междурсчья имеют переходный характер, сочетая в себе признаки донского и средневолжского абашева. Заслуживает внимания также их точка зрения на проблему происхождения средневолжских абашевских древностей, в которой объективно проанализированы плюсы и минусы гипотез А.Д. Пряхина и О.В. Кузьминой о донских и фатьяно-балановских истоках. На основе чего авторами раздела предложена своя гипотеза, при разработке которой они постарались устранить имевшиеся противоречия автохтонной и миграционной теорий генезиса средневолжского абашева.

В эпоху поздней бронзы на ландшафты луговых степей Среднего Посурья проникают племена срубной культуры (автор раздела В.Н. Шитов). Локализация срубных памятников на почвах черноземного типа, связанных с участками степной растительности, хорошо видна на карте, представленной в монографии. Благодаря исследованиям В.Н. Шитова на территории Мордовии достаточно хорошо изучены погребальные традиции срубного населения. Материалы поселенческих памятников в основном представлены артефактами подъемных сборов. Наиболее ранние из этих памятников относятся к XVI–XV вв. до н.э., на позднем этапе своего развития срубные племена перемещаются в южном направлении.

На территории Нижнего Примокшанья авторами монографии выявлены единичные памятники поздняковской культуры, к которой ранее относились и памятники аким-сергеевского типа (авторы раздела В.Н. Шитов, В.В. Ставицкий). Включение аким-сергеевских памятников в число поздняковских, в основном было связано с наличием ряда параллелей в орнаментации керамики, а именно в использовании орнаментации из «жемчужных» вдавлений. Однако авторами раздела убедительно показано, что различий между данными памятниками значительно больше, чем общих черт. Особенного внимания заслуживает публикация материалов Шокшинского поселения, исследованного В.Н. Шитовым на месте одноименного рязано-окского могильника, которые впервые вводятся в научный оборот. Данное поселение, вскрытое на площади более 4 тысяч кв. м, является одним из наиболее хорошо изученных поселений позднего бронзового века. Материалы его жилищных комплексов наглядно иллюстрируют процессы взаимодействия автохтонного населения с пришлыми племенами срубной культуры. С древностями аким-сергеевского типа авторы справедливо связывают историю дальнейшего развития территории Сурско-Мокшанского междуречья. На территориях залесенного При-

мокшанья, по их мнению, под воздействием северного населения наблюдаются процессы трансформации аким-сергеевских древностей в финноязычную культуру «текстильной» керамики, носители которой приняли непосредственное участие в сложении культур раннего железного века. На лесостепных территориях на основе аким-сергеевских древностей происходит сложение культуры тычковой керамики, представители которой приняли участие в формировании городецкой культуры.

В заключение хотелось бы отметить, что впервые обширный регион, расположенный между Окой и Сурой, стал предметом столь тщательного изучения на значительном временном отрезке от неолита до бронзы. С энциклопедической полнотой авторами монографии были проанализированы этнокультурные процессы, предшествующие сложению местных культур, ставших основой для формирования поволжских финнов.

Завершая обзор этого фундаментального труда, хочется выразить уверенность в том, что эта книга поможет массовому читателю в определении роли культурного наследия в жизни общества. Нет сомнения и в том, что книге обеспечена долгая жизнь как своду источников и библиографии по обширному спектру проблем древнейших периодов истории народов края, что рассматриваемый труд останется на века основным пособием и путеводителем по страницам исторического прошлого, а книге не суждено попасть в число тех, которые попусту занимают место на книжной полке.

Археологи МарНИИЯЛИ искренне поздравляют авторский коллектив, В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова, В.В. Гришакова, А.А. Ямашкина и А.И. Королева, с успехом.

Хочется высказать пожелание, чтобы на таком же фундаментальном уровне были подготовлены и следующие тома Археологии Мордовского края. Их с нетерпением ждут все, кто интересуется историей нашей многонациональной страны.

Валерий Никитин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Рец.: Сеппо Лаллукка. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2010. – 336 с.

В конце 2010 г. в северной столице России вышла в свет монография финского исследователя финно-угорских народов доктора философии Сеппо Лаллукки «Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы», представляющая собой прежде всего перевод его книги 1995 г. издания под названием «Коми-пермяки – народ окраинной земли. Периферизация, ассимиляция и посткоммунистический перелом» («Komi permjakit – perämaan kanssa. Syrjäytyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros»). Однако это не просто перевод, а практически новое исследование, так как со времени издания вышеуказанной монографии прошло 15 лет, в течение которых прошла Всероссийская перепись населения 2002 г., произошли серьезные изменения в административном устройстве России и исследуемого региона, а именно – бывший Коми-Пермяцкий автономный округ вошел в состав Пермской области, утратив статус субъекта Федерации и став составной частью теперь уже Пермского края.

Рассматриваемая монография состоит из предисловия, введения, пяти разновеликих глав, заключения, списка использованной литературы и указателя имен, упоминаемых в тексте работы. В предисловии автор говорит о зарождении замысла написания работы и ходе осуществления исследования, благодарит российских коллег за многостороннюю помощь в ходе сбора материала, в том числе непосредственно в российских архивах и полевых условиях на территории КПАО.

Вводная часть под названием «Введение: коми-пермяки в составе восточных и российских народов» носит характер экскурса в тему исследования, здесь даны общие сведения о коми-пермяках, их численности по переписям 1989 г. (152 100 человек) и 2002 г. (125 200 человек), в том числе в Пермской области 103,5 тыс. человек. Представлена информация о бывшем автономном округе как низшей единице в иерархии национально-государственных образований в СССР и РФ и современном статусе как географическом, территориальном образовании в составе Пермского края. Отмечено, что у современных коми-пермяков, как и у многих других народов Российской Федерации, наблюдается множественная самоидентификация: и как коми-пермяков, и как россиян или даже как русских. Это положение сложилось не только в силу причин исторического характера, но и как результат сознательной политики в отношении культуры и языка коми-пермяков.

Следующая глава монографии имеет обобщающе-теоретический характер и называется «Периферийная мобилизация этничности». В ней рассмотрены вопро-

сы определения родины, этнотерритории в советской политической литературе и очерчены особенности советского федерализма, который сохраняется также в российском федерализме, т.е. иерархия национально-государственных образований остается прежней. Далее прослежены основные черты периферии, к которым отнесены: 1) зависимость от центра во всех жизненно важных отношениях, 2) экономическая отсталость, однобокость развития экономики и ее сырьедобывающая направленность, 3) культурная маргинальность, ее несамостоятельность и слабость. К ним добавляется также географическая удаленность и особый периферийный, или провинциальный, идентитет. Коми-Пермяцкий округ, по мнению С.Лаллукки, подходит по типу периферий к внешней колонии, по классификации западноевропейских этнологов С.Роккана и Д.Урвина. Затем расшифрована модель внутреннего колониализма, по теории М.Хектера, применительно к Коми-Пермяцкому округу внутри Пермской области/Пермского края и шире, внутри Российской Федерации. Главу завершает обзор о политизации проблем периферий проживания национальных меньшинств как современной тенденции развития во многих странах Европы. Обсуждены факторы, обуславливающие национальную и региональную мобилизацию, которая происходит и в России как следствие и результат посткоммунистического перелома.

Следующая глава целиком посвящена истории коми-пермяков и соответствующего региона и имеет название «Узловые моменты формирования коллективной памяти народа». Необходимо отметить, что в этнографической литературе это первый опыт достаточно подробного изложения истории коми-пермяков с древнейших времен, от легенд о чуди, до наших дней. Автор проработал всю наличную опубликованную историко-этнографическую и лингвистическую литературу и построил свое изложение в нескольких частях. В первом разделе «Исторический путь от Перми Великой до Коми-Пермяцкого края» описаны исторические события и процессы, предшествовавшие созданию округа: чудской и новгородский периоды, присоединение края к Московскому княжеству, колонизация земель и присоединение Сибири, рост вотчин графа Строганова и развитие крепостничества, появление сырьевой промышленности в крае, становление его как части окраины индустриального Урала. Констатируется, что Коми-Пермяцкий край много столетий подряд был окраинной периферией, что вызвало его сильную отсталость. В 1861 г. крестьяне сел Кудымкар и Егва поднимали караванный бунт как протест против насильственных работ по сплаву леса. Специальный подраздел посвящен стереотипам в оценке русскими авторами (путешественниками, очеркистами, учеными) коми-пермяков как народа низшей расы, малокультурной крестьянской массы, что отражено в дореволюционной краеведческой литературе и журналистике. Приятными исключениями из этого тенденциозного тренда явились произведения писателя-народника Федора Решетникова и коми-зырянских этнографов Каллистрата Жакова и Питирима Сорокина. Второй подраздел называется «Советская автономия и порочный круг периферийности». В нем описаны усилия коми-зырян и пермяков по объединению всех коми в одну административную единицу, кратко охарак-

теризовано формирование национально-административной единицы для коми-пермяков, становление экономики округа и трудности в лесной отрасли и сельском хозяйстве, переживаемые как раньше, так и сегодня. Впечатляет подраздел, посвященный событиям 30-х гг., когда вследствие чрезмерно завышенных планов сельхозпоставок для колхозов в сёлах округа разразился настоящий голод, повлекший сокращение роста населения. Именно к таким выводам пришел в своих трудах кудымкарский историк А.Е. Коньшин. Подробно освещен автором также процесс дальнейшей периферизации округа в послевоенные годы и особенно в 90-е гг., который вызвал дальнейшее ухудшение бытовых условий проживания в нем, по сравнению с остальными районами Пермской области. Все это подтверждено многими числовыми данными. Экономический кризис, разразившийся в постсоветский период, в 90-е гг. прошлого века, повлек за собой резкое снижение лесозаготовок, закрытие колхозов, всплеск безработицы и последующие социальные беды: рост алкоголизации населения, самоубийств и уровня смертности, миграционный отток из округа коми-пермяков и других проживающих национальностей. Бедность, отсутствие перспектив жизни на селе, закрывающиеся лесные поселки, отсутствие хороших дорог, газификации, водопровода, убывающее население поселений – все это признаки современного Коми-Пермяцкого округа. Третий подраздел имеет заголовок «Меняющееся положение национальной культуры». В нем даны подробные сведения о первых памятниках коми-пермяцкой письменности, о вкладе школы миссионера и просветителя Николая Ильминского в воспитание коми-пермяцкого учительства во второй половине XIX в. Интересно, что типовые буквари для школ на коми-пермяцком языке появились на рубеже веков, т.е. раньше, чем на зырянском языке. 20-е годы XX в. для культуры округа автор называет периодом расцвета, что вполне объективно. Показана прогрессивная роль коми-зырянской ителлигенции (как оказание поддержки коми-пермяцкой творческой общественности, писателям) в издании учебников и художественных книг, языковом строительстве, организации театра и других культурных учреждений, в развитии собственной художественной литературы и т.д. На конкретных данных показаны процессы отката от завоеванных позиций в 40–70 гг. (сокращение числа национальных школ, учащихся, занимающихся по национальной программе). Главу заключает раздел о печатном слове на коми-пермяцком языке, где рассмотрены процессы развития книгопечатания, изменения количества изданий и тиражей книг в разные периоды. Подчеркнуто почти полное отсутствие периодики на коми-пермяцком языке вплоть до последнего времени. Лишь с 1993 г. начал выходить детский журнал «Силькан» («Колокольчик») на коми и русском языках. Бывшая окружная, а теперь городская газета «Парма» выходит на русском языке, эпизодически публикуя отдельные странички по коми. Тем не менее изложенную в монографии С.Лаллукки картину функционирования коми-пермяцкого литературного языка можно дополнить следующими фактами: в последние годы начали готовить новые теле- и радиопередачи на коми-пермяцком языке; с 31 марта 2008 г. информационная программа «Вести-Кудымкар» ведется полностью на коми языке; появились районные газеты (ранее

закрытые), отдельные странички которых печатаются на коми языке; с 19 февраля 2010 г. в Кудымкаре выходит еженедельная комиязычная газета «Кама кытшын» («В излучине Камы»), знаменующая восстановление периодики на коми-пермяцком языке 50-х гг. прошлого века; собираются также материалы для возобновления издания литературно-художественного альманаха «Иньва», выходившего в свое время раз в 2–3 года. Таким образом, определенные положительные изменения появились уже после вхождения округа в состав Пермского края. Однако в целом уровень функционирования коми-пермяцкого языка остается очень низким, что показывает автор на многочисленных примерах и мастерски сделанных графиках и диаграммах.

Четвертая глава под названием «Территория, население и языки» состоит из трех частей. Первая посвящена демографическому исследованию населения округа в целом, безотносительно к национальному составу жителей. Выявлены типы населенных пунктов, их характер, величина и концентрация. Так, из всего населения округа 60% сосредоточено в южной его части, на ¼ площади края, северные районы остаются слабозаселенными. Далее рассмотрены миграционные процессы. Если в 50-е гг. население округа росло за счет притока рабочей силы в лесные поселки, то за 1959–89 гг. оно сократилось на 33%, в то время как число жителей области в целом возросло. Жители округа выезжали на постоянное место жительства в основном в города Пермской области, где есть лучшие условия для жизни. Теперь население округа составляет около 160000 человек, хотя на рубеже 50–60 гг. его численность была 230000 человек. Половозрастная структура населения округа в значительной степени перекошена, соотношение женского и мужского населения в разных возрастах асимметричное, что также является следствием многих демографических потерь (выезды женщин 20–29 и 30–39 лет за пределы округа и т.д.). В последние десятилетия наметилась тенденция и к старению населения, сократилась рождаемость и увеличилась смертность, особенно мужская. Во втором подразделе представлен анализ региональной основы коми-пермяцкого идентитета. На основе данных переписей населения разных лет и других статистических данных автор прослеживает изменения в количественном составе коми-пермяков. Этот этнос пережил множество глобальных трагедий (голод, войны, коллективизацию), из-за чего численность коми-пермяков в округе постоянно сокращалась, рост общего их количества замедлился почти до нулевого, а после 1989 г. общее количество коми-пермяков заметно уменьшилось главным образом по причине ассимиляции. Далее детально освещены такие вопросы, как национальный состав жителей округа, межэтнические границы, концентрация коми-пермяков в разных районах, а также кратко описаны наиболее значительные группы коми-пермяцкой диаспоры (язьвинцы, зюзьдинцы, группы коми-пермяков в Перми, Березниках, Чердыни). Подробнейшим образом раскрыта половозрастная структура коми-пермяков округа, анализ проведен по когортам (группам по возрасту), построены демографические пирамиды, позволяющие наглядно сравнить половозрастную структуру коми-пермяков с подобными же показателями всего населения

области. В целом методика и ход анализа материала те же, что были в более ранней монографии С.Лаллукки о восточных финно-угорских меньшинствах, изданной в Санкт-Петербурге в издательстве «Европейский дом» в 1997 г. («Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических проблем»). На основе изучения распространенности смешанных браков и предыдущего рассмотрения коми-пермяков по когортам выявлен уровень ассимиляции в период с 1959 по 1989 г. В этом разделе автор также говорит о недостаточной репрезентативности материалов Всероссийской переписи 2002 г. по сравнению с советскими переписями, по этой причине некоторые ранее начатые исследования невозможно было корректно продолжить. Так, перепись 2002 г. не дает сведений о степени владения гражданами родным языком, нет данных о национальности вступивших в брак за межпереписной период. Третий подраздел главы «Изменяющийся репертуар языков» раскрывает древние исторические связи коми-пермяцкого и русского языков, языковые навыки и предпочтения населения округа, данные о которых получены в результате массового опроса летом 1992 г. Анализ проведен также по когортам, выявлены языковые комбинации четырех групп коми-пермяков: национальных монолингвов, неассимилированных билингвов, ассимилированных билингвов и ассимилированных монолингвов, говорящих лишь по-русски, однако называющих себя коми-пермяками. Проанализировано употребление коми языка в городе и на селе в разных сферах общения. В заключении к главе автор говорит, что несмотря на слабую урбанизацию края и абсолютное большинство коми-пермяцкого населения в округе, будущее коми языка под угрозой, а язык диаспор находится еще в гораздо худших условиях. Общественный авторитет и знание литературного языка крайне слабые, коми-пермяки никак не мотивированы в употреблении родного языка даже зачастую в семье. Ассимиляция активно идет в городах и поселках городского типа, а также райцентрах, особенно в северной части округа. Вторая тревожная тема – молодежь, точнее ее отторжение от родного языка, что связано с переходом на русский язык как язык социального и профессионального роста, язык более высокой культуры. Коми-пермяцкий язык удерживает в настоящее время твердые позиции в обширном сельском регионе на юге округа, вокруг столицы Кудымкара.

В пятой главе «Политическая арена и этнорегиональная тематика в СМИ» автор дает картину общественной полемики в окружной прессе (на страницах газеты «Парма») по различным проблемам , начиная с времени перестройки и гласности середины 80-х гг. Вначале освещен вопрос о росте общественной активности и этнорегиональной мобилизации в Российской Федерации вообще и в финно-угорских регионах в частности. Представлен обстоятельный обзор важнейших публикаций, касающихся проблем статуса округа, политической обстановки и экономики, экологии края. В частности, рассмотрена полемика вокруг намечавшегося в конце 80-х гг. строительства АЭС в северной части округа, а также дискуссия по вопросу равноправия языков в округе, точнее по проблеме коми-пермяцкого литературного языка, которую активно вели представители организованного в 1990 г. Общества радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югӧр» («Луч»). К сожа-

лению, в начале 90-х гг. государственные законодательные органы округа так и не закрепили официальный государственный статус коми-пермяцкого языка, а затем вопрос о языке медленно сошел с общественно-политической арены. Хотя проблема языка и культуры обсуждалась на страницах газеты «Парма» и на многих собраниях, конференциях общества «Югӧр» и в последующие годы, однако, как утверждает автор, она так и не стала в округе предметом всеобщего внимания и дискуссии. Отдельный подраздел «Вопрос об объединении двух ветвей коми народа» посвящен связям между коми-зырянами и коми-пермяками в постсоветское время. Эту тему С.Лаллукка освещал еще в главе об истории края и коми-пермяцкого народа применительно к вопросу об организации в 1925 г. Коми-Пермяцкого национального округа. В перестроечное время опять зазвучали призывы к объединению всех коми в одно административное образование, но это были лишь выступления делегатов съездов коми народа и преимущественно в Сыктывкаре, т.е. призывы звучали лишь на уровне общественных организаций и собраний. После 1992 г., как указывает автор, даже такие разговоры утихли, однако в декабре 1993 г. на III съезде коми народа в Сыктывкаре делегаты обратились к руководству республики и округа с предложением всесторонне развивать связи между коми-зырянами и коми-пермяками, создать общее культурное и экономическое пространство на территории проживания всех коми. Однако и эти умеренные требования остались большей частью лишь благими пожеланиями. И через 20 лет после распада СССР зыряне и пермяки так и остались в условиях изоляции друг от друга. Так, между Республикой Коми и Коми-Пермяцким округом до сих пор нет круглогодично используемой грунтовой дороги, вернее она не достроена. Руководство РК с 90-х гг. занимается мегапроектом по строительству железной дороги Пермь–Сыктывкар–Архангельск, известным под названием «Белкомур». Однако реальное строительства не было развернуто по причине отсутствия финансирования. Вообще постсоветский период можно в этом отношении смело именовать временем упущенных возможностей. Культурное сотрудничество между округом и республикой также не стало интенсивным, особенно это стало заметно в последние два десятилетия. Но со стороны инициативных коми-зырян и пермяков время от времени предпринимались попытки преодолеть многолетнюю культурную изоляцию. Так, на протяжении десятилетий языковеды исследовали коми язык в рамках официально разделенных пермяцких и зырянских диалектов/литературных языков, часто даже без взаимных сопоставлений. Такое же положение было и в деле преподавания коми языка в различных регионах. В 1999 г. вышло учебное пособие Е.А.Цыпанова «Перым-коми гижӧд кыв» («Коми-пермяцкий литературный язык»), на основе которого в Сыктывкарском государственном университете для коми филологов читается одноименный спецкурс. Коми-Пермяцкий край стал притягательным местом для журналистов и краеведов Республики Коми, периодически на республиканском радио звучат интервью с коми-пермяцкими деятелями культуры, причем они общепонятны для коми-зырян. Культурный и информационный обмен благотворно сказывается на развитии литературных языков. Как и в 20-е гг. XX в. в коми-пермяцкий лите-

ратурный язык стали проникать т.н. «зырянизмы», в основном лексические единицы сферы культуры и лингвистическая терминология, например, *небӧг* «книга», *сёрникузя* «предложение», *шыпас* «буква».

Шестая часть монографии является абсолютно новой, в финском варианте она просто не могла ещё быть. Она называется «В эпицентре административно-территориального переустройства» и посвящена самым последним событиям в истории округа – изменению статуса Коми-Пермяцкого округа, в результате которого он перестал быть самостоятельным субъектом Российской Федерации. Вероятно, в исторической литературе это первое подробное изложение процесса укрупнения субъектов федерации за счет их объединения. Коми-Пермяцкий национальный округ был первым среди подобных в 1925 г., он же стал и первым административно-территориальным образованием, который в результате референдума был объединен, а в реальности прекратил свое существование. На фактическом материале С.Лаллукка показывает добровольно-принудительный характер такого объединения, в котором заинтересованными сторонами выступили как федеральные властные структуры, так и руководство Пермской области в лице бывшего губернатора Юрия Трутнева, переведенного после процесса объединения в Москву в ранг федерального министра. Перечисляются все мероприятия, имевшие цель создать общественное мнение в пользу объединения (визиты в Кудымкар московских политиков, государственных деятелей, депутатов госдумы РФ, в том числе тогда Президента РФ В.В. Путина, щедрые посулы-обещания на всех уровнях, создание специально для этой цели газеты «Пермский край» и т.п.), здесь же указывается, что для противников объединения создавались различные бюрократические препоны, явные ограничения для выражения своей позиции в электронных СМИ и печати. В книге не дана окончательная оценка такого объединения, однако и так ясно, что список позитивных изменений достаточно небольшой. Округ получил только два места в Законодательном собрании Пермского края. Социально-экономические проблемы населения края не разрешены и после референдума. Автор этих строк был в командировке в Кудымкаре в апреле 2009 г. и при встречах с представителями коми-пермяцкой интеллигенции не услышал ни одного доброго слова по поводу выпрямления вертикали власти. Наоборот, в воздухе витала атмосфера растерянности, обиды и даже какой-то безысходности.

В заключении автор подчеркивает, что сложность этнического развития коми-пермяков имеет определенные исторические причины и напрямую связана с периферизацией округа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из-за удаленности, окраинности и всеобщей зависимости от одного центра округ можно характеризовать как внешнюю периферию. По уровню ассимиляции коми-пермяки схожи с мордвой и российскими карелами; такой большой охват ассимиляции частью объясняется тем, что в округе ни само население, ни руководство не были серьезно обеспокоены вопросами сохранения и развития языка. Коми-пермяки (горожане и сельчане) обладают неуверенным, шатким идентитетом. Этнорегиональная мобилизация находится на стадии зарождения. Выход из кризиса, по мнению автора,

прямо зависит от общего положения в Российской Федерации. Одним из ключевых моментов может быть изменение связей округа, налаживание тесных связей с Республикой Коми и развитие торговли, информационного обмена с ней, т.е. нарушение односторонней зависимости от краевого центра Перми. Однозначно, что возможное выправление кризисного положения потребует много времени.

Работа С.Лаллукки является основательным трудом в области этнографического исследования коми-пермяков и закрывает очевидную брешь в этом плане.

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Рец.: Ракин А.Н. Исследования по пермским языкам. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2009. – 271 с.

Книга посвящена юбилею доктора филологических наук, председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации, члена исполкома Международного комитета конгрессов финно-угроведов Анатолия Николаевича Ракина. Монографическое издание содержит 27 статей, выбранных из 300 научных работ автора, подготовленных и опубликованных им с 1976 года по настоящее время. В нем отражены результаты исследований коми-зырянского и родственных ему языков – коми-пермяцкого и удмуртского. В статьях рассматриваются актуальные проблемы различных областей пермского языкознания: лексикологии, лексикографии, стилистики, ономастики, этимологии, истории и современного состояния словарного запаса, языка художественной литературы. Во многих работах освещаются вопросы, имеющие большое значение для пермского языкознания в целом. Язык издания – коми, русский, немецкий, финский и венгерский.

Книгу открывает статья «Слово об ученом», автор которой директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН А.Ф. Сметанин. В ней говорится о жизненном пути, главных направлениях деятельности и творчества А.Н. Ракина, отмечается значимость и важность исследований ученого для коми и пермского языкознания, финно-угристики в целом.

Основная часть книги состоит из нескольких тематических объединений. Первый большой блок статей содержит результаты исследований различных компонентов словарного запаса трех пермских языков вместе взятых. Названия данных работ: «Исследования словарного состава в контексте истории общества (пермские народы)», «Миконимическая лексика пермских языков», «Benennungen der Kulturpflanzen in den permischen Sprachen», «Лексика цветообозначения в пермских языках», «Ихтионимическая лексика в пермских языках», «Генезис анатомической лексики в пермских языках», «Ангионимическая и сенсонимическая лексика в пермских языках», «Спланхнонимическая лексика в пермских языках», «Luiden nimitykset permilaisissä kielissä». В этих исследованиях рассматриваются такие пласты лексики в коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках, как названия представителей культурной флоры, система обозначения грибов (миконимия), система названий-цветообозначений, названия рыб (ихтионимия), анатомическая лексика – названия внешних частей тела (сомонимия), внутренних органов (спланхнонимия), костной (остеонимия) и кровеностной систем (ангионимия), органов чувств (сенсонимия).

В перечисленных выше статьях тот или иной лексический материал трех пермских языков рассматривается с нескольких точек зрения:

1. С точки зрения происхождения: устанавливается, являются ли те или иные обозначения исконными, т.е. словами допермского – уральского или финно-угорского, прапермского (общепермского), общекоми (общими для коми-зырянского и коми-пермяцкого языков), собственно коми, собственно удмуртского, собственно коми-пермяцкого происхождения, или заимствованиями (тюркскими, прибалтийско-финскими, обско-угорскими, русскими).

Например, если взять названия-цветообозначения, то в данной группе с точки зрения происхождения выделены названия, относящиеся к допермскому периоду (напр., кз., кп., *лöз*, удм. *лыз* 'синий'), общепермскому (напр., кз. *гöрд*, кп. *гöрд*, удм. *горд* 'красный, рыжий'), общекоми (напр., кз., кп. *руд* 'серый'), названия, возникшие во время самостоятельного развития каждого из пермских языков (напр., кз. *кольквиж* 'желтый', *турунвиж* 'зеленый', удм. *тöдьы* 'белый' и др.). Заимствованная лексика представлена тюркскими (напр., удм. *чагыр* 'голубой') и русскими (напр., кз., кп. *алöй* 'алый', удм. *сиреневой*) заимствованиями.

2. С точки зрения принципов номинации: устанавливается, являются ли те или иные названия мотивированными (отражение цветовых признаков, места произрастания, морфологических особенностей объекта номинации: содержащаяся в названии та или иная, положительная или отрицательная оценка и т.д.) или немотивированными.

Например, среди объектов миконимической лексики можно выделить наименования грибов, связанные с их цветовыми особенностями (напр., кз. *еджыд гоб* 'белый гриб', кп. *сьöд тшак* 'груздь черный', удм. *гордйыр* 'подосиновик', букв. 'красная голова'), местом произрастания (напр., кз. *нюр тшак* 'путник', букв. 'болотный гриб', кп. *му тшак* 'груздь черный', букв. 'земляной гриб', удм. *кыед губи* 'поганка бледная', букв. 'навозный гриб'), морфологическими особенностями (напр., кз. *гöнадöр* 'волнушка', букв. 'мохнатый край', кп. *кыз рыжык* 'рыжик боровой', букв. 'толстый рыжик', удм. *гоно губи* 'волнушка', букв. 'мохнатый гриб'), выражением отношения к грибам со стороны создателей названий (напр., кз. *понтшак* 'поганка', букв. 'собачий гриб', кп. *бур ельдöг* 'груздь', букв. 'хороший груздь').

3. С точки зрения словообразовательной структуры: являются ли те или иные лексические единицы несоставными (одночленными: непроизводными или производными), или составными (многочленными).

Например, названия, относящиеся к ихтионимической лексике пермских языков, могут быть одночленными (напр., кз. *кебöс* 'сиг') и составными (напр., кз. *из ув чери* 'бычок-подкаменщик', букв. 'рыба под камнем', кп. *лöз ар* 'синий гольян', удм. *тыпарсь* 'линь', букв. 'озерная свинья').

В статье «Этимологизация лексики общепермского происхождения» дается анализ общего для всех трех пермских языков, прапермского по происхождению лексического материала, содержащегося в «Кратком этимологическом словаре коми языка». По данным А.Н. Ракина, подобного рода лексика в книге представлена

934 словарных статьях (словарь включает всего 3 200 статей). В работе устанавливается, в каком количестве в данных словарных статьях используется удмуртская (998 единиц в 775 словарных статьях, все удмуртские слова приведены внутри статей в качестве параллельного материала коми примерам и не являются заглавными), коми-пермяцкая (127 слов в 113 статьях, из них 22 заглавные) и коми-язьвинская лексика (186 слов в 170 словарных статьях, 5 заглавных). Отмечается, что ключевыми, как правило, являются коми-зырянские и удмуртские соответствия, а коми-пермяцкие примеры используются лишь в той мере, в какой они обеспечивают установление этимологий для коми-зырянских слов. В 695 словарных статьях этимологический анализ завершается реконструкцией праформ. Праформы не даются у ономатопоэтических и изобразительных слов, у некоторых производных и двухкомпонентных слов. В последних двух случаях делаются лишь ссылки на словарные статьи, где в качестве самостоятельных слов рассматриваются производящие основы и составные части многокомпонентных конструкций. Одной из причин отсутствия праформ также является наличие незакономерных звуковых соответствий и существенных семантических расхождений между сопоставляемыми словами. Не реконструируются праформы и у некоторых заимствованных слов, для них указывается лишь источник заимствования.

В зависимости от степени полноты использования сопоставляемого материала А.Н. Ракин выделяет следующие типы этимологий:

1. Базирующиеся на материале всех пермских языков (43 словарные статьи, напр., кз. *дуль*, кп. *dul'*, кя. *dul'*, удм. *дыльды* 'слюна').

2. Базирующиеся на материале трех пермских языков (143 словарные статьи: в 102 из них дается коми-зырянский, коми-язьвинский, удмуртский материал, напр., кз. *гез*, кя. *gi'z*, удм. *гозы* 'веревка'; в 34 – коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский материал, напр., кз. *ябыр* 'скворец', кп. *ябыр* 'вид серой птички', удм. *юбер* 'скворец'; в 5 – коми-зырянский, коми-пермяцкий, коми-язьвинский материал, напр., кз. *бара*, кп. *b2ra*, кя. *bθra* 'опять, снова'; в 2 – коми-пермяцкий, коми-язьвинский, удмуртский материал, напр., кп. *зын* 'зловоние', кя. *zθn* 'запах', удм. *зын* 'запах').

3. Базирующиеся на материале двух пермских языков (452 словарные статьи: в 430 из них рассматривается коми-зырянский и удмуртский материал, напр., кз. *карны*, удм. *карыны* 'делать'; в 10 – коми-пермяцкий и удмуртский, напр., кп. *сугонь*, удм. сугон 'лук'; в 6 – коми-зырянский и коми-язьвинский, напр., кз. *этша*, кя. *i'ča* 'мало'; в 4 – коми-язьвинский и удмуртский, напр., кя. *ú'tnθ* 'закопать, захоронить', удм. *ватыны* 'спрятать, скрыть, утаить'; в 1 – коми-зырянский и коми-пермяцкий, кз. *сыкавны* 'портиться снегу при оттаивании, терять прочность', кп. *сікатэм* 'гнилой'; в 1 – коми-пермяцкий и коми-язьвинский, кп. *порйӧтны* 'поздравить', кя. *porjöt-* 'приветствовать, поздравлять').

4. Базирующиеся на материале одного из пермских языков. К этой группе слов относятся лишь коми-зырянские слова (17 словарных статей, напр., *посни* 'маленький', *шабді* 'лен', *позьӧ* 'можно'). Так как соответствия в других пермских

языках отсутствуют, праформы в данном случае реконструируются с опорой на дальнеродственные языки.

Как считает автор статьи, существует определенная зависимость между вышеперечисленными типами и надёжностью существующих этимологий: «Чем больше языков одной ветви привлекается для реконструкции, тем она безупречнее, и, наоборот, чем уже круг соответствий, тем менее убедительна предлагаемая версия о происхождении лексической единицы» (с. 102).

В результате анализа материала исследователь устанавливает, что подавляющее большинство реконструируемых для общепермской лексики праформ относится к одночленным лексическим единицам, но есть также и двучленные конструкции (таких примеров 15, напр.,**n'in-pu* 'липа'). Основная масса этимологизированных слов является самостоятельными знаменательными словами и только 4 примера относятся к служебным словам. В большинстве словарных статей дается одна праформа, но в некоторых случаях авторы словаря приводят два этимона (напр., **koin* или **kion* 'волк'). В составе содержащихся в словаре неисконных слов праформы (63 этимона) возводятся к индоевропейским (напр., **rez'* 'поводок'), индоиранским (**zarn'i* 'золото), древнебулгарским (**kеč'* 'заяц'), древнетюркским (**kač-* 'белый'), древневенгерским (**dir-* 'вид перепончатокрылого насекомого') и прибалтийско-финским (**rǫč'* 'чужеземец, русский') источникам.

А.Н. Ракин на основе анализируемого материала в системе праформ лексики общепермского происхождения выделяет единицы, прошедшие полную и неполную этимологизацию. В первом случае слово реконструируется полностью как по структуре, так и по семантике. Сюда относятся в основном именные категории, но встречаются также и непроизводные лексические единицы других частей речи (напр., **gag* 'насекомое', **jon* 'крепкий, сильный', *suč'* 'очень, совсем, сильно'). При неполной этимологизации производится частичная реконструкция структуры соответствующей лексической единицы (сюда относится в основном глагольная лексика, напр., **bërd-* 'плакать', **vijal-* 'течь') или не дается семантика праформы (напр., кз. *напыд* 'не просохший, влажный', удм. *нап* 'густой' > **пар-*).

Таким образом, в данной работе автором рассматриваются принципы, технология и закономерности этимологизации, анализируется система праформ одного из важнейших компонентов древней лексики коми языка.

Статьи, которые можно объединить в следующую большую группу, посвящены какому-либо одному из пермских языков, рассматриваемый в них лексический материал относится либо к коми-зырянскому, либо к коми-пермяцкому, либо к удмуртскому языку. В статьях «Зоонимический компонент в системе названий растений коми языка», «Dendronymische Lexik in der komi-syrjänischen Sprache», «Гидронимия верхней Вычегды», «Víznevek felső Vicsegda területén», «Структурные особенности коми названий низших форм животных» освещается соответственно та часть словарного запаса коми языка, которая представляет систему флористической лексики, содержащую обозначения представителей животного мира; названия древесной и кустарниковой растительности; лексику, служащую для обозначения

естественных и искусственно созданных водных объектов; названия беспозвоночных и рептилий. Анализ лексического материала и выявление его особенностей в данной тематической группе осуществляется с тех же позиций, что и в статьях, относящихся к первому блоку, а именно: с точки зрения происхождения, принципов номинации и словообразовательной структуры.

В работах «Названия культурных растений в коми-пермяцком языке» и «Коми-пермяцкий компонент лексики общепермского происхождения» исследуется коми-пермяцкий языковой материал. В первой из них дается этимологический, семантический и морфологический анализ коми-пермяцких названий культурных растений. Цель второго исследования – анализ содержащегося в «Кратком этимологическом словаре коми языка» коми-пермяцкого материала, возникшего в прапермскую эпоху.

Следующие 2 статьи книги посвящены удмуртскому языку. В работе «Дендронимическая лексика удмуртского языка» рассматриваются названия, служащие для обозначения древесной и кустарниковой растительности, выявляется их этимология, особенности функционирования, семантики и номинации. В исследовании «Удмуртская лексика общепермского происхождения» автором излагается словарный запас удмуртского языка, унаследованный из прапермского языка. Анализ проводится на материале содержащейся в «Кратком этимологическом словаре коми языка» удмуртской лексики с точки зрения ее количественного соотношения с коми (зырянским, пермяцким, язьвинским) материалом, расположения внутри словарной статьи (в качестве генетических соответствий заглавным словам и иллюстраций генетических соответствий), особенностей семантики (предметно-понятийная классификация) и сферы функционирования (лексика литературная и диалектная).

Отдельный блок составляют исследования языка произведений современной коми литературы. В статье «Отражение разговорно-бытовой лексики в текстах коми художественной прозы» рассматриваются лексические особенности диалогической речи персонажей в произведениях коми писателей В.Д. Леканова, И.Г. Торопова, Г.А. Юшкова и других популярных прозаиков и драматургов. В результате анализа лексического материала автор статьи приходит к выводу, что общность речи персонажей прозы и драматургии с разговорно-бытовым стилем складывается преимущественно за счет разговорно-бытовой, просторечной, незнаменательной и междометной лексики. Благодаря наличию подобного рода слов и выражений речь персонажей зачастую отрывается от авторской и выносится за пределы функциональных разновидностей литературного языка. Разговорно-бытовая лексика в речи персонажей отличается тематической неограниченностью и служит для обозначения разнообразных явлений природы и общества, передачи конкретных сведений о жизни и быте людей, об их внешности, поведении, семейных и дружественных отношениях; выражения эмоций и ощущений человека. Тем самым она, являясь составной частью лексической системы художественного текста, способствует наиболее полному воплощению идейно-художественного замысла произведения.

В работе «Диалектизмы в контексте художественного произведения» описывается диалектная лексика в книге коми писателя Е.Афанасьева «Пурзьӧмын ар пом». Рассматривается состав используемых автором диалектизмов (фонетические, морфологические, семантические, лексические); степень их употребительности (узкодиалектные названия, функционирующие только в одном диалекте, и диалектизмы, имеющие более широкое распространение, известные также носителям других диалектов); система пояснений для использованных в тексте диалектизмов (сопровождение литературным словом, сноски, отсутствие пояснений); функции диалектной лексики в тексте художественного произведения (номинативная, стилистическая, характерологическая).

В статье «Лексические новации в историческом романе Г.А. Юшкова «Бива» рассматривается язык данного произведения с целью выявления слоя лексики, являющегося неизвестным для широкого круга читателей, т.е. не характерного для активного словарного состава современного коми литературного языка. К подобного рода обозначениям относятся новообразования самого писателя, архаизмы и диалектизмы. А.Н. Ракин в исследуемом романе выделяет 129 единиц, относящихся к новой лексике. Дается их классификация и характеристика с семантико-тематической точки зрения: слова, обозначающие явления и предметы природы, названия представителей растительного и животного мира, топонимические названия, общественно-социальная лексика, названия предметов жилища и быта, предметов одежды, обуви и украшений, сельскохозяйственных орудий труда, термины, обозначающие технические приемы и приспособления, названия вооружения и военных атрибутов, анатомическая лексика, названия пищи, лексика, относящаяся к духовной сфере и абстрактным понятиям, этнические обозначения, названия единиц времени и веса, обозначения некоторых действий и процессов. Неологизмы разделяются на семантические и лексические. Семантические неологизмы в качестве новой лексической единицы выступают только в том значении, в котором они впервые употреблены писателем в произведении, в других своих значениях они известны как обычные слова. Все остальные неологизмы в романе являются лексическими. В качестве их источников А.Н. Ракин указывает следующие: языковое творчество самого писателя (такие новообразования не встречаются ни в разговорной, ни в литературной речи), лексикографические издания XIX в. (словари Г.С. Лыткина, Ф.Видемана, Д.Фокоша-Фукса, Ю.Вихмана), диалектная лексика, близкородственные языки (коми-пермяцкий, удмуртский). Как отмечает автор исследования, «анализ языка романа «Бива» показывает, что при творческом подходе к изображению исторических событий писатель имеет широкие возможности не только для создания значительного количества лексических новаций, но и для активизации архаических элементов словарного состава, которые в силу объективно сложившихся обстоятельств оказались основательно забытыми современными носителями языка» (с. 228).

Следующая статья сборника под названием «Антропонимическая лексика в контексте современной коми исторической прозы» также посвящена анализу рома-

на Г.А. Юшкова «Бива». Предмет исследования в ней – собственные имена персонажей произведения. А. Н. Ракин выделяет в романе 28 единиц, являющихся русскими, мансийскими и коми-зырянскими собственными именами лиц. К первой и второй группам относится по 3 имени (*Сепӧ*, *Матӧ*, *Ӧльӧк~Ӧльӧксан* и *Сюдӧ*, *Сюла*, *Сюг*). Самая многочисленная группа антропонимов – имена коми-зырянских персонажей. Все они относятся к дохристианскому периоду и коренным образом отличаются от современной, базирующейся на антропонимической лексике русского языка, системы коми собственных имен. Автор работы выявляет следующие группы коми-зырянских антропонимов в зависимости от особенностей их семантики и образования: 1) имена, созданные путем использования названий растений (напр., *Маюр*, букв. 'клевер'); 2) имена, имеющие в своем составе компоненты, обозначающие названия животных (напр., *Катша*, букв. 'сорока'); 3) имена, имеющие в своем составе ономатопоэтические слова, обозначающие звуковые и зрительные явления (напр., *Борган* от боргыны 'журчать, бормотать'). Исследователь отмечает, что подбор слов для создания коми имен произведен Г.А. Юшковым не произвольно, а таким образом, чтобы с их помощью дать персонажу дополнительную характеристику, т.е. собственные имена в романе выполняют не только назывную, но и характерологическую функцию. Как правило, собственные имена персонажей, симпатичных автору романа, содержат положительную информацию, а в именах, противостоящих им героев, заключена отрицательная оценка. Подводя итог анализу лингвистического материала, А.Н. Ракин пишет, что автору романа «Бива» удалось создать, хотя и немногочисленную, но ёмкую по содержанию и соответствующую исторической реальности антропонимическую систему, которая с другими компонентами эпического произведения служит наиболее полному воплощению идейно-художественного замысла писателя (с. 237).

В книге анализируется система личных имен также и на примере других современных коми литературных произведений на исторические темы. Так, в статье «Антропонимическая лексика в исторической повести В.В. Тимина "Эжва Перымса зонка"» описываются имена личные, патронимы (наименования по отцу), фамилии, родовые имена и прозвища. Система антропонимов в повести состоит из коми, русских, мансийских и татарских компонентов. Последняя группа самая малочисленная и включает в себя 5 имен (напр., *Али мирза*, *Мангли-Гирей* и др.). Следующая по количеству группа – мансийские антропонимы, к которым относится 14 единиц (напр., *Асыка*, *Айурт*, *Лули* и др.). Сюда входят собственные имена руководителей мансийских военных походов, а также представителей местного мансийского населения. Группа русских антропонимов содержит 25 имен (напр., *Василий III*, *Дмитрий Иванович Донской*, *Иона*, *Феоктиста*, *Савей* и др.), являющихся обозначениями царствующих особ, князей, воевод, священнослужителей и некоторых жителей подмосковных селений. Только в данной группе литературные персонажи имеют патронимы, фамилии и полные антропонимические обозначения (т.е. личное имя, отчество и фамилию). Самая многочисленная группа – коми антропонимы, сюда относится 42 номинативные единицы. В ее составе исследователь выделяет

исконные и неисконные имена. Неисконные имена базируются на материале русского языка (напр., *Арси* < *Арсений*, *Евӧ* < Евдокия, *Педӧр* < Федор и др.). Исконные созданы на базе коми языка, для части из них в качестве источника использованы фольклорные имена (напр., *Ирьянко*, *Исур*, *Шыбан* и др.), другая часть создана самим В.В. Тиминым (напр., *Бурай* 'хороший человек', *Кӧч* 'заяц', *Юрань* 'главная женщина' и др.). В составе коми антропонимов присутствуют как родовые (напр., *Турӧб Яраш*), так и прозвищные имена (напр., *Кыз Ку* 'толстая кожа'). Первые обозначают принадлежность к какому-либо роду, а вторые указывают на определенные качества, свойства человека, на отношение к нему окружающих. А.Н. Ракин подчеркивает, что В.В. Тиминым в повести «создана стройная, продуманная и состоящая из нескольких компонентов система антропонимической лексики, которая выполняет, наряду с основной номинативной, целый ряд других функций: характерологическую, оценочную, идейно-эстетическую» (с. 243).

Завершается сборник статьей «Сись кодь пожӧмыс парма нӧрысын…», в которой говорится о жизненном пути и деятельности Евгения Семёновича Гуляева, коми языковеда, одного из авторов «Краткого этимологического словаря коми языка», исследователя коми диалектов, истории коми литературного языка и языка произведений И.А. Куратова – основоположника коми литературы, создавшего уникальные поэтические произведения задолго до возникновения единого коми литературного языка.

В конце книги даны списки сокращений названий языков, диалектов и названий изданий по коми и удмуртскому языкам.

Вышедшие в разное время в самых разных изданиях нашей и других стран и собранные в рецензируемой книге воедино работы А.Н. Ракина как нельзя полно отражают результаты многолетней научной деятельности одного из ведущих финно-угроведов Республики Коми и России. Данное издание, являющееся этапной научно-исследовательской работой автора и охватывающее широкий круг актуальных проблем современной лингвистической науки, несомненно, вызовет большой интерес как у отечественных, так и у зарубежных специалистов и будет полезным для всех тех, кто занимается изучением языков и культур финно-угорских народов.

СОКРАЩЕНИЯ

кз. – коми-зырянский язык
кп. – коми-пермяцкий язык
кя. – коми-язьвинский язык
удм. – удмуртский язык
букв. – буквально

Николай Ракин
Тарту

Рец.: Экономико-экологический фактор в развитии межнациональных отношений на Европейском Северо-Востоке России. XX век. Сборник документов и материалов / сост. А.Н. Турубанов. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. – 342 с.

Сборник документов и материалов «Экономико-экологический фактор в развитии межнациональных отношений на Европейском Северо-Востоке России. XX век», составленный А.Н. Турубановым открывает проблему национального развития и межнациональных отношений с неожиданной стороны – природной среды и взаимодействия с ней этносов. Этот угол зрения для нас неординарен и непривычен, поскольку экология приобретает политическое и экономическое значение для существования коренных народов, в настоящем случае – коми, ненцев.

Разрушение природной среды и с нею вместе уклада жизни малых народов России – проблема острая, сохраняющая свою актуальность по настоящий день. Разбазаривание ресурсов в погоне за прибылью, поведение добывающих кампаний, гонящих сырье за рубеж, психологическое состояние населения территорий, богатых нефтью, газом и лесом, платящих дань метрополии, живущих за счет природных богатств окраин способно обострить межнациональные отношения, лишив их толерантности и поставить Российскую Федерацию на грань распада, как то было в Советском Союзе в 1991 году.

Документы дают объемную и многоаспектную картину освоения богатств Республики Коми и показывают, какой ценой все это достигалось. Перед читателем проходят свидетельства времен коллективизации с массовым раскулачиванием и ссылкой так называемых спецпереселенцев, репрессии 30–40-х годов и система ГУЛАГа, опиравшаяся на труд заключенных, освоение нефтяных и газовых месторождений, подъём протестных настроений в перестроечный период, связанный с нежеланием людей мириться с загрязнением окружающей среды и варварским отношением промышленных предприятий к природе.

Источники позволяют понять особенность менталитета финно-угорских народов и народов Крайнего Севера, выражающуюся в привязанности их к родной природе, тесной связи традиционного уклада жизни и хозяйства с природной средой. Нарушение экологии и условий обитания болезненно сказывается на самочувствии этих народов и существенно повышает градус межэтнической и социальной напряженности.

Составитель сборника А.Н. Турубанов включил в указанное издание документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государ-

ственного учреждения Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК «НАРК»), Государственного архива Архангельской области (ГААО), Государственного архива общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГАОПДФАО), ведомственных архивов, документальных сборников органов исполнительной и законодательной власти, материалы центральной и местной периодической печати. Стиль и язык документов бережно сохранен составителем, и это дает возможность читателю ощутить дыхание эпохи, выражающееся в неповторимых особенностях речи, канцелярских оборотах, терминах, стиле документов – памятников своего времени.

Многие документы введены в научный оборот впервые и, что особенно важно, показаны в комплексе условия труда рабочих и освоение природных богатств Севера, и отношения коренного населения к тем преобразованиям в экономике, которые затрагивали и затрагивают уклад жизни малых народов. Экология представлена в тесной связке с экономикой и социальной политикой государства. Показан весомый вклад Республики Коми в наращивание экономического потенциала государства.

Большой интерес представляют примечания и приложения, содержащиеся в сборнике. Они позволяют читателю получить дополнительную информацию о том или ином решении по рассматриваемым вопросам.

Данный сборник открывает дорогу целому направлению исследований о роли экологии в сфере межнациональных отношений, которое, не сомневаемся, будет поддержано не в одном регионе многонациональной России и в конечном счете послужит выстраиванию оптимальной модели отношений в XXI веке между человеком и природной средой, между центром и регионами, между бизнес-структурами и коренными жителями.

Этот в высшей степени полезный и содержательный труд следует приветствовать и сделать его достоянием не только ученых, занимающихся историей России XX века, но и людей из управленческой среды и политических элит, от которых и зависит насколько наше общество усвоило остающиеся актуальными уроки нашей истории.

Василий Востриков, Владимир Сухин
Йошкар-Ола

Рец.: Каксин А.Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). – Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. – Саранск, 2010. – 303 с.

Известно, что глагол в хантыйском языке представляет собой одну из наиболее сложных категорий как в грамматическом, так и в лексико-семантическом плане. Именно исследование глагола и послужило отправной точкой для Андрея Даниловича Каксина в его изучении модальности и эвиденциальности, понимаемых им весьма широко, как сложных функционально-семантических категорий, имеющих множественные и разноуровневые формы выражения. Так как в целом хантыйский язык остается слабо исследованным, то актуальность выбранной темы не вызывает никаких сомнений. Достаточно сказать, что в настоящее время в средних специальных и высших учебных заведениях студенты изучают хантыйский язык по грамматике, изданной 45 лет назад, в 1964 г.

Диссертация была выполнена в отделе хантыйской филологии и фольклористики бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок». Научным консультантом в начале работы был доктор филологических наук профессор Юрий Владимирович Андуганов. Андрей Данилович – активный носитель родного хантыйского языка, знающий его с детства, хорошо чувствующий тонкости и нюансы как родного казымского, так и других диалектов. Известны его многочисленные изыскания, посвященные глаголу хантыйского языка: кандидатская диссертация, монографии, многие статьи и тезисы. А.Д. Каксин также известен как переводчик с хантыйского языка на русский и наоборот, как участник фольклорно-этнографических проектов, вузовский преподаватель.

Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, приложения, списков условных сокращений и использованной литературы. Список использованной и цитированной научной литературы состоит из 255 названий (из них 52 наименования на иностранных языках), что говорит о хорошем знании диссертантом специальных трудов по теме исследования. Указатель источников включает 26 наименований словарей, трудов справочного характера, художественных книг. Приложение, представляющее собой словарь модальных слов и сочетаний хантыйского языка, содержит 56 страниц текста. Общий объём диссертации вместе с приложением – 303 страницы.

Во введении (с. 5–13) обосновывается выбор темы, определяются цели и задачи исследования, указываются источники, даются сведения о характере мате-

риала, перечисляются методы анализа, дается краткое описание истории изучения модальности и эвиденциальности в хантыйском языкознании, излагаются положения, выносимые на защиту, содержится информация об апробации работы.

В первой главе «Модальность и эвиденциальность как функционально-семантические категории» (с. 14–70) представлена общетеоретическая база исследования, на основе изучения большого количества работ теоретического плана (в основном отечественных исследователей-лингвистов) автор вычленяет прежде всего план содержания категорий модальности и эвиденциальности. Далее диссертант выделяет ядерные структуры категорий, финитные и инфинитные формы, глагольные наклонения: изъявительное и неочевидное. Новым в хантыйском языкознании является определение самостоятельного неочевидного наклонения, образующегося при помощи глагольных показателей *-m-, -t-, -ti pit-t*. А.Д. Каксин в число самостоятельных наклонений включает также аналитические глагольные формы, сочетания финитных глаголов с частицами и вспомогательными глаголами, свои положения обосновывает многочисленными примерами. Из материалов этой главы видна весьма сложная и многочленная парадигма спряжения глагола, где в составе разных времен встречается 36 лично-числовых единиц индикатива в безобъектном спряжении (актив и пассив) и 18 лично-числовых единиц индикатива в объектном спряжении. Особенно своеобразны глаголы в пассивном залоге. Их многообразие заставляет уже привычный русский пассив в формах 3-го лица расценивать лишь как некое подобие настоящего обско-угорского пассива.

Во второй главе «Соотношение и взаимодействие глагольных категорий, связанных с выражением модальности и эвиденциальности» (с. 71–105) автор концентрирует свое внимание на сущности такой глагольной категории, как перфект, характеризует спряжение и глагольное словообразование, останавливается на вопросах взаимодействия категорий наклонения и времени, наклонения и залога. В целом вопрос о взаимном соотношении и особенно о взаимодействии категорий финитного глагола диссертантом специально поднимается в хантыйском языкознании и финно-угроведении одним из первых, обычно такие категории практически всегда рассматриваются отдельно как в учебной, так и научной литературе. В данном отношении диссертационная работа А.Д. Каксина носит новаторский характер.

Третья глава «Взаимосвязь модальности и эвиденциальности в хантыйском языке, наклонения хантыйского языка» (с. 106–155) является одной из основных, в которой на базе выдвинутых и обоснованных теоретических установок выстраивается система грамматических категорий хантыйского глагола. Центральной, по мнению автора, является категория наклонения с ее конкретными разрядами: индикативом, императивом, адхоративом (образующимся с помощью частицы *at*), оптативом, кондиционалисом, конъюнктивом, эвиденциалисом (латентивом). При общей характеристике системы грамматических категорий (с. 106–108) А.Д. Каксин также делает, вероятно, первую попытку объяснить наличие специфических категорий в хантыйском языке (объектное спряжение, пассивный залог, притяжательные формы) как отражение менталитета северного человека, его темпера-

мента и миропонимания (созерцательность, прагматизм, конкретность и т.д.), что, в свою очередь, определяется природно-климатическими и хозяйственно-экономическими условиями многовекового проживания в условиях тайги и тундры. В этом тезисе диссертанта вполне можно усомниться: вряд ли здесь может быть прямая связь и зависимость. Известно, что предки обско-угорских народов в древности проживали на гораздо более южных территориях Сибири и окраинной части Европы, обитали в степной полосе и занимались кочевым скотоводством, что хорошо отражают также некоторые мотивы и персонажи в традиционной мифологии хантов и манси. Вполне реально предполагать, что основные черты грамматики обско-угорских языков уже сложились в те времена, а не позднее, в нынешних условиях и местах обитания. Этнолингвистические специфические особенности языков хорошо отражает не столько грамматика, сколько лексика, фразеология, в целом семантика.

В четвёртой главе «Лексические средства выражения модальности в хантыйском языке» (с. 159–179) А.Д. Каксин подробно анализирует и систематизирует модальные глаголы, слова и словосочетания. Особенно интересны и характерны не только для хантыйского языка глагольные словосочетания с абстрактными и конкретными существительными и прилагательными, которые также хорошо выражают модальные значения. К примеру для хантыйского сочетания *năr kănšti* «обижаться» (букв. обиду искать) в коми языке соответствуют *лӧг кутны* с почти идентичным значением (букв. обиду держать), *сылӧн лӧг петӧ* «он злой, букв. у него злость выходит». Интересно, что, судя по приведенному материалу, хантыйский язык до сих пор остается малопроницаемым для русского влияния на лексическом и грамматическом уровнях. О богатстве модальных слов и словосочетаний в хантыйском языке красноречиво говорит материал словаря в приложении к диссертации. Тем не менее, далеко не все слова, помещенные в словарь, можно смело назвать модальными, т.к. модальное значение часто формирует конструкция в целом, а не отдельное слово, включенное в конструкцию, например, частица *ки* «если, если бы» (с. 262). Многие слова имеют лишь оценочную характеристику и являются маркерами отдельных стилей речи, например, *хом* «нехороший человек» (с. 277).

Заключение диссертации содержит теоретическую квинтэссенцию по результатам всех четырёх глав диссертации.

Однако работа не лишена некоторых недочётов. Так, диалектную и литературную иллюстрацию автор дает практически без ссылок на источники, нет также и списка информантов в конце диссертации. Сравнение с мансийским материалом во многих случаях не проводится, хотя такая цель и поставлена во введении. В тексте есть досадные повторы теоретических положений, определений модальности и эвиденциальности, само повествование изобилует элементами рассуждения. Порой даже кажется, что автор хочет доказать определенные теоретические положения прежде всего самому себе. Даже в заключении почему-то дан анализ конкретных примеров с толкованиями, а сами результаты диссертации представлены в излиш-

не редуцированном виде. Среди формальных недостатков можно отметить отсутствие переводов предложений на русский язык (с. 78, 90), ошибки в написании венгерских имен и фамилий, названий работ на венгерском языке в библиографии (с. 11, 298–299), стилистические недочеты.

Тем не менее отмеченные замечания носят скорее технический, формальный, стилистический характер и не умаляют научной ценности диссертационной работы А.Д. Каксина.

Автореферат в должной мере отражает все основные положения исследования.

В целом докторская диссертация А.Д. Каксина представляет собой самостоятельное целостное исследование, все выводы основываются на фактах и полностью соответствуют теоретической концепции автора. Детальный анализ собранного автором материала даёт всестороннее представление о содержании и формах выражения модальности и эвиденциальности в казымском диалекте хантыйского языка. Данная работа вносит серьёзный вклад в теоретическое изучение морфологии, синтаксиса и семантики не только обско-угорских, но и в целом финно-угорских языков. Научные разработки и выводы диссертации А.Д. Каксина имеют теоретическую и практическую ценность прежде всего для исследователей-языковедов, специалистов по уральским языкам, однако они будут полезны и для студентов университетов, специализирующихся по обско-угорским языкам. Описание важнейших семантико-грамматических категорий модальности и эвиденциальности хантыйского языка выполнено таким образом, что студент, уже знающий основы лингвистики, будет легко ориентироваться не только в терминологии, но и в сути излагаемого материала.

Положения работы создают базу для написания обобщающих крупных теоретических монографий, словарей различного типа, а также открывают новые направления анализа, например, в области семантики, когнитивной лингвистики, синтаксиса текста. Содержание исследования найдет также несомненное практическое применение, прежде всего в преподавании хантыйского языка в различных вузах (Югорском государственном университете, Санкт-Петербургском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена), при разработке основных и специальных курсов, при написании учебных, учебно-методических пособий, учебников нового поколения для средних школ Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Учителя и преподаватели хантыйского языка сегодня как никогда нуждаются в хороших и разнообразных учебниках, учебных пособиях. В качестве таковых можно использовать и некоторые научные работы, в том числе и рецензируемую диссертацию. Нехватка новых современных пособий была всегда, но сегодня, в условиях массового двуязычия среди хантов, она ощущается особенно остро.

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

ХРОНИКА

ИТОГИ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЙЫВАН КЫРЛА ЛУДМАШ» (28 апреля 2011 года)

В 2009 году исполнилось 100 лет со дня рождения знаменитого киноактера и марийского поэта Йывана Кырла, талантливо сыгравшего роль беспризорного Мустафы в первом советском звуковом фильме «Путевка в жизнь» (1931). Судьба поэта была трагичной, его в 1937 году обвинили в пропаганде и участии в контрреволюционной организации и сослали на строительство Беломорканала, а затем – в Соловки. Умер в 1943 году в Богословском лагере НКВД (г. Краснотурьинск). В честь 100-летия Йывана Кырла в поселке Сернур состоялась Первая республиканская научно-практическая конференция «Йыван Кырла лудмаш», в которой приняли участие более 130 человек, в числе которых были литературоведы, лингвисты, историки, этнологи, культурологи, учителя, краеведы, деятели искусств, государственные и муниципальные служащие, общественные деятели, студенты и учащиеся. Было заслушано 69 научных докладов и сообщений, на материалах которых издан сборник «Йыван Кырла – киноактер, поэт, гражданин» (Йошкар-Ола, 2010).

В апреле этого года на родине поэта успешно прошла Вторая республиканская научно-практическая конференция под названием «Диалог культур в истории Марийского края». В конференции приняли участие ведущие ученые Марийского государственного университета, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева, научные сотрудники музеев, работники образовательных учреждений Сернурского, Параньгинского, Мари-Турекского, Медведевского, Куженерского, Новоторъяльского районов республики и г. Йошкар-Олы, а также журналисты, писатели, краеведы, студенты МарГУ и Марийского колледжа культуры и искусств. Работа конференции проходила в семи секциях: 1) Проблемы марийского языкознания; 2) Современные технологии преподавания марийского языка; 3) Марийская литература и литературоведение; 4) Региональная история; 5) Краеведение; 6) Национальное искусство в поликуль-

турном обществе; 7) Межкультурный диалог в современном обществе. Всего заслушано 77 докладов и сообщений по актуальным проблемам языкознания, литературы и литературоведения, истории и краеведения, развития национального искусства и межкультурного диалога, внедрения инновационных технологий в учебный процесс и т.д.

Участники конференции поддержали биеннальное проведение чтений, посвященных Йывану Кырла и предложили организовать в 2013 году межрегиональную конференцию. В ходе ее подготовки запланировано усилить работу по популяризации краеведческого движения в республике, созданию на местах краеведческих клубов, изучению истории малой родины, замечательных людей родного края, самобытной культуры народов республики, проведению историко-краеведческих конференций, «круглых столов», семинаров и других научно-культурных мероприятий.

Марийская общественность выразила тревогу по поводу судьбы марийского языка, сокращения численности его носителей, особенно среди подрастающего поколения. Между тем педагогические коллективы детских дошкольных учреждений, школ мало обращают внимания на эти негативные для национальной культуры тенденции. Участники конференции призвали строже следить за тем, чтобы руководство учебных заведений не допускало сокращения количества часов по марийскому языку и литературе, отведенных в учебных планах. Обращалось внимание на необходимость увеличения финансовых средств, выделяемых на издание учебников и учебно-методических пособий по марийскому языку и литературе.

Региональные историки и краеведы обратились к администрации Сернурского муниципального района и Министерству культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл с предложением расширить работы по изучению и реконструкции археологического памятника «Верхнерегежское городище».

На секции «Национальное искусство в поликультурном обществе» отмечались негативные тенденции в развитии современного музыкального искусства, что прежде всего проявляется в снижении уровня качества эстрадно-песенных сочинений, исполнительского мастерства, размывании национальных традиций музыкально-интонационного восприятия. Выступающие говорили о необходимости широкого обсуждения проблем сохранения и развития национальных традиций в эстрадной музыке, определения места патриотизма, в широком его понимании, в искусстве и творчестве.

Участники конференции предложили выпустить сборник стихов Йывана Кырла с современным переводом на русский язык, а вручение Республиканской театральной премии им. Йывана Кырла и ежегодный фестиваль «Йошкар-Ола театральная» приурочить ко дню рождения поэта.

Никандр Попов
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акшиков Александр Геннадьевич – научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Владыкин Владимир Емельянович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии и региональной истории Удмуртского государственного университета

Востриков Василий Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Горинова Наталья Васильевна – научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Зиявадинова Ольга Сайфидиновна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Казакова Надежда Кимовна – учитель декоративно-прикладного искусства ГОУ РМЭ «Школа-интернат среднего общего образования с углубленным изучением отдельных предметов г. Козьмодемьянска»

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Никитин Валерий Валентинович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии МарНИИЯЛИ

Пекшеева Эльвира Ивановна – младший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Попов Никандр Семенович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Ракин Николай Анатольевич – аспирант Тартуского университета

Садиков Ранус Рафикович – заведующий отделом этнологии Института этнологических исследований Уфимского НЦ РАН

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета

Сухин Владимир Иванович – кандидат исторических наук, ученый секретарь МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – кандидат исторических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ

Цыпанов Евгений Александрович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

CONTENTS

ARTICLES

Sanukov K.N. Finno-Ugric peoples of Russia in the context of globalization. 3
Gorinova N.V. V. Chistalyov and K. Zhakov's tradition in O. Ulyashov's drama «The Poem of prayers» (1991). 12
Peksheeva E.I. Feature of names of fishes' body parts in the Mari language. 24
Zajavadinova O.S. The mythological form of feeling of the Komi nature in G.A. Yushkov and I.G. Toropov's works. 37

REPORTS

Akshikov A.G. Mari epigraphy: research experience. 43
Fedoseyeva N.A. About educational activity of abbot Anastasiy (A.I. Kidalashev). 51
Kazakova N.K. National suit of the mountain Maris as a means of ethnoaesthetic education of younger generation. 58

PERSONS

Vladykin V. E. Born to be a painter (to the 65 anniversary National Artist of Udmurtia, Honored Artist of Russian Federation of P.V. Elkina). 64
Molotova T.L., Sadikov R.R To T.M.Minnijahmetova's anniversary. 69

SURVEYS AND REVIEWS

Nikitin V.V. Revs.: Archaeology of Mordovian region. Stone Age: Bronze Age (executive editor Dr Vladimir Stavitsky, V.N. Shitov). – Saransk, 2008. – 552 pp. 75
Tsypanov E.A. Revs.: Seppo Lallukka Komi-Permian and Komi-Perm district. History, demographic and ethnic processes. – St.-P.: Publishing house «European House», 2010. – 336 pp. 84
Rakin N.A. Revs.: Rakin A.N. Studies in the Permian languages: LLC Publishing house «Cola». – Syktyvkar, 2009. – 272 pp. 92
Vostrikov V.G., Sukhin V.I. Revs.: Eco-environmental factor in the development of interethnic relations in the European North-East of Russia. XX century. Collection of documents and materials / Comp. A.N. Turubanov. – Syktyvkar: Craggs, 2011. – 342 pp. 100
Tsypanov E.A. Revs.: Kaksin A.D. Means of expressing modality and evidentiality in Khant language (based on Kazym dialect). Thesis submitted as degree of Doctor of Philology. – Saransk, 2010. – 303 pp. 102

CHRONICLE

Popov N.S. Results of the Second Republican Scientific-Practical conference «Yvan Kyrlya reading» (April 28, 2011). 106
Informations about the authors 108

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ В ЖУРНАЛЕ «ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ»

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению и публикации статьи на русском и английском с кратким резюме на английском или русском языках, соответствующие профилю издания. Текст статьи должен быть подписан автором с указанием полностью ФИО, ученой степени, должности, места работы, информации для контактов (телефон, электронный адрес). Материал должен быть представлен в электронном виде на отдельной дискете (текст набран в Word 2003, RTF) объемом от 5–22 страниц. шрифт 14 пт, интервал 1,0. В статье должен быть пронумерованный список используемой литературы не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте (1, с.12; 6, с.123).

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат несут авторы.

Публикации представляются по адресу 424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44, тел.45-14-73, 45-39-94, marnii@mari-el.ru, ответственному секретарю Т.Л. Молотовой.

«Финно-угроведение», 2011, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефоны: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: mamii@mari-el.ru

Подписано в печать 06.07.2011. Формат 70x100/16.
Усл.п.л. 9, 03. Тираж 300 экз. Заказ № 4340.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Издательский дом «Сельские вести».
425200, РМЭ, п. Медведево, ул. Советская, 5